9(47)
3732.
Т3(2Р-6Мо)я54
М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

30516.

ЗАПИСКИ
13

БИБЛИОТЕКА
№_____
научно-исслед. ин-т при мин. лит-ры
1977

МОРДОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК—1951

М. В. Дорожкин.

МОРДОВИЯ ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ 1917 года

К началу XX века центр революционного движения переместился в Россию. Россия являлась узловым пунктом всех империалистических противоречий, она была «очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного». Феодально-крепостническая и капиталистическая эксплоатация трудящихся масс, особенно нерусских народов, палачество царизма в отношении нерусских народов принимала бесчеловечные, варварские формы.

Первая империалистическая война еще более усилила империалистические противоречия и ускорила революционные события в стране. Неудачи на фронте, хозяйственная разруха, достигшая к началу 1917 года наибольшего развития — все это говорило о том, что царизм «переживал смертельный кризис». Выход из этого кризиса, как указывали Ленин и Сталин, только один — свержение царского самодержавия.

В феврале 1917 года восставшие рабочие и солдаты Петрограда под руководством партии большевиков свергли царское самодержавие.

Февральская буржуазно-демократическая революция была необычной. Она, как указывает В. И. Ленин «...зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но *не дошла еще* до „чистой" диктатуры пролетариата и крестьянства"[1].

Самой главной особенностью февральской революции является то, что в первые же дни после победы рабочих и крестьян в стране создалось двоевластие.

В результате предательства лидеров соглашательских партий победой рабочих и крестьян воспользовалась буржу-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. том 24, изд. IV, стр. 41

азия, образовав буржуазное временное правительство, в руках которого были сосредоточены все органы государственной власти. Но наряду с буржуазным временным правительством образовалось другое правительство — Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, который не имел в своих руках органов государственной власти, но он опирался непосредственно на вооруженную силу рабочих и солдат. Образование в Петрограде двух правительств—временного правительства, выражавшего диктатуру буржуазии и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, выражавшего революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян не могло не создать и действительно создало двоевластие и на периферии — в губерниях, в уездах и в волостях.

В первые же дни по получении известий о свержении царского самодержавия в Петрограде, рабочие, солдаты и крестьяне Мордовии под руководством большевиков и сочувствующих большевикам стали в ряде мест изгонять царских чиновников, а нередко — истреблять их, уничтожать органы и учреждения царской власти в уездных центрах и в волостях, захватывать помещичьи имения. Взамен органов и учреждений царской власти в Мордовии стало складываться новое политическое управление, присущее переходному моменту в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до социалистической революции.

Уже в начале марта месяца 1917 года стали создаваться органы буржуазной власти: были избраны уездные исполкомы, уездные комиссары временного правительства, позднее появились волостные исполкомы, и, наконец, при уездных исполкомах стали создаваться различные комитеты (продовольственные, топливные и другие). Но параллельно, почти одновременно с этими органами буржуазной власти стали создаваться органы власти рабочих, солдат и крестьян — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Изучение истории Мордовии за время от февраля к октябрю 1917 года показывает яркую картину предательской, контрреволюционной деятельности соглашательских партий эсеров и меньшевиков с одной стороны и с другой стороны картину действительно активного участия широких слоев трудящихся масс в борьбе с царскими чиновниками, помещиками и буржуазией. Этой борьбой рабочих, солдат и крестьян руководили большевики. Укрепление Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, развязывание их революционной инициативы и вообще дальнейшее развитие революционного движения в Мордовии находится в прямой зависимости от появления и роста местных большевистских партийных организаций, от усиления их агитационно-массовой работы. Причем, сами большевистские партийные организации в уездах Мордовии создавались и развертывали свою деятельность с помощью большевистских партийных комитетов крупных промышленных центров — Москвы, Нижнего Новгорода, Сормова и непосредственно Центрального Комитета большевистской партии.

В состав Мордовской АССР вошли окраинные уезды четырех губерний — Пензенской, Тамбовской, Симбирской и Нижегородской: Саранский, Инсарский, Краснослободский и часть Наровчатского уезда из Пензенской губернии, Темниковский и часть Спасского уезда из Тамбовской губернии, Ардатовский и часть Алатырского уезда из Симбирской губернии и часть Лукояновского уезда из Нижегородской губернии.

Настоящая статья написана на основе архивных материалов и печатных источников, показывающих ход событий на территории указанных уездов. Мордовия была одной из отсталых аграрных окраин царской России. По данным ЦСУ в 1913 году на территории Мордовии было всего лишь 50 цензовых предприятий, в которых было занято рабочих 2246 человек. Количество рабочих во всей промышленности Мордовии, в том числе и лесоразработках в этом же году было 7500 человек. Большинство предприятий были мелкие и оснащены отсталой техникой. 83 процента предприятий имели менее 50 рабочих каждое. Только лишь три предприятия имели сравнительно большое количество рабочих: Ширингушская суконная фабрика — 400 рабочих, Рузаевский железнодорожный узел — 300 рабочих, Кондровская бумажная фабрика — 200 рабочих и около 500 рабочих было в г. Саранске. Основные массы населения занимались сельским хозяйством.

В селе господствовали помещики и кулаки. Плодородная земля Мордовии с ее тучным черноземом, огромные лесные массивы, богатые дичью, прекрасные реки и озера богатые рыбой и, наконец, близость Мордовии к культурным и промышленным центрам страны — все это прельщало дворян,

монастырей, купцов. По данным статистики о землевладениях Пензенской, Тамбовской, Симбирской и Нижегородской губерний за 1905 год в уездах, вошедших в состав Мордовской АССР, нашли свой «приют» 943 помещика, 14 монастырей, 59 крупных землевладельцев из духовенства, 149 крупных купцов, владевших большими земельными массивами. В руках этих частных землевладельцев и государственных учреждений были сосредоточены 46,1 процента лучших земель. Если размеры помещичьих владений колебались от 100 до 1000 десятин на одно хозяйство, а 80 крупных помещиков имели в среднем по 2000 десятин лучших земель и угодий, то на одно трудовое крестьянское хозяйство приходилось в среднем по 4 десятины, а владения 40 процентов крестьянских хозяйств колебались от 0,5 до 2,5 десятин земли и угодий на одно хозяйство. В результате столыпинской аграрной реформы бедняцко-середняцкие массы крестьянства были вторично ограблены. В 1861 году ограбили крестьян помещики, а в 1906 году—кулаки. По столыпинскому аграрному закону более 200 тысяч десятин лучшей надельной земли в Мордовии перешли в руки кулачества. Основная масса крестьянства задыхалась от малоземелья. Малоземелье и сопутствующие ему нужда и голод вынуждало бедняцко-середняцкие массы крестьянства прибегать к голодной аренде помещичьих, кулацких и монастырских земель. Основная масса крестьянских хозяйств, обремененная непосильными налогами, уплачивать которые она не была в состоянии и поэтому из года в год росли недоимки, не имела средств на семена и необходимого сельскохозяйственного инвентаря. В 1917 году на 100 крестьянских хозяйств было сох и косуль 89, плугов—6, борон разных—76, сеялок—0,03, жаток—0,02, молотилок—0,06 [1]. Причем, плуги, сеялки, жатки и молотилки принадлежали деревенской буржуазии, а на долю основной массы крестьянства оставались деревянные сохи, косули, бороны, да лукошко. Таким образом, к крестьянскому малоземелью присоединялась крайне примитивная техника обработки земли. При такой примитивной технике и крайней разоренности индивидуальных хозяйств, крестьяне не в состоянии были бороться со стихийными бедствиями, сопровождавшимися большим количеством неурожайных лет. Так за 43 года, с 1866 по 1908 год в Пензенской губернии было—18 неурожайных лет, в Симбирской — 14 лет.

[1] Подсчеты кандидата экономических наук М. В. Агеева.

В городах Мордовии, особенно в Саранске, было довольно большое количество купцов. В их руках находилась вся экономическая и политическая власть в городах. Трудящиеся массы городов: рабочие, ремесленники, мелкие государственные чиновники, батраки жили в вечной нужде, ютились со своими семьями в деревянных лачужках на окраинах городов, фактически лишенные всяких политических прав в управлении городом и в то же время несшие все тяготы обложений на благоустройство купеческих кварталов, не говоря уже о тяжелых государственных налогах.

Города Мордовии характеризовались резким классовым разграничением, ярко выраженным наличием двух полюсов: с одной стороны — купцы толстосумые и с другой — «профессиональные нищие».

Власть помещиков и купцов поддерживалась не только многочисленной армией продажных царских чиновников, полицейских и жандармерии, но и сотнями и тысячами попов и мулл, монахов и монашек, 14 монастырей, объединявших 3900 монахов и монашек[1], более 700 церквей и мечетей, затемняли сознание трудящихся масс религиозным дурманом, изо дня в день воспитывали в них чувство покорности, бесприкословного подчинения эксплоататорам.

Мелкобуржуазная среда в Мордовии, при крайне незначительном количестве кадровых рабочих, явилась почвой, на которой выросли мелкобуржуазные партийные организации эсеров и меньшевиков, тормозивших развитие революции в Мордовии.

Но бесчеловечная эксплоатация трудящихся масс, захват помещиками и кулаками крестьянских земель, налоговой гнет и все возрастающие натуральные повинности, политическое бесправие трудящегося населения, особенно в национальных районах—все это вместе взятое революционизировало массы, поднимало их на борьбу со своими эксплоататорами за свою свободу, за землю, за свои человеческие права.

Первая империалистическая антинародная война, которая еще более увеличила страдания трудящихся масс и поглотила миллионы жизней сынов трудового народа, явилась новым сильным толчком для поднятия революционного настроения рабочих и крестьян.

[1] Д. Рузавин и С. Петров „Мордовская АССР", Мордгиз, 1939 г., стр. 7.

Поэтому вести о свержении царского самодержавия петроградскими рабочими и солдатами были встречены трудящимися Мордовии с большим ликованием, они вызвали к активной политической жизни широкие массы народа, дали толчок к открытому выступлению рабочих, крестьян, солдат и трудовой интеллигенции против царских чиновников, помещиков и буржуазии.

В политической жизни Мордовии рассматриваемого периода довольно активную роль играли солдаты. Армейские гарнизоны стояли во всех уездных городах. Самым большим гарнизоном в Мордовии был Саранский, состоящий из двух полков и одной тяжелой батареи. Палочная дисциплина царской армии, бесконечная муштра, нечеловеческое отношение к солдатам — все это порождало ненависть среди солдатских масс к классово-чуждому офицерству. Солдаты страшно тяготились длительной изнурительной войной, отнявшей миллионы жизней и разорившей их семьи. Под влиянием большевистской агитации солдаты стали сознавать, что война ведется в интересах буржуазии и помещиков, а народу она приносит только бедствие и разруху. Поэтому солдаты живо откликались на все события революционной жизни и нередко являлись инициаторами революционной борьбы трудящихся масс сначала против представителей и учреждений царского правительства, помещиков, а затем против учреждений и представителей буржуазного временного правительства, против буржуазии.

Первые известия о свержении монархии в России поступили в Мордовию в первых числах марта 1917 года [1].

Сообщение о победе февральской революции в Саранске получено 1 марта. Помещики, буржуазия, воинское начальство, царские чиновники всячески стремились скрыть от трудового народа факт свержения царизма. Командующий казанским военным округом генерал Сандецкий в шифрованной телеграмме от 1 марта 1917 года на имя начальника Саранского гарнизона командира 234 запасного пехотного полка полковника Атлантова предлагал известить о свержении монархии «только господ офицеров»[2].

Чтобы изолировать гарнизон от населения города, Атлантов приказал в свою очередь оцепить военные казармы, выставить везде надежные пикеты. Но ни осторожность генерала Сандецкого и ни предусмотрительность полковника Атлантова не спасли положение представителей царизма: солдаты все же узнали о содержании шифрованной телеграммы. На этой почве в подразделениях гарнизона стали проходить митинги солдат. Слухи о свержении монархии из гарнизона проникли в город. К середине дня 2 марта эти слухи подтвердились: группа рабочих во главе с машинистом резервного паровоза, прибывшего вместо ожидаемого поезда из Нижнего Новгорода, сообщила саранским рабочим, что пролетариат Питера совместно с солдатами под руководством большевиков сверг самодержавие [1]. Они сообщили также, что по примеру пролетариата столицы, рабочие Нижнего Новгорода поднялись на борьбу с представителями царской власти, освободили из тюрем политических заключенных и всех рабочих посаженных за участие в стачках. Это сообщение окрылило революционных рабочих города Саранска, они стали готовиться к открытому выступлению против представителей царской власти.

Для установления связи с саранскими рабочими утром 3 марта в Саранск приехали представители рузаевских рабочих, которые в тот час же отправились на предприятия Саранска, чтобы рассказать о начавшейся борьбе рузаевских рабочих. Саранские рабочие в свою очередь посылали своих представителей в Рузаевку.

Уже 3 марта на предприятиях города Саранска прошли бурные митинги рабочих. Рабочие-строители военных бараков по предложению сормовского рабочего — представителя сормовского комитета большевистской партии и по требованию группы рабочих, сочувствующих большевикам, на своем митинге приняли решение немедленно бросить работу и итти на демонстрацию. К ним примкнули рабочие табачной фабрики Никитина, маслозавода Овечкина, которые на своих митингах приняли подобные же решения. Рабочая демонстрация организованно отправилась к центру города. Над колонной демонстрантов появились красные флаги.

В это же время к центру города шла колонна демонстрантов солдат 234 пехотного полка, над которыми к этому времени уже стали терять свою власть офицеры. Колонны

---

[1] Даты до марта 1918 года приводятся по старому стилю.

[2] Вернер „Первые Советы в Саранске, „Красная Мордовия" № 248 от 4 ноября 1934 года.

[1] Вернер «Первые Советы в Саранске, «Красная Мордовия» № 248 от 4 ноября 1934 года.

демонстрантов рабочих и солдат соединились на площади около городской управы[1].

Полицейские пытались остановить движение рабочих и солдат, но они были быстро смятены демонстрацией, которая по мере приближения к центру города все возрастала. Справиться с демонстрантами не могли ни исправник со своими полицейскими, ни городская управа.

Демонстрация трудящихся и солдат города Саранска 3 марта 1917 года показала насколько сгнили и расшатались основы самодержавия не только в центре, но и на местах.

4 марта проходили митинги рабочих по предприятиям и солдат в гарнизоне. На митингах рабочие и солдаты продолжали обсуждать вопросы, связанные с победой февральской революции. Рабочие и городская беднота то в одном, то в другом месте города избивали ненавистных народу царских чиновников и полицейских.

В ночь на 5 марта на собрании группы революционных рабочих был организован Саранский Совет рабочих депутатов.

Здесь же принято решение о немедленном аресте исправника Салтыкова, пристава Попова, двух помощников пристава — Лобанова и Еремина и некоторых ненавистных трудящимся полицейских и городовых (Девяткина и др.). Все арестованные по решению Совета в ночь на 6 марта были расстреляны, кроме исправника Салтыкова, которому удалось сбежать из тюрьмы. Саранский Совет рабочих депутатов в первый же день своего существования создал вооруженную дружину, назвав её «рабочей милицией», куда вошло до 50 человек. Совет рабочих депутатов встречал активную поддержку со стороны революционных солдат[2]. Органы царского правительства совершенно потеряли власть над трудящимися города. Рабочие, солдаты и трудящиеся города Саранска одержали победу.

Весть о свержении монархии Николая II в Рузаевку поступила, так же как и в Саранск, 1 марта 1917 года. Телеграфист Горинов рассказал рузаевским рабочим о шифрованной телеграмме, передаваемой по дороге, где говорилось о свержении самодержавия. Эта весть быстро распространилась по

[1] Помещение, где в настоящее время находится аптекоуправление.

[2] Записано со слов участников организации этого Совета старого большевика пенсионера И. К. Клюканова, старых рабочих М. И. Спиридонова, Н. Н. Воронина.

станции. Уже вечером 1 марта кое-где были проведены митинги рабочих.

2 марта в поселке начались манифестации. К вечеру 2 марта рабочие избрали стачечный комитет, который организовал железнодорожную охрану, возглавляемую рабочими Шарапановым и Никулиным. Железнодорожная охрана, по приказу стачечного комитета, разоружила жандармерию, установила контроль над проходящими через Рузаевку грузами. Железнодорожники выставили перед начальником станции требование о повышении заработной платы и 3 марта отказались выходить на работу.

Стачка рузаевских железнодорожников серьезно обеспокоила владельцев дороги. В Рузаевку немедленно приезжает начальник дороги Фон-Мек, который сначала вел себя высокомерно, вызывающе, на требования рабочих об увеличении заработной платы цинично отвечал, что «Лучше велю слить рельсы из золота и проложить ими всю дорогу от Рузаевки до Рязани, чем прибавить жалованье рузаевским бунтарям». Но рабочие оказались более твердыми, чем Фон-Мек и его хозяева. Их борьба расширялась, принимая все более организованный характер. Несмотря на призывы меньшевиков прекратить стачку и выйти на работу, не замораживать железнодорожный узел, рабочие продолжали забастовку, а засылаемых меньшевиками и начальником дороги штрейкбрехеров не допускали до работы. Расширялась волна манифестаций. Появлялись плакаты с призывами: «Вся власть Советам!» Власть стачечного комитета в Рузаевке укреплялась. В результате революционной борьбы рабочих владельцы дороги вынуждены были уступить, а Фон-Мек согласиться прибавить зарплату и уплатить за простой. Но и после этого рабочие свою борьбу не прекратили. Стачечный комитет продолжал работать вплоть до победы Октябрьской Социалистической революции.

Известия о свержении самодержавия были радостно встречены трудящимися Инсара, Краснослободска, Темникова, Ардатова, а также во всех селах и деревнях Мордовии.

Буржуазия, убедившись в том, что сохранить власть в руках представителей и учреждений царского самодержавия невозможно, решила выступить в качестве инициатора создания новой буржуазной власти в городах и уездах Мордовии. Это ей удается сделать потому, что в отличии от трудящихся она была здесь более организована, она была объединена в

партии, союзы, она имела в своих руках капитал, ей в этом помогали соглашательские партии эсеров и меньшевиков, которые с первых же дней революции стали играть подлую предательскую роль.

В ночь с 4 на 5 марта на имя Саранского городского главы Никитина поступила из Петрограда телеграмма, за подписью председателя временного правительства князя Львова, в которой указывалось, что «Второго сего марта последовало отречение от престола государя императора Николая второго за себя и своего сына в пользу великого князя Михаила Александровича. Третьего марта Михаил Александрович отказался воспринять верховную власть впредь до определения Учредительным собранием формы правления и призвал население подчиниться временному правительству, по почину государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до созыва Учредительного собрания, которое своим решением об образе правления выразит волю народа»[1].

Никитин в ту же ночь созывает в городскую управу всю «знать» города, совместно с руководителями партий эсеров и меньшевиков. Совещание проходило секретно под охраной усиленного полицейского наряда. Здесь договорились о создании временной власти в уезде и о составе этой власти.

5 марта было проведено чрезвычайное заседание городской думы в присутствии представителей соглашательских партий и офицерства. Здесь было оглашено решение ночного совещания о создании Саранского уездного временного исполнительного комитета, под председательством городского головы, владельца табачной фабрики Никитина[2]. В него вошли представители буржуазии, земства и соглашательских партий. В этот же день Саранский временный исполком обратился к населению уезда с воззванием, в котором требовал оказывать всяческую помощь временному правительству.

Создание буржуазных исполнительных комитетов в других уездах Мордовии падает так же на начало марта 1917 года. Уже 4 марта был создан Инсарский уездный исполнительный комитет[3]. 5 марта создан исполком в Краснослободском уезде, 7 марта — в Темниковском уезде, 8 марта создан Ардатовский городской исполнительный комитет (во главе 3-х торговцев и 2-х чиновников городской управы)[1]. Ардатовский городской исполком распространял свою власть на весь уезд вплоть до 10 июля 1917 года — до создания Ардатовского уездного исполнительного комитета.

[1] ЦА МАССР, фонд 543, с кв. 1, дело 1, лист 7.
[2] „Известия Саранского Исполнительного Комитета", № 2 от 30 марта 1917 года. Центр. Архив МАССР, ф. 3/12, дело 12.
[3] Т. Купряшкин и В. Самаркин „1917 год в Мордовии", „Изд. 1939 г., стр. 22.

Параллельно с существованием буржуазных исполнительных комитетов оставались и действовали на некоторое время, где они не были сметены восставшими трудящимися, представители и учреждения царского правительства: исправники с их полицейскими в уездах, волостные правления в волостях, земские начальники с их судебной функцией, городские думы и земские собрания, а равно и их исполнительные органы, созданные на принципах цензовых представительств. Эти учреждения постепенно (одни раньше, другие позднее) упразднялись, или вернее реорганизовывались в новые, угодные буржуазной власти учреждения, в абсолютном большинстве сверху, распоряжением временного правительства.

7 марта 1917 года распоряжением временного правительства назначаются губернские и уездные комиссары этого правительства. В качестве комиссаров назначаются в губернии—председатель губернской земской управы, а в уездах—председатели уездных земских управ.

Председатель Совета Министров временного правительства князь Львов в своей телеграмме от 7 марта на имя председателя Пензенской губернской земской управы князя Кугушева писал, что: «...Временное правительство признало необходимым временно устранить губернатора от исполнения обязанностей, Управление губернией временно возлагаю на вас в качестве губернского комиссара временного правительства со всеми правами, представленными действующими узаконениями губернатору и с сохранением за вами руководительств работой губернской земской управы. На председателей уездных земских управ возлагается обязанность уездных комиссаров временного правительства с сохранением за ними руководительства работой уездных земских управ»[2].

Уже 7 марта князь Кугушев знакомит с этой телеграммой всех председателей уездных земских управ и возлагает тем самым на них обязанности уездных комиссаров, причем, Кугушев предупреждает уездных комиссаров, что их обязан-

[1] Т. Купряшкин и В. Самаркин «1917 год в Мордовии», изд. 1939 г., стр. 22.
[2] Центр. Арх. МАССР, ф. 30, дело 1, лист 87.

ности «...обнимают собой сохранившиеся обязанности исправника, административные обязанности земского начальника и обязанности уездного предводителя дворянства»[1]. В соответствии с этими указаниями во всех уездах Мордовии, кроме Саранского, председатели земских управ приняли на себя и обязанности комиссаров временного правительства.

В Саранском уезде председатель земской управы помещик Обухов не отвечал требованиям буржуазии и соглашательских мелкобуржуазных партий, поэтому Уисполком 7 марта избрал комиссаром помещика Вишнякова, который уже 11 марта губернским комиссаром утверждается одновременно с уездным комиссаром и председателем Саранской уездной земской управы[2].

Следует заметить, что из этой первой партии комиссаров только один Темниковский комиссар Владимиров оставался на этой должности вплоть до марта 1918 года, до победы большевистских Советов РК и СД в Темниковском уезде, в других же уездах в разное время они были заменены новыми комиссарами, которые сметены Октябрьской революцией несколько раньше, чем в Темникове. В Саранском уезде, например, он был изгнан в первые же дни после победы Октябрьской революции, а в Краснослободском уезде — оставался до декабря месяца 1917 года.

7 марта временным правительством упраздняется полиция, как не соответствующая духу времени, и образовывается милиция. Последняя отличалась от первой только по своему названию. Функции милиции временного правительства совершенно такие же, какие были у царской полиции. Даже состав милиции мало чем отличался от состава царской полиции.

Согласно телеграфному указанию Пензенского губернского комиссара от 9 марта 1917 года о том, «...что прежних полицейских агентов возможно зачислять в милицию»[3], уездные исполкомы и комиссары временного правительства постарались подобрать в милицию почти всех старых полицейских и городовых, набивших себе руки на сыскном деле и имевших большой опыт по избиению трудящихся. Правда, штат полиции был больше, чем штат милиции. Но это очевидно устанавливалось местной администрацией. Так, в Темниковском уезде в полиции служило всего 147 человек, а штат милиции утвержден уездным земским собранием от 9 марта в 90 человек[1].

[1] Центр. Архив МАССР, фонд 2/р-398, дело 6, лист 5.
[2] Центр. Архив МАССР, фонд 2/р-398, дело 6, лист 12.
[3] Центр. Архив МАССР, фонд 2/р-398, дело 6, лист 7.

Таким образом, вместо губернатора стал губернский комиссар временного правительства, вместо исправника и земского начальника — уездный комиссар временного правительства, вместо полиции—милиция, причем, функции последних тождественны функциям первых. Такова цена замены власти, произведенной временным правительством.

Создавая новую власть, временное правительство не забыло и о судьбе представителей самодержавной власти, помещиков и других тунеядцев. Уже 5 марта 1917 года временное правительство принимает решение об освобождении из-под стражи всех арестованных «во время государственного переворота», 7 марта принимается решение о запрещении дальнейших арестов без решения судебных органов[2].

Руководствуясь этими решениями, Саранский уисполком, уездный комиссар, Саранская городская дума подняла вой по поводу ареста Советом рабочих депутатов уездного исправника — кутилы и мордобоя Салтыкова (о чем подробнее будет сказано ниже). Однако, боясь народного гнева, прямого приказа о его освобождении никто давать не хотел, поэтому местные власти временного правительства организовали ему тайный побег из тюрьмы.

Темниковская городская дума, согласно доклада городской управы 11 марта приняла решение оплатить зарплату бывшим городовым за 7 дней марта месяца и квартирные за 2 месяца и 7 дней[3]. На этом же заседании гласные, избранные по сословному принципу, договорились принять все меры, чтобы сохранить этим городовым неприкосновенность личности и имущества и рекомендовать их в состав милиции.

Выступив инициатором в качестве создания новой власти и захватив ее в свои руки, буржуазия стремилась закрепить ее за собой. Этого она хотела достичь не только путем организации своей вооруженной силы в виде «милиции», но и путем обмана, стремясь создать видимость, что ее власть законна, избрана народом. С этой целью буржуазия поспешила созвать уездные крестьянские съезды, на которых вмес-

[1] Центр. Арх. МАССР, фонд 543, дело 1, лист 18.
[2] Центр. Архив МАССР, фонд 30, дело 1, лист 39.
[3] Центр, Архив Мордовской АССР, ф. 543, дело 1, листы 15 и 16.

то временных исполкомов должны были быть избраны постоянные.

Причины поспешности созыва этих съездов надо искать в том, что буржуазия, эсеры и меньшевики решили использовать момент для того, чтобы обеспечить себе на съезде большинство и тем самым избрать нужный состав исполнительных комитетов, пока поднявшиеся к активной политической жизни широкие массы не разобрались в сложной обстановке. В Саранском уезде такой «крестьянский» съезд был созван 11 марта 1917 года. На нем присутствовало 179 делегатов с правом решающего голоса[1]. В качестве делегатов съезда, который имел лишь название «крестьянский», были помещики или их управляющие, представители сельской буржуазии, земств и т. п.

Съезд возглавили буржуазия и руководители соглашательских партий. «Крестьянский» съезд открывает фабрикант Никитин, глава Саранской городской думы. Состав съезда предопределил, конечно, и его решения. Съезд с самого начала принял направление, угодное для буржуазии и помещиков. Эсеры в своих выступлениях и в решениях съезда, подготовленных ими же, доказывали, что теперь, с победой революции, война стала оборонительной, революционной, ее надо вести до победного конца. В отношении земли они призывали крестьян ждать смиренно решение Учредительного собрания, до него никаких насильственных захватов помещичьих земель не производить. Съезд завершился выбором Саранского уездного исполнительного комитета, куда вошли представители городской буржуазии, чиновники и деревенская верхушка. В состав Уисполкома избрано 29 человек — по одному представителю от каждой волости.

13 марта состоялось первое организационное заседание Уисполкома, на котором был избран рабочий президиум в количестве 7 человек: председатель — эсер Молчанов, два товарища председателя—эсеры и четыре члена—тоже эсеры. Уже на этом заседании, выслушав жалобы помещиков Вишнякова и Юрлова на крестьян, снявших с их имений работников, отобравших часть земли и имущества из их экономий, приняли решение о борьбе с крестьянским движением. Было решено командировать во все волости своих представителей для «водворения порядка и спокойствия на местах»

[1] Известия Саранского исполнительного комитета, № 2 от 30 марта 1917 года. Центр. Архив МАССР, ф. 3/12, дело 12, лист 1.

и для ведения пропаганды среди крестьян о «немедленной поставке хлеба на нужды армии»[1].

На этом же заседании Уисполкома было вынесено решение о немедленном создании уездного продовольственного комитета, в задачу которого входило не только выколачивание сельскохозяйственных продуктов для продолжения войны, но и защита интересов помещиков, ограждение помещиков от крестьян, начинавших отбирать с первых дней революции их землю, хлеб, скот.

Так выглядит «народная власть», созданная в Саранском уезде по указанию временного правительства.

До 20 марта 1917 года были проведены подобные съезды, носившие названия где крестьянский, где земский, во всех уездах Мордовии. На съездах были избраны уездные исполнительные комитеты временного правительства.

В качестве органов власти временного правительства в волостях создавались волостные исполнительные комитеты, действовавшие по указаниям уездных исполкомов и комиссаров временного правительства.

К созданию волостных исполнительных комитетов было приступлено также с большой поспешностью как и созданию уездных исполкомов. Завершено было оформление органов временного правительства во всех волостях Мордовии к концу марта 1917 года.

Все представители органов временного правительства, начиная от первого его министра князя Львова и кончая последним эсеровским или меньшевистским лидером на местах, заботились о том, чтобы в волостные исполнительные комитеты попали помещики, кулаки, старые земские чиновники и другие угодные им лица. Сверху посылались телеграммы, циркулярные указания о том, кого надо избирать в исполкомы, под чьим началом они должны работать и т. д.

Уже 15 марта 1917 года князь Львов дает телеграфное указание о том, чтобы объединить все общественные комитеты в исполнительные комитеты в губерниях — губернские, в уездах — уездные, в волостях — волостные. Губернские и уездные комитеты становились уполномоченными и исполнительными органами временного правительства на местах[2].

Неудовлетворенный медлительным ходом создания волост-

[1] Известия Саранского исполнительного комитета № 2 от 30/III-1917 г. Центр. Арх. МАССР, ф. 3/12, дело 12, л. 1.

[2] Центр. Архив МАССР, фонд 3/12, дело 11, лист 33.

30516.

БИБЛИОТЕКА
№
научно-исслед. ин-та им. лит-ры

ных исполкомов, пензенский губернский комиссар 27 марта еще раз напоминает уездным комиссарам о необходимости немедленно организовать их, причем он требует «...чтобы в выборах волостных исполкомов приняло участие все население, не исключая и землевладельцев, учителей, священников» и т. д.[1].

В этом же циркуляре губернский комиссар указывает на необходимость отстранения волостного старшины и писаря от их обязанностей и передачи дела волостного правления и всех функций его в ведение волостного комитета.

Эти указания были положены в основу организации волостных комитетов. Саранский уездный комиссар, направляя представителей по волостям для организации волисполкомов, предупреждал их, чтобы в волостные комитеты были избраны «опытные люди», дабы «в серьезное время не прекращалось нормальное течение дел». И действительно в волостные комитеты прошли все «серьезные» люди. Мы не имеем в своем распоряжении ни одного документа, показывающего, что в волостные исполкомы прошли большинством представители бедняцких или даже середняцких хозяйств села. Повсеместно в исполкомы были «избраны» в основном кулаки, попы и даже помещики или их управляющие. По партийному составу волостные исполкомы были главным образом эсеровские. Имелись такие волисполкомы, где все их члены состояли в партии эсеров, как например, в Старо-Кормайданской волости Инсарского уезда, где в эсеровской партийной организации, возглавляемой попом Дружининым, насчитывалось до 50 человек, более половины их вошли в состав волисполкома.

Классовый и партийный состав волисполкомов предопределил их антинародную политику, проводимую главным образом в первые 5—6 месяцев их существования и только лишь позднее, в связи с изменением их состава, ряд волостных исполкомов стали способствовать развертыванию крестьянского движения против помещиков, о чем подробнее будет сказано ниже.

Так, в сравнительно короткое время буржуазия соорудила свое здание политического управления в стране в виде временного правительства с его губернскими и уездными комиссарами и пристройками к нему в виде губернских, уездных

[1] Известия Саранского исполнительного комитета № 3, от 16 апреля 1917 года Ц. Арх. МАССР, фонд 3/12, дело 12, листы 3—4.

и волостных исполкомов, которые, как выразился председатель Темниковского уездного исполнительного комитета на первом же заседании уисполкома от 17 марта 1917 года, призваны «служить очами, устами и руками нового правительства в деле устроения всей России» [1].

Однако, это здание было очень шатким, оно было построено вопреки желаниям трудового народа и направлено против народа, против его борьбы за выход из грабительской, кровопролитной войны, против борьбы за передачи крестьянам помещичьих земель. Поэтому все это сооружение должно было быстро распасться и действительно распалось, как карточный домик.

Параллельно с органами буржуазной власти создавались органы власти рабочих и крестьян — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Своеобразие февральской буржуазно-демократической революции, как указывает В. И. Ленин, состоит в том, что она создала двоевластие, ибо «...рядом с временным правительством, правительством *буржуазии*, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое правительство:* Советы рабочих и солдатских депутатов»[2].

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов образовывались в уездах Мордовии почти одновременно с организацией буржуазных исполкомов. Инициаторами создания Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов выступили большевики и сочувствующие большевикам рабочие, солдаты и крестьяне. Но в Советы пробрались эсеры и меньшевики, поэтому Советы в первое время были слабы. Эсеровско-меньшевистское руководство Советов всячески тормозило развитие революции, оно всецело встало на защиту интересов помещиков и буржуазии.

Как мы уже указали выше, первый Совет рабочих депутатов в Мордовии был организован в Саранске 5 марта 1917 года под руководством сормовского комитета большевистской партии. Опираясь на поддержку рабочих, Совет постепенно

[1] Центр. Архив МАССР, фонд 543, дело 1, лист 18.
[2] Ленин, т. 24, изд. IV, стр. 19.

стал расширять свою деятельность[1]. Он вынес ряд решений об арестах ненавистных царских чиновников и полицейских, создал свою рабочую милицию, являвшуюся вооруженной опорой Совета, куда вошли до 50 человек[2] и прежде всего сами члены Совета. Совет вынес решение о конфискации оружия у населения и со склада гарнизона. Но осуществить это решение не удалось[3].

Революционное движение трудящихся города, решительные действия Совета рабочих депутатов и его милиции насмерть напугали буржуазию и ее агентуру эсеров и меньшевиков. Соглашательские партии стали предпринимать меры, чтобы остановить дальнейшее развитие революции и передать всю полноту власти буржуазии. Они повели борьбу против рабочего Совета, стремясь парализовать его революционные действия. Пользуясь недостаточной организованностью и недостаточной сознательностью трудящихся, эсеры и меньшевики захватили руководство в новом составе Совета рабочих депутатов, избранном в апреле 1917 года.

5 апреля 1917 года в Саранске, в Пушкинском саду собирается общегородской митинг, на котором было решено провести выборы депутатов в Совет. До 15 апреля были проведены собрания рабочих и служащих маслозавода, махорочной фабрики, механической мастерской, овоще-сушильного завода, элеватора, строителей военных бараков, а также собрания сапожников, портных, кровельщиков, кузнецов, подмастерьев и т. д.

Выборы депутатов в Совет прошли с большим подъемом, рабочие в своих решениях выражали одобрение по поводу выборов своих представителей в Совет. На собрании строителей военных бараков от 11 апреля рабочие записали: «Мы рабочие от разных цехов на постройке бараков собрались совместно и обсудив рабочий вопрос постановили: примкнуть

---

[1] Свои дальнейшие заседания Совет рабочих депутатов проводил в одной из комнат семинарии (ныне здание горсовета), где сейчас помещается горздрав.

[2] Рабочая милиция, положившая начало организации красной гвардии, в отличие от милиции врем. прав., носившей на левом рукаве повязки в три полоски (желт., голубая, белая), носила на рукаве красную повязку и на груди красный бант.

[3] Записано из воспоминаний участников организации этого Совета старого большев. пенсионера Клюканова И. К., старых рабочих Спиридонова М. И., Воронина Н. Н., и ныне умершего Куренкова С. Н.

к организации Совета рабочих депутатов»[1]. Подобные же решения приняты рабочими других предприятий. В состав Совета рабочих депутатов этого созыва было избрано 65 человек. Большинство было на стороне рабочих. Меньшевики и эсеры, неудовлетворенные результатом выборов, сделали новый ход. Они ввели в исполком Совета своих представителей путем кооптации, благодаря чему добились большинства в исполкоме Совета рабочих депутатов[2].

Меньшевики и эсеры повели борьбу за обеспечение своего большинства и в Советах солдатских и крестьянских депутатов, выборы которых проходили в марте месяце 1917 года.

11 марта были проведены выборы Совета солдатских депутатов 234 пехотного полка, стоявшего в то время в Саранске. В состав Совета солдатских депутатов наряду с эсерами и меньшевиками прошли и революционеры, часть из которых состояли уже членами партии большевиков.

Боясь, что вся власть в гарнизоне перейдет в руки Совета солдатских депутатов, офицеры на второй день—12 марта — решили создать офицерский полковой комитет, который и повел усиленную борьбу с Советом. Но Совет не сдавался и требовал передачи всей власти в гарнизоне в его руки. Видя, что офицерский полковой комитет добровольно не сдается, солдаты выступили 27 марта с оружием в руках и принудили начальника гарнизона полковника Атлантова издать приказ о признании Совета солдатских депутатов в качестве органа власти[3].

Победа Совета солдатских депутатов вызвала тревогу среди эсеров, которые стали принимать срочные меры к тому, чтобы ослабить этот Совет. С этой целью 13 апреля эсеровский комитет добивается введения в Совет солдатских депутатов своих представителей с правом решающего голоса.

В руках эсеров и меньшевиков оказался также уездный Совет крестьянских депутатов. Организация Советов крестьянских депутатов в Мордовии несколько затянулась. В Саранском уезде этот вопрос официально обсуждался только 19 марта 1917 года на собрании представителей из волостей.

Уже на этом собрании были заранее определены задачи Совета крестьянских депутатов при явно эсеровской трак-

---

[1] Центр. Арх. МАССР, ф. 3/12, дело 9, лист 47.
[2] Там же, ф. 3/12, дело 9, лист 2.
[3] Центр. Арх. МАССР, ф. 3/12, дело 9, лист 1.

товке. Здесь был намечен ряд практических мероприятий по подготовке к организации Совета, в том числе и созыв уездного крестьянского съезда, который и должен был завершить работу по созданию Совета крестьянских депутатов.

Саранский уездный крестьянский съезд открылся 30 апреля 1917 года при 218 делегатах с решающим голосом, на котором, кроме вопросов, связанных с образованием Саранского уездного Совета крестьянских депутатов обсуждался ряд других вопросов как то: об отношении крестьян к временному правительству, об отношении к войне, займе «свободы», о временных мерах к разрешению крестьянского вопроса.

Съезд прошел в острой борьбе между небольшой группой большевиков и сочувствующих большевикам крестьян, с одной стороны, и эсерами, меньшевиками и поддерживающими их зажиточными крестьянами, с другой. Так как противники большевистской линии составляли абсолютное большинство присутствующих на съезде, то и решения почти по всем вопросам приняты эсеровские. Признав необходимым образование Совета крестьянских депутатов, съезд поспешил определить его задачи в эсеровском толковании, основные положения которых сводились к следующим пунктам:

«а) выяснение земельного вопроса с целью подготовки его решения в Учредительном собрании, указание и отстаивания тех мероприятий, которые могут быть проведены в жизнь до созыва Учредительного собрания; б) подготовка крестьянства к Учредительному собранию; в) наблюдение за действиями временных органов власти, чтобы они не отступали от тех начал декларации, которые были обнародованы временным правительством и «одобрены петроградским Советом солдатских и рабочих депутатов»[1].

Угодничая перед буржуазным временным правительством, эсеры повели съезд в направлении угодном и выгодным для буржуазии и помещиков. Съезд принял также решения и о поддержке и доверии временному правительству, о поддержке займа «свободы», который был выпущен временным правительством, но не одобрен трудовым народом, поэтому приспешники буржуазии вынуждены были навязывать трудящимся этот заем специальными решениями на съездах.

При обсуждении вопроса о займе «свобода» по предложению меньшевика, врача Саранского гарнизона Войнштейна, и по настоянию присутствующих на съезде меньшевиков были приняты дополнительно два пункта, которые очень ярко характеризуют лицо меньшевиков, как защитников интересов империалистической буржуазии»: а) предложить временному правительству издать декрет о повышении налогов на военную прибыль; б) просить правительство позаботиться в ближайшем будущем изыскать средства на ведение войны путем обложения... населения»[1].

[1] Центр. Архив МАССР, ф. 3/12, лист 9.

В качестве временных мер к разрешению земельного вопроса съезд ничего не мог выдумать, кроме как потребовать от крестьян «не допускать никаких насилий и захватов... частновладельческих лесов, садов,... построек» и т. д., ибо все это, как они истолковали «губит дело революции», а не углубляет и расширяет ее, чего авторы этих решений и боялись как огня.

Но по вопросу об отношении к войне эсеровско-меньшевистское руководство не могло навязать съезду решение о продолжении войны до победного конца. Резолюция такого характера, предложенная докладчиком по этому вопросу меньшевиком прапорщиком Феклистовым, большевиками была провалена и большинством голосов съезд принял другую резолюцию, отвергающую «всякие захватные стремления» и требующая заключения мира «без аннексий и контрибуций на основе свободного самоопределения народов». За эту резолюцию было подано 120 голосов, а за резолюцию докладчика— 54 голоса[2]. Остальные воздержались от голосования или во время голосования не присутствовали в зале.

Съезд завершил свою работу избранием Саранского уездного Совета крестьянских депутатов в составе 54 человек— по два депутата от каждой волости.

Эсеры и зажиточные крестьяне, использовав свое большинство, протащили в состав Совета, главным образом, своих представителей. Исполком Совета был составлен целиком из эсеров и меньшевиков. Причем многие члены исполкома Совета крестьянских депутатов состояли одновременно членами исполкомов Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов.

В марте и апреле месяце 1917 года образованы Советы рабочих депутатов и Советы солдатских депутатов также в Инсарском, Краснослободском, Наровчатском, Темниковском, Ардатовском и Лукояновском уездах. Причем, как и в Саран-

[1] Центр. Архив МАССР, ф. 3/12, дело 12, лист 10.
[2] Там же.

ском уезде, первые созывы Советов в указанных уездах были в основном эсеровскими.

В апреле, мае и июне месяцах 1917 года во всех уездах Мордовии происходит процесс слияния Советов рабочих депутатов, Советов солдатских депутатов, Советов крестьянских депутатов в объединенные уездные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 15 апреля, например, Саранский Совет рабочих депутатов сливается с Советом солдатских депутатов и в конце второй декады июня месяца Совет крестьянских депутатов сливается с объединенным Советом рабочих и солдатских депутатов. Темниковский Совет рабочих депутатов 21 апреля объединяется с Советом солдатских депутатов, а 21 мая в Совет рабочих и солдатских депутатов вливается и Темниковский уездный Совет крестьянских депутатов. В таком же порядке создавались объединенные Советы и в других уездах, т. е. сначала объединялись Советы рабочих депутатов с Советами солдатских депутатов, а потом в эти объединенные Советы рабочих и солдатских депутатов вливались Советы крестьянских депутатов. Позднее были разработаны «наказы» о внутреннем распорядке Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые являлись как бы условиями объединения. «Наказы» предусматривали создание в Советах трех секций: рабочей, солдатской и крестьянской, которым представлялось право решения чисто профессиональных вопросов. Председатели секций являлись заместителями председателя исполкома и членами президиума Совета. Исполком избирался из представителей секций по норме от десяти членов секции один член исполкома, кроме того в него входили по два представителя от большевиков, эсеров и меньшевиков. При Советах создавались специальные комиссии, наиболее распространенными из которых были: организационно-агитационная, культурно-просветительская, финансовая и мандатная. Председатель исполкома имел право присутствовать на заседаниях этих комиссий с правом решающего голоса.

Создавая и укрепляя Советы в городах, большевики и им сочувствующие, выполняя указание В. И. Ленина о том, что «Надо немедленно устраивать по всей России, в каждой без исключения деревне Советы крестьянских и батрацких депутатов по образцу Советов рабочих и солдатских депутатов в городах» [1], повели борьбу за создание волостных и сельских

[1] Ленин, Соч., т. 24, изд. IV, стр. 111.

Советов крестьянских депутатов. В течение мая и июня месяцев 1917 года они были повсеместно созданы и действовали параллельно с волостными исполнительными комитетами.

Волостные и сельские Советы крестьянских депутатов в этот период были еще общекрестьянскими организациями, объединяющими крестьянство в целом. Кулачество, мелкобуржуазная интеллигенция, пользуясь темнотой и отсталостью крестьянской бедноты, забирали руководство в Советах в свои руки. Характеризуя первые Советы, В. И. Ленин говорил: что «Это была пора господства мелкой буржуазии, меньшевиков и социалистов-революционеров считать тех и других социалистами могут только глупцы или ренегаты вроде Каутского)» [1].

Таким образом, в уездах и в волостях Мордовии наряду с органами временного правительства— уездными и волостными исполнительными комитетами—образовались органы рабоче-крестьянской власти—Советы.

Несмотря на то, что в Советах первого созыва, тем более в их исполкомах было эсеровско-меньшевистское засилие, тем не менее, Советы в Мордовии тогда были единственной авторитетной властью среди трудящихся; большинству трудящихся не была еще известна предательская политика этих партий. Характерно, что почти все жалобы и требования помещиков, промышленников, торговцев, монастырей, кулаков шли в адрес уездных исполнительных комитетов и уездных комиссаров временного правительства, а жалобы и требования рабочих и крестьян шли в адрес Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Крестьяне ряда сел не признавали ни один закон временного правительства или распоряжения местных органов временного правительства, особенно по вопросу об охране частной собственности помещиков и кулаков, если эти законы и распоряжения не были подписаны Советом. Так, например, крестьяне села Грабовки Саранского уезда, разгромившие имение помещика Борисова, уполномоченному уисполкома, прочитавшему закон о мерах, применяемых правительством за «самовольство», ответили, что этот закон «...не действителен, так как он не подписан Советом рабочих и солдатских депутатов». Под давлением рабочих, крестьян и солдат Советы нередко вынуждены были принимать революционные решения.

[1] Ленин, Соч., т. 28, изд. IV, стр. 277.

Весь период с марта 1917 года до начала 1918 года, до полной победы Советской власти в Мордовии, характеризуется острой борьбой рабочих, крестьян, солдат не только против органов временного правительства, но и против эсеровско-меньшевистского руководства Советов, которые не менее рьяно отстаивали интересы буржуазии и помещиков и пытались превратить Советы в придаток органов временного правительства. Причем эта борьба все более обострялась в последние месяцы 1917 года.

В первые же дни после победы февральской буржуазно-демократической революции рабочие Саранска и других городов Мордовии повели борьбу за установление 8 часового рабочего дня, за введение рабочего страхования и за установление твердого минимума зарплаты. Борьбу рабочих за установление 8 часового рабочего дня поддержали крестьяне. Пензенский губернский крестьянский съезд на своем заседании от 2 мая 1917 года, выразив желание «поддержать товарищей рабочих в... общей борьбе», по предложению большевиков принял следующее решение:

«1) В целях охраны духовных и физических сил трудящихся устанавливается, как требует этого наука, на всех фабриках, заводах и других предприятиях рабочий день продолжительностью не более 8 часов.

2) Все рабочие подлежат государственному страхованию за счет государства и хозяев от несчастных случаев, от безработицы, на случай старости и болезни, а семьи—на случай смерти.

3) Для каждого отдельного вида рабочего труда по соглашению рабочих союзов и народных самоуправлений, устанавливается определенная заработная плата, ниже которой хозяева не могут оплачивать труд рабочего (минимум заработной платы)»[1].

Решение крестьянского съезда, все более энергичные требования большевиков об установлении 8 часового рабочего дня, введения рабочего страхования и минимума заработной платы—все это еще больше окрылило рабочих, вселило в них уверенность в свою победу ибо они в этой справедливой борьбе не одни, с ними партия большевиков, их поддерживает трудовое крестьянство.

---

[1] Известия Саранского исполнительного комитета, № 6, за май 1917 года. Центр. Арх. МАССР, ф. 3/12, дело 12, лист 11.

Предприниматели упорно сопротивлялись введению подобных рабочих законов, заводчиков и фабрикантов долгое время поддерживали официальные правительственные органы—комиссары временного правительства и буржуазные исполнительные комитеты, в которых, кстати сказать, заседали в качестве их правомочных членов большинство крупных предпринимателей[1]. Но задержать развитие истории было уже невозможно: слишком велики были силы революции. Буржуазия и ее приспешники вынуждены были уступить напору рабочих. К началу июня 1917 года во всех уездах Мордовии был введен 8 часовой рабочий день.

В Саранском уезде введение 8 часового рабочего дня было ускорено открытым выступлением рабочих маслозавода Овечкина в 20-х числах мая. Вопрос о введении 8 часового рабочего дня по настоянию большевиков обсуждался почти на каждом заседании Совета рабочих депутатов и заседании Саранского исполкома в течение апреля и мая 1917 г., но положительного решения не принималось.

На одном из таких заседаний Совета рабочих депутатов большевистский оратор заявил, что постольку поскольку буржуазия сопротивляется введению 8 часового рабочего дня, а эсеровско-меньшевистское руководство поддерживает ее, т. к. они сами являются владельцами предприятий, то нужно решение этого вопроса рабочим взять в свои руки, выкинуть прочь с пути мусор, мешающий нашему продвижению. Речь большевика вызвала бурные овации среди рабочих; она пришлась им по душе. Расходясь по предприятиям рабочие депутаты по указанию большевиков немедленно созвали митинги рабочих, где рассказали своим товарищам о необходимости усиления борьбы за рабочие законы, что это дело надо взять в свои руки. На маслозаводе митинг завершился открытым выступлением рабочих. Здесь были особенно тяжелые условия рабочих, не было никакой охраны труда. В памяти рабочих свежо сохранился случай, происшедший незадолго до этого, когда владелец завода Овечкин приказал своему управляющему Немцеву «прогнать к чорту» старого рабо-

---

[1] Лидер эсеров Саранского уезда Ценговатов, ставший с июля месяца Саранским уездным комиссаром временного правительства, был владельцем кожевенного завода.

чего, получившего увечье при взрыве нефтяного бака, «если он выживет и снова будет проситься на работу». Немцев так и поступил. Пришел момент, когда рабочие напомнили заводовладельцу и его управляющему этот и сотни других подобных случаев. Рабочие организованно ворвались в заводоуправление, схватили оттуда толстяка Немцева, связали ему руки и ноги, облили мазутом, взвалили на тачку и отвезли на свалку, приговаривая: «выкинуть прочь с пути мусор»[1]. Сам заводовладелец спасся от такой кары бегством.

Это выступление рабочих маслозавода, твердый голос рабочих других предприятий вынудили саранскую буржуазию и их лакеев подчиниться воле революции. Исполком Саранского Совета рабочих депутатов 25 мая 1917 года принимает решение о введении с 2 июня по всему Саранскому уезду 8 часового рабочего дня.

В мае и июне месяцах 1917 года вводится 8 часовой рабочий день и в других уездах Мордовии.

Рабочие и крестьянская беднота повели также борьбу за установление контроля над ценами на промышленные и продовольственные товары. Уже в апреле месяце 1917 года ими был выдвинут перед исполкомом Советов рабочих и крестьянских депутатов, а также перед исполнительным комитетом требование о конфискации у торговцев всего запаса товаров. Саранский исполнительный комитет, как орган буржуазного временного правительства, принятие такого предложения счёл «оскорблением достоинства» исполнительного комитета и не только отказался обсудить требование трудящихся, на нуждах которых наживались спекулянты, но сам факт постановки этого вопроса квалифицирован, как недостойный внимания инцидент»[2].

Решения о конфискации у торговцев промышленных и продовольственных товаров не принял и исполком Совета рабочих и крестьянских депутатов. Однако, исполком Совета этот вопрос оставить без внимания не мог: боялся потерять свой престиж в глазах рабочих и крестьян. Поэтому, исполком Саранского Совета крестьянских депутатов 9 мая 1917 года принял решение, обязывающее Совет торгово-промышленного союза снизить продажные цены на товары на 5—10 процентов и представить в Совет прейскурант продажных цен для утверждения[1].

[1] Записано со слов старых большевиков Клюканова, рабочих Спиридонова, Воронина.

[2] Известия Саранского исполнительного комитета №6, за май 1917 г. Центр. Арх. МАССР, ф. 3/12, д. 12, лист 7.

Не менее острая борьба шла в Саранском гарнизоне. Совет солдатских депутатов, в котором хотя и было эсеровско-меньшевистское большинство, все же имел в своем составе немало революционно настроенных солдат и младших офицеров, за которыми шли солдатские массы. Ряд контрреволюционных мероприятий, которые стремилось провести командование, Советом были предупреждены и сорваны. Сорван был приказ об отправке в Петроград для борьбы с революцией маршевой роты и женского батальона смерти. По приказу командующего Казанским военным округом полковника Архарова за коммунистическую пропаганду был арестован один из членов Совета Солдатских депутатов, но Совет запротестовал и он был освобожден. Совет сорвал ряд приказов начальника гарнизона об отправке солдат на фронт. На объединенном заседании полковых комитетов и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 25 апреля 1917 года полковник Атлантов был поставлен на вид за то, что он не согласовывает свои действия с Советом и полковыми комитетами. Предупредили его, что если он и впредь будет продолжать свою дезорганизаторскую деятельность, то будет поставлен вопрос перед вышестоящими властями об устранении его с должности начальника гарнизона[2].

В первые же дни после февральской буржуазно-демократической революции в уездах Мордовии развернулось острое аграрное движение. Бедняцко-середняцкие массы крестьянства, которые веками угнетались помещиками, царскими чиновниками, кулаками, мечтали о свободе, о земле, мордовское крестьянство, терпевшее кроме социального гнета со стороны русского царизма и помещиков еще национальный гнет, мечтало о том, когда оно под руководством российского пролетариата завоюет себе национальное равноправие. Поэтому первые же известия о свержении царизма, дошедшие в деревню, вызвали среди крестьян активное революционное движение, направленное против помещиков, царских чиновников и полиции.

Уже 7 марта 1917 года крестьяне Больше-Въясской во-

[1] Центр. Арх. МАССР, ф. 3/12, дело 4, лист 5.

[2] Центр. Арх. МАССР, ф. 3/12, дело 12, лист 18.

лости Саранского уезда собрались в волостное село для решения неотложных дел, вызванных революцией. Прежде всего они решили упразднить старое волостное правление, разоружить полицию и произвести у неё обыск. Для ведения дел в волости и охраны порядка собрание избрало исполнительный комитет в составе 10 человек и милицию. Всю лесную и удельную стражу подчинили волостному исполнительному комитету. В целях оказания помощи беднейшему населению волости, собрание решило обратиться с просьбой к Саранскому исполнительному комитету разрешить отпустить из Семилейского ссыпного пункта для беднейшего населения Б.-Вяськой волости 5000 пудов хлеба. Кроме этого собрание приняло ряд мер по улучшению торговли: объявили свободную продажу всех продуктов, установили время для торговли в лавках с 7 часов утра до 7 вечера, установили контроль над продажными ценами, приняли меры, запрещающие производство и продажу опъяняющих напитков[1].

Особенно сильную ненависть крестьяне питали к царским судьям, земским начальникам. Земельные общества Саранской волости четыре общества г. Саранска: Казачье, Алексеевское, Николаевское, Пушкарское, два общества с. Посопа и общество с. Николаевки на волостном сходе 8 марта 1917 года постановили сменить волостных судей, которые были «первые кровопийцы и приверженцы царского строя». Уездный комиссар опротестовал это решение и пытался восстановить старых судей, но крестьяне не подчинились указаниям комиссара, оставив свое решение в силе. Крестьяне села Ромоданова на своем собрании от 25 марта приняли решение, требующее ареста земского начальника, как ярого приверженца царизма[2].

Уже с марта месяца 1917 года во всех уездах началось крестьянское движение против помещиков. Крестьяне ряда сел, получив известия о победе февральской революции, организовывали массовые демонстрации и направлялись в помещичьи имения, чтобы всем миром предъявить помещику свои претензии. Но к удивлению крестьян, демонстранты осаживались назад военизированными командами, охраняющими имущество и «покой землевладельцев». Не понимая еще природу

[1] Центр. Арх. МАССР, фонд 3/12, дело 12, лист 2.
[2] Т. Купряшкин и В. Самаркин «1917 г. в Мордовии», изд. 1939 г. стр. 25.

и политику временного правительства в центре, его органов на местах, крестьяне многих селений с доверчивой душой излагали им свои жалобы на помещиков и царских чиновников и просили арестовать их, как своих долговечных мучителей и ярых сторонников царизма. В этом отношении характерным является постановление общего собрания крестьян села Булаева Урейской волости, Краснослободского уезда от 10 марта 1917 года, которое мы приводим здесь полностью: «Мы нижеподписавшиеся крестьяне села Булаева Урейской волости Краснослободского уезда согласно единодушного решения лиц обоего пола, присутствующих на собрании бывшем сего числа постановили просить господина комиссара нового временного правительства города Краснослободска о немедленном аресте и предании суду г. Льва Бакулина, как самого ярого крепостника и мучителя крестьян нашего села, десятками лет угнетавшего нас. В основу причин побудивших нас прийти к такому решению послужили следующие его поступки: 1-е умышленное нежелание продать нам хотя бы за какую угодно плату прогона (кусок земли около села) благодаря чего мы буквально изнемогали от штрафов и арестов, которые приходилось нести за потравы, так как прогнать скот на пастбище иначе никак было невозможно. 2-е Его умышленная продажа земли кулакам других сел, несмотря на неоднократные наши к нему обращения по этому вопросу. 3-е Десятки лет томившего нас гнилою водою, которую он отравлял отбросами принадлежащего ему винокуренного завода реку, благодаря чему у нас в 1905 году происходили беспорядки. Часть наших братьев даже за это тюремное заключение отбывали. 4-е Бакулин ярый монархист и реакционер и как предводитель дворянства являет в своем лице типичный образец члена «союза русского народа», почему его пребывание на свободе в данный момент более чем вредно. Вот причины, побудившие нас прийти к изложенному заключению, в чем и подписываемся крестьяне села Булаева грамотные (следует шесть подписей, печать и роспись сельского старосты села Булаева»[1].

Но уездный комиссар крестьянам села Булаева не помог. Бакулин остался на свободе: предавать его к суду никто не собирался. Бакулин не только не пошел на уступки крестьянам села Булаева, но вопреки их интересам продал свою зем-

[1] Центр. Арх. МАССР, ф. 30, дело 2, лист 2.

лю, в том числе и этот злополучный прогон крестьянам села Карлина, чтобы поссорить между собой эти два общества. Поэтому булаевские крестьяне вынуждены были 23 марта вновь обратиться, но уже к Краснослободскому уездному исполнительному комитету с просьбой и отчаянием запротестовать эту купчую[1].

Не помогло так же и само временное правительство крестьянам сел Русское Маскино и Мордовское Маскино Краснослободского уезда, которые в начале апреля обратились непосредственно к правительству, через его уездного и губернского комиссаров с коллективной просьбой прирезать им из владений купчихи Головой и помещиков Рябининых и Пономаревой хотя бы часть земли, которая раньше принадлежала им, но ее отнял у их дедов заводовладелец Манухин. Свою правоту крестьяне этих двух обществ доказывают наличием у них плана генерального межевания, проводимого во времена Екатерины II. Крестьяне в своем прошении, подписанном 144 человеками пишут: «...Мы конечно несколько раз поднимали этот вопрос, но под гнетом старого режима ничего хорошего добиться не могли, но в настоящее время по случаю великого государственного переворота имеем подняться духом и окрыленные надеждой на программу социал-демократической партии, что земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает своими руками и тем более нам эта земля к делу, как говорит русская пословица, дорога борозда к загону, поэтому мы все единогласно постановили ходатайствовать перед правительством возвратить нашу утерянную землю, сколько ее находится в нашем плане»[2]. Но маскинские крестьяне не дождались ответа на свою просьбу: ее никто не рассматривал.

Эти документы, как и многие другие, говорят о том, что многие крестьяне еще верили временному правительству, верили лживым обещаниям эсеров и меньшевиков, они думали, что временное правительство и его органы на местах будут защищать их интересы, вопрос о земле решат в их пользу. Поэтому часть крестьян в первое время не помышляли о насильственном захвате помещичьей и монастырской земли, они лишь молили правительство вернуть обратно их землю, которая была отнята у них помещиками и монастырями или

[1] Центр. Арх. МАССР, фонд 30, дело 2, лист 5.
[2] Центр. Арх. МАССР, фонд 30, дело 2, лист 15.

же заставить землевладельцев продать обществу хотя бы кусок земли за какую угодно плату.

Но другая часть крестьян находила наиболее удобным взять решение аграрного вопроса в свои собственные руки. Уже с марта месяца крестьяне некоторых сел начали забирать помещичьи и монастырские земли, леса, скот, семена и нередко расправляться с помещиками.

14 марта крестьяне села Старое Акшино Инсарского уезда разгромили имение помещика Смоленского, разогнали его прислугу, а самого его избили. 19 марта крестьяне ряда земельных обществ Темниковского уезда начали производить массовую порубку леса, принадлежащего помещику Белоусову[1]. В апреле месяце крестьяне ряда сел Саранского уезда разгромили имения помещика Ушакова, князя Гагарина, помещика Мальцева. Отобранный у них хлеб крестьяне делили между собой. В первые же дни после победы февральской революции помещица Веденяпина Ел. Аппол. при селе Троень Веденской волости Краснослободского уезда стала продавать свое имущество, но не местным жителям, а кулакам соседних селений. Крестьяне села Троень возмутившись поведением помещицы, собрались в имение, разогнали прислугу, отобрали все барское имущество и стали сами распродавать его с торгов[2]. 10 апреля крестьяне села Будаева Краснослободского уезда разгромили имение помещицы Пляцентовой, отобрали семена и инвентарь[3].

Уже в марте и апреле месяцах 1917 года развертывается движение крестьян против духовных феодалов-монастырей. В 10-х числах апреля крестьяне села Пяльцы Краснослободского уезда сняли рабочих с экономии Успенского монастыря, требуя, чтобы землю обрабатывали личным трудом[4]. В начале апреля крестьяне Ст. Турдаковской волости Саранского уезда постановили на своем волостном сходе разделить между собой все церковные земли. Крестьяне села Мамангина Краснослободского уезда в 20-х числах апреля запретили манашкам Александро-Невского монастыря рубить лес в монастырской даче, так как она принадлежит,—заявили кресть-

[1] Т. Купряшкин и В. Самаркин «1917 год в Мордовии», изд. 1939 г., стр. 25—26.
[2] Центр. Арх. МАССР, фонд 27, связка 1, дело 2.
[3] Центр. Арх. МАССР, фонд 30, дело 2, лист 10.
[4] Там же, фонд 30, дело 2, лист 27.

яне,—теперь уже не монастырю, а крестьянам[1]. Из донесений уездных комиссаров временного правительства, из личных заявлений помещиков, настоятелей монастырей видно, что подобные выступления крестьян уже в первые два месяца после победы февральской революции происходили в ряде уездов и волостей Мордовии.

Аграрное движение крестьян против помещиков сопровождалось ломкой старой власти на селе и созданием новой власти. Уже в первую половину марта стали возникать органы народной власти на селе под различными названиями: Советы, исполнительные комитеты, земства, крестьянские комитеты. Задача этих органов сельского самоуправления состояла в том, чтобы организовать силы крестьян для борьбы за решение земельного вопроса. В ряде сел, где крестьяне находились под большим влиянием большевистской агитации в состав органов сельской власти вошли представители бедняцко-середняцких слоев и они выступили инициаторами и организаторами борьбы за захват помещичьей земли, инвентаря, семян. Поэтому создание органов народной власти на селе пришлось сразу же не по вкусу помещикам, буржуазии и их временному правительству.

Правительство Гучковых и Милюковых пыталось ликвидировать сельское самоуправление. В телеграфном распоряжении от 15 марта 1917 года, о котором мы упоминали выше князь Львов предлагает объединить все местные комитеты, которых, как он указывает, появилось множество и действия их не всегда согласованы, в губернские, уездные и волостные комитеты[2].

Создание органов самоуправления в селах в задачу князя Львова и его компании не входило. Но революционная жизнь шла своим чередом, она принебрегала министерские распоряжения. В селах и деревнях по мере усиления революционного движения стали создаваться и укрепляться революционные крестьянские комитеты, руководившие борьбой крестьян за землю.

Временное правительство, стремясь вырвать из рук бедняцко-середняцкой массы крестьян решение земельного вопроса, 21 апреля издало постановление об учреждении земельных комитетов, которые обязаны были охранять частное земле-

[1] Центр. Архив МАССР, ф. 30, листы 23—24.
[2] Центр. Арх. МАССР, ф. 3/12, дело 11, лист 33.

владение и готовить решение земельного вопроса на Учредительном собрании. Это был определенный трюк, рассчитанный на затягивание решения вопроса о передаче крестьянам помещичьей земли и в конечном счете на обман крестьян. Дело не только в том, что буржуазные исполкомы и лакеи буржуазии эсеры и меньшевики тщательно отбирали в состав этих земельных комитетов угодных им лиц, от которых никак нельзя было ожидать решение земельного вопроса в интересах трудового крестьянства, но и в том, что земельные комитеты, особенно волостные, с которыми крестьяне больше всего имели дело, не могли выносить окончательного решения. Решения волостных земельных комитетов, согласно правительственному постановлению, могли быть обжалованы в уездный и губернский земельные комитеты и даже в главный земельный комитет. Поэтому крестьяне по праву называли этот земельный комитет балаганом, в большинстве своем не подчинялись его решениям и вопреки им продолжали отбирать помещичьи и монастырские земли.

Однако, развитие революционного движения задерживалось как органами временного правительства, так и эсеровско-меньшевистским руководством Советов. Крестьяне не раз наталкивались на вооруженные команды, снаряжаемые уездными комиссарами временного правительства, с согласия комитета эсеровских и меньшевистских партий для охраны помещичьих имений.

Поддавшись в первое время влиянию демагогических речей многочисленных эсеровских агитаторов, крестьяне в начале с некоторой надеждой ждали от временного правительства, что оно передаст им помещичьи земли и решит вопрос о мире, вернет домой их отцов, сыновей, мужей. Но дальнейшие события и поведение временного правительства скоро стали убеждать их в том, что они обмануты. Буржуазное временное правительство не хотело передавать землю помещиков крестьянам, оно призывало крестьян покорно ожидать решения Учредительного собрания, срок созыва которого не был определен.

Временное правительство не хотело кончать войну, а в угоду кошелька буржуазии решило довести ее до «победного конца». Соглашательские партии—эсеры и меньшевики, призывали итти на фронт, обманывая народ, что теперь, после победы революции, война стала справедливой, оборонитель-

ной. Уездные Советы крестьянских депутатов, крестьянские съезды, состоявшие главным образом из деревенской буржуазии и их эсеровской партии, в своих решениях повторяли слово в слово все то, что указывало временное правительство и клялись ему в своей верности и преданности. Так, Саранский уездный съезд крестьянских депутатов своим решением от 2 мая 1917 года запретил крестьянам отбирать помещичьи земли и чинить какое бы то ни было насилие над помещиками[1].

Бедняцко-середняцкие массы постепенно стали убеждаться, что от временного правительства и его органов на местах нельзя ждать положительного решения вопроса о земле. Благодаря большевистской агитации, усилившейся в Мордовии после появления апрельских тезисов В. И. Ленина, Всероссийской апрельской конференции РСДРП, принявшей решение «... о конфискации помещичьих земель с передачей их в распоряжение крестьянских комитетов и о национализации всех земель в стране»[2] большинству крестьян стало ясно, что решение вопроса о земле надо взять в свои собственные руки.

Если в марте и начале апреля 1917 года крестьяне села Булаева, Русское Маскино, Мордовское Маскино, Сивини Краснослободского уезда упрашивали органы временного правительства прирезать для них часть земли от владений помещиков Бакулина, Рябининых, Пономаревой, Головых, то в конце апреля после того, как на их просьбы никто не откликнулся, они поняли свою ошибку, и исправляя эту свою ошибку, приступили к насильственной конфискации помещичьей земли и леса. Представители Краснослободского уездного комитета, посланные в село Сивинь для выяснения причин массовой порубки леса, принадлежащего помещикам Головым, в своем докладе уисполкому и комиссару временного правительства указывали, что отношения между крестьянами села Сивинь и помещиками давно уже натянуты. Крестьяне еще в 1916 году выступали на прорубку леса, так, как у них «нет дров, соломы мало, торфа нет».

Большую роль в росте политического сознания крестьян сыграли ряд замечательных статей тов. Сталина, опубликованных в большевистской «Правде», которая через возвращавшихся с фронта солдат и большевистских агитаторов часто попадала в деревню. Эти статьи поднимали крестьян на борьбу за землю, учили их взять свое дело в свои собственные руки. Тов. Сталин призывал крестьян организовать революционные крестьянские комитеты и через эти комитеты немедленно забирать помещичьи земли и начать общественную обработку.

[1] Известия Саранского исполнительного комитета № 6, май 1917 г. Центр. Арх. МАССР, ф. 3/12. дело 12, лист 10.

[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 182.

В статье «Землю крестьянам» тов. Сталин писал:

«Мы обращаемся поэтому к крестьянам, ко всей крестьянской бедноте всей России—взять свое дело в свои собственные руки и двинуть его вперед.

Мы призываем их организоваться в революционные крестьянские Комитеты (волостные, уездные и проч.) и, забрав через них помещичьи земли, самовольно обрабатывать их организованным порядком.

Мы призываем сделать это немедля, не дожидаясь Учредительного собрания и не обращая внимания на реакционные министерские запрещения, ставящие палки в колеса революции»[1].

Крестьяне видели, что в своей борьбе за землю они не одиноки, что их поддерживает партия большевиков. Это воодушевляло крестьян на более решительные действия. Пензенский губернский крестьянский съезд, на котором принимали участие и крестьяне Инсарского, Краснослободского, Наровчатского и Саранского уездов, вошедших ныне в Мордовскую АССР, 15 мая 1917 года по вопросу о земле принял большевистское решение о конфискации помещичьих земель и о передаче всего инвентаря в общественное пользование.

Это решение вызвало сильную тревогу в среде помещиков, буржуазии и их агентуры — эсеров и меньшевиков, ибо оно не могло не вызвать и, действительно, вызвало расширение крестьянского движения. Это решение насмерть напугало временное правительство. Министры спешно шлют телеграммы, в которых указывают, что это решение по существу отменяет право частной собственности на землю и инвентарь и объявляют его незаконным. В уезды Мордовии 31 мая из Пензы была отправлена следующая правительственная телеграмма: «Постановление пензенского Совета крестьянских депутатов отменяет по существу право частной собственности на землю и инвентарь на что правомочно только Учреди-

[1] Сталин И. В. Соч., том 3, стр. 35.

тельное собрание. В частности пункты первый, четвертый, шестой отдела первого, пункты первый, второй отдела второго во всяком случае не законны и не подлежат исполнению. Необходимо руководствоваться постановлениями от 11 апреля об охране посевов и от 21 апреля об учреждении земельных комитетов, законно образованных, правом обжалования в главный земельный комитет. На днях последует особое распоряжение о порядке охраны покосов. Об изложенном поставьте в известность всех уездных комиссаров. За министра земледелия Хрущев. Копия верна заведующий столом (подпись)»[1].

Уездные органы буржуазного временного правительства, руководствуясь этими указаниями, поспешили созвать уездные крестьянские съезды, на которых после долгих споров решили опротестовать постановление Пензенского губернского крестьянского съезда. На этих уездных крестьянских съездах эсеры и меньшевики показали себя как подлинные лакеи буржуазии и помещиков. Одним из доводов против немедленной передачи помещичьей земли крестьянам они выставили то, что некому будет обрабатывать землю. На крестьянском съезде Саранского уезда, проходившем в начале июня, на котором обсуждали решение губернского крестьянского съезда, шли особенно острые дискуссии, крестьяне особенно настойчиво отстаивали законность этого решения, эсер Сопежко поставил перед аудиторией вопрос: «кто будет тогда обрабатывать землю солдаток». Депутатка из села Богородского-Голицина Анастасия Саматова на этот вопрос ответила так: «Была бы земля, а мы солдатки сами своими руками обработаем». Но вопреки возражениям бедняцко-середняцких депутатов эсеры и меньшевики, пользуясь большинством своих сторонников на съезде, навязали решение, обязывающее крестьян Саранского уезда не руководствоваться постановлением губернского крестьянского съезда.

Однако, ни контрреволюционные решения эсеровско-меньшевистских съездов, ни вооруженные команды, направляемые на усмирение крестьян, ни армии эсеровских агитаторов не в силах были приостановить борьбу крестьян за землю. Из месяца в месяц число крестьянских выступлений росло, они приобретали все более массовый и в то же время все более организованный характер. В революционное движение

[1] Центр. Арх. МАССР, фонд 30, дело 1, лист 148.

вступали новые селения, которые до этого времени такие активные действия не проявляли.

Следует подчеркнуть, что усиление революционного движения крестьян русских селений способствовало развитию революционного движения крестьян мордовских и татарских селений.

В середине июня крестьяне мордовского села Арги Темниковского уезда по решению сельского крестьянского комитета захватили у помещиков Андроновых землю паровой клин и луга и разделили их между собой по едокам. Представители уездного исполкома, прибывшие в Аргу в сопровождении милицейского наряда с целью усмирения крестьян, были разогнаны[1].

В это же время силой стали отбирать помещичьи земли и луга крестьяне мордовских сел Нароватова, Сакаево, Шокша Темниковского уезда. По указанию комиссара временного правительства Темниковского уезда Владимирова с согласия председателя исполкома Темниковского Совета РК и СД эсера Буренина в эти села были направлены вооруженные команды солдат[2].

С конца мая 1917 года к активной борьбе против помещиков поднимаются крестьяне ряда других мордовских сел. Крестьяне сел Лемдяй, Кулдым и Перхляй Инсарского уезда, Морд-Давыдово, Напольная Тавла и Подлесная Тавла Саранского уезда и других сел стали отбирать земли, луга и леса соседних помещиков. Рост крестьянского движения с конца мая месяца 1917 года объясняется усилением революционной большевистской агитации, проводимой среди трудящихся крестьян рабочими, приезжавшими в деревни из промышленных городов ввиду того, что там капиталисты закрывали фабрики и заводы, стремясь задушить революцию костлявой рукой голода.

В последующие месяцы число выступлений крестьянской бедноты мордовских селений неизменно растет. Таким образом, трудящиеся мордва вместе с трудящимися русскими, татарами и других национальностей под руководством большевиков принимали активное участие в борьбе за уничтожение феодального и затем капиталистического гнета, следовательно, бездоказательно приписываемый некоторыми исследова-

[1] Центр. Арх. МАССР, фонд 62, дело 1, лист 108.
[2] Центр. Арх. МАССР, фонд 62, дело 1, лист 118.

телями мордве консерватизм является результатом плохого знания фактов и вообще мордвы.

Одновременно с борьбой против помещиков развертывается борьба крестьянской бедноты и против мироедов—кулаков. Крестьянская беднота отбирает у кулаков земли, луга, нередко сжигают кулацкие хутора и даже расправляются с самими кулаками. 6 июня 1917 года крестьянская беднота деревни Ворнаевки Темниковского уезда отобрала землю у кулаков-хуторян Богатова и Моисеева[1]. В июне же месяце крестьяне деревни Игнатьевка того же Темниковского уезда скосили 60 десятин клевера у помещика Грекова, и заодно отобрали луга хуторянина-кулака[2]. Бедняки татарской деревни Еникеева Акселской волости отобрали землю у кулаков Мамлекеевых, а самих их избили[3].

В Саранском уезде по неполным данным в мае 1917 года было 4 выступления крестьянской бедноты против кулаков, в июне—11, а в июле—16.

Расширение аграрного движения в Мордовии после мая 1917 года в значительной степени объясняется ростом числа большевиков и им сочувствующих, усилением большевистской пропаганды. В ряде мест: в Саранске, Ардатове, Темникове появились целые группы большевиков правда, не оформившихся еще в организации. В мае месяце 1917 года в городе Саранске большевиков было 5—7 человек из рабочих и передовой интеллигенции. Представитель Сормовского комитета большевистской партии в середине мая месяца выдал им партийные билеты[4]. Но большевистский партийный комитет в Саранске создан двумя месяцами позднее—в середине июля 1917 года.

В эти же месяцы была создана большевистская партячейка в Рузаевке. В конце апреля 1917 года приехал в Рузаевку представитель от сормовских большевиков со специальным заданием организовать в Рузаевке парторганизацию. Выполняя задание, он провел большую работу среди железнодорожников. В упорной борьбе с меньшевиками ему в первой половине мая все же удается создать большевистскую партячейку, куда вошли сначала 6—7 человек и примерно

[1] Центр. Арх. МАССР, фонд 62, дело 1, листы 66—67.
[2] Там же, листы 69, 84.
[3] Там же, лист 143.
[4] Записано из воспоминаний старого большевика Клюканова и старого рабочего Воронина.

столько же сочувствующих. Рузаевская партячейка развернула агитационную работу не только в Рузаевке, но и среди крестьян ближайших селений[1]. Но в Рузаевке партячейка в эти месяцы росла медленно, ввиду того, что здесь было большое эсеровское и меньшевистское засилие. Последние вели усиленную антибольшевистскую, контрреволюционную пропаганду. Только позднее, когда полнее выявилась предательская роль эсеров и меньшевиков, они стали терять свое влияние на рабочих.

Большое влияние большевиков было заметно в гарнизонах. Этим объясняется тот факт, что в городах (Саранск, Ардатов, Темников), где были гарнизоны, революционные события происходили с большим подъемом, солдаты являлись активными участниками этих событий. Если в столичных городах и крупных промышленных центрах передовую силу революции составили фабрично-заводские рабочие, руководимые большевистской партией, а солдаты шли за пролетариатом, то в Мордовии и прежде всего в Темниковском, Ардатовском, Инсарском, Краснослободском уездах, где почти не было кадровых рабочих, солдаты, руководимые большевиками, были инициаторами революционных событий, а трудящиеся городов и сел шли за солдатами.

Эсеры и меньшевики безусловно имели влияние на солдат. Среди офицеров эсеров и меньшевиков было гораздо больше, чем большевиков. Но тем не менее большевистская агитация в гарнизонах имела большой успех, призывы большевиков были очень популярными, сочувствующих большевикам среди солдат было большое количество. Солдаты, собранные со всех концов страны были различного классового происхождения. Значительная часть из них до призыва были кадровыми рабочими и сельскими полупролетариями, которые безусловно стояли на стороне революции, были заинтересованы в проведении глубоких революционных преобразований в стране. Эта часть солдат горячо поддерживала большевиков, охотно шла за большевиками, поднималась на революционные выступления как в гарнизонах, так и вне гарнизонов. Они наряду с передовыми рабочими, ремесленниками, передовой частью крестьян составляли опорную силу большевиков. Немало было случаев, особенно после июльских событий, когда команды солдат,

[1] Записано из воспоминаний участника этих событий, старого большевика Медведева.

отправляемые на усмирение крестьян, разоружали и арестовывали своих командиров и переходили на сторону восставших крестьян.

Чем дальше от февральской революции и ближе к Октябрьской революции, тем больше растет влияние большевиков не только среди трудящихся городов и сел, но и среди солдат и офицеров. Солдаты на своем опыте убеждались в империалистической, антинародной политике буржуазного временного правительства и в предательской роли продажных лакеев буржуазии эсеров и меньшевиков, влияние которых соответственно падает.

Особенно сильным было большевистское влияние в конце июня 1917 года в Темниковском гарнизоне. В Темникове действия буржуазного уисполкома и комиссара временного правительства Владимирова, а также президиума Совета рабочих солдатских и крестьянских депутатов, возглавляемого злейшим врагом революции эсером Бурениным с первых же дней после февральской революции приняли контрреволюционный характер. Они с помощью милиции временного правительства, части малосознательных и враждебно настроенных к революции солдат и офицеров разгоняли демонстрации трудящихся городов Темникова и Кадома, по первому же зову помещиков высылали вооруженные отряды для подавления крестьянских выступлений. Буржуазия вела борьбу за выход Темникова из земства и выделения его в автономную единицу с подчинением непосредственно центральному правительству. Солдаты под влиянием большевистской агитации стали понимать контрреволюционную политику уездных буржуазных властей и их подпевал эсеров и меньшевиков. Они не только протестовали против отправки вооруженных команд для подавления крестьянского движения, значительно усилившегося с июня месяца в связи с началом подъема паров, сеноуборкой и уборкой хлебов, но пригрозили, что если будет направлена хоть одна вооруженная команда для усмирения, то представители временного правительства в уезде будут арестованы. Это решительное заявление солдат насмерть напугало буржуазию и эсеровско-меньшевистское руководство Совета. 1 июля 1917 года Буренин слезно просит командующего московским военным округом выслать из Тамбова в распоряжение президиума Темниковского Совета роту эвакуированных солдат, так как Темниковский гарнизон не надежный, он находится под агитацией большевиков и их руководителей Семикова и Шмелева и «грозит арестованием президиума»[1].

Опасаясь того, что командующий Московским военным округом не удовлетворит просьбу, Буренин одновременно шлет телеграммы в исполкомы Тамбовского и даже Петроградского Советов с просьбой оказать содействие в получении надежных солдат в качестве душителей революции. В адрес исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Буренин писал: «Сдерживать гарнизон нет возможности среди гарнизона преобладают большевики анархисты. Просим содействие начальника Московского округа высылкой роты солдат в распоряжение Совета»[2]. Однако, напрасно Буренин и его друзья беспокоились. Командующий Московским военным округом, без воздействия на него со стороны, знал свое дело. В 10-х числах июля рота солдат в Темников была представлена. Но эта рота не спасла Темниковскую буржуазию. Буренину еще дважды, правда позднее, пришлось бить челом перед своими заступниками, заседавшими в Тамбове, Москве и Питере о высылке уже драгун. С подобными просьбами, особенно после июльских событий, вынуждены были обращаться буржуазные власти и других уездов Мордовии.

Под влиянием большевистской пропаганды, росла сознательность крестьян, они стали понимать природу временного правительства, которое и создано было для того, чтобы охранять интересы буржуазии и помещиков, оно умышленно задерживало решение аграрного и национального вопросов, оно продолжало в интересах обогащения буржуазии ненавистную трудящимся империалистическую войну. Крестьяне стали саботировать декреты временного правительства. Если раньше один или два месяца назад на собраниях ряда сел выносились решения, что крестьяне будут поддерживать временное правительство поскольку оно будет защищать интересы крестьян, то в июне, в июле и тем более в последующие месяцы подобные решения уже не выносились ибо крестьяне стали понимать, что временное правительство и его органы на местах не желали защищать интересы крестьян.

В эти месяцы мы все более чаще встречаем такие решения, где крестьяне заявляют, что они кроме Совета никого признавать не будут. Трудящиеся саботировали распростра-

---

[1] Центр. Арх. МАССР, фонд 62, дело 1, лист 86.
[2] Центр. Арх. МАССР, фонд 62, дело 1, лист 92.

нение займа «Свободы», выпущенного временным правительством еще в апреле месяце 1917 года с целью выколачивания средств для ведения антинародной войны. Воззвание уездных исполкомов, комиссаров временного правительства, эсеровско-меньшевистских исполкомов Советов нервозные отношения из уездов в волости, отправляемые с первых же дней после выпуска займа и вплоть до конца октября, говорят о том, что заем размещался очень плохо, что трудящиеся массы на него не подписывались. Крестьяне открыто стали выступать против продолжения грабительской империалистической войны и требовали заключения справедливого мира без аннексий и контрибуций. Крестьяне на своем опыте убеждались, что единственными защитниками их интересов являются большевики, что только большевики борются за заключение справедливого мира. Крестьяне благодарили большевиков и газету «Правду» за то, что они горой стоят за экономическое и политическое освобождение трудящихся масс, за то что они рассказывают им правду.

Крестьяне деревни Красный Яр Темниковского уезда на своем собрании от 4 июля 1917 года приняли решение: «Признавая дальнейшее ведение войны бесполезным и приносящим только капиталистам обогащение, а крестьянам и рабочим смерть и разорение, мы требуем, чтобы Совет рабочих и солдатских депутатов заставил временное правительство разослать во все стороны воюющему народу вести о прекращении войны без аннексий и контрибуций на самоопределениях наций. Шлем защитнице наших интересов газете «Правда» великое сочувствие».

После июльского расстрела мирной рабочей и солдатской демонстрации в Петрограде, когда кончилось двоевластие в пользу буржуазии, ибо вся власть перешла в руки временного правительства, а Советы с их эсеровско-меньшевистским руководством превратились в придаток буржуазного временного правительства, в Мордовии, как и во всей стране усилился контрреволюционный разгул. Силой оружия разгонялись демонстрации трудящихся в городах, почти во все крупные помещичьи имения были направлены вооруженные отряды милиции и из наиболее темных солдат под командой контрреволюционных офицеров, начались гонения над наиболее авторитетными и активными революционными рабочими, солдатами и в первую очередь над членами большевистской партии. Буржуазия ряда уездов меняет старых уездных ко-

миссаров временного правительства и начальников милиции, которые не обеспечили «покой и порядок в уезде». Так в Саранском уезде 26 июля вместо помещика Вишнякова комиссаром был избран руководитель эсеровской партии Саранского уезда промышленник Цынговатов. Тогда же дали отставку начальнику милиции Егорову, заменив его другим. В Краснослободском уезде бывший комиссар Латинов заменен эсером Ремеровым, новый комиссар и начальник милиции назначены в Инсарском уезде. Уездные власти временного правительства при активной помощи эсеров и меньшевиков обрушились на демократические права трудящихся. Так, эсеровско-меньшевистский исполком Совета РС и КД Саранского уезда по указке комиссара временного правительства 23 июля принимает решение о запрещении «...устройства всяких сборищ, митингов и манифестаций, а так же (принимать) участия в каких бы то ни было митингах и сборищах.»[1]

Саранский исполком и комиссар временного правительства просили начальника Саранского гарнизона выделить «наиболее надежных» солдат и офицеров для наведения порядка в городе. Однако буржуазия Саранска не верила в «надежность» местного гарнизона, поэтому решила «вызвать в город для этой же цели полуэскадрон драгун»[2].

Но напрасно буржуазия торжествовала свою победу, напрасно эсеры и меньшевики хоронили революцию. Активные действия контрреволюционной буржуазии и состоящих у ней на службе эсеров и меньшевиков вызвали сильное противодействие рабочих, солдат и крестьян. Революционное движение не только не было подавленным, но наоборот, оно все больше расширялось и углублялось, в движение включались все новые и новые массы населения. В городе Саранске и в рабочем поселке Рузаевке проводятся массовые рабочие митинги, демонстрации, с требованием организации нормального снабжения рабочих продовольствием и другими необходимыми товарами, конфискации у буржуазии излишков хлеба и распределение его между трудящимися. Рабочие требуют установления контроля над производством. Несмотря на контрреволюционные решения эсеровско-меньшевистского исполкома Саранского Совета о запрещении сборищ и манифестаций, несмотря на усиление в городе Саранске наряда милиции, подкрепленного тридцатью вооруженными сол-

[1] Центр. Арх. МАССР, ф. 3/12, дело 11, л. 7.
[2] Центр. Арх. МАССР, ф. 3/12, дело 12, лист 46.

датами и несколько позднее драгунами, в Саранске не только не прекращаются рабочие манифестации и «сборища», но они начинают проводиться более организованно.

В 20-х числах июля рабочие Саранска совместно с передовыми солдатами провели обыск у буржуев с целью выявления и изъятия у них излишков хлеба и оружия. Однако власти временного правительства, эсеры и меньшевики с помощью вооруженных сил не дали возможности рабочим до конца осуществить свои намерения.

Итак, после июльских событий в Петрограде, в Мордовии усиливается волна крестьянского движения. Если до этого все же многие крестьяне верили еще временному правительству и его агентуре эсерам и меньшевикам, надеясь на созыв Учредительного собрания, которое по их мнению должно положительно решить земельный вопрос, то зверский расстрел рабочих и солдат в Петрограде 3—5 июля, открытый переход на сторону контрреволюции эсеров и меньшевиков расшатала веру крестьян во временное правительство, а вместе с ними в эсеров и меньшевиков, которые как и буржуазия проводили империалистическую политику, политику ликвидации демократических прав трудящихся, политику умышленного затягивания решения аграрного и национального вопросов. Поэтому крестьяне, по примеру рабочих, стали отворачиваться от эсеров и меньшевиков и по призыву большевиков усилили борьбу за землю, требуя немедленной передачи всей земли крестьянам, конфискации помещичьего и монастырского инвентаря, рабочего скота, семян и распределения их между крестьянской беднотой. Революция расширялась и углублялась, она, как указывал товарищ Сталин на VI съезде РСДРП в докладе о политическом положении, «...врывается в хозяйственную сферу, ставя вопросы о рабочем контроле в промышленности, о национализации земли и снабжении инвентарём неимущего крестьянства, об организации правильного обмена между городом и деревней, о национализации банков, наконец, о взятии власти пролетариатом и беднейшими слоями крестьян. Революция вплотную подошла к необходимости социалистических преобразований»[1].

Крестьянская беднота, середняки стали действовать более смело и энергично, все чаще повторялись случаи насильственного отбора у помещиков, монастырей и кулаков земельных угодий, лесов, сельскохозяйственного инвентаря; семян, скота и т. д., все чаще фиксировались случаи расправы крестьян над помещиками и кулаками. Милиция временного правительства была уже бессильна бороться с крестьянами. Наряды милиции (направляемые обычно в сопровождении или эсеровского агитатора или представителя уисполкома) для усмирения крестьян, последними часто разоружались и избивались. Так, например, крестьяне татарской деревни В. Ишейки и русской дер. Подакеевка 28 июля 1917 года разоружили и избили 4-х милиционеров, представителя Темниковского уисполкома и муллу, когда последние приехали на луга и потребовали прекратить уборку сена, принадлежащего помещикам Еникеевым. Крестьяне не только не прекратили работу, но как уже сказано, избили этих усмирителей. Из десятка подобных случаев, имевших место во всех уездах Мордовии, мы приводим именно этот случай потому, что он очень характерен в смысле роста и укрепления классовой дружбы крестьян различных национальностей. Десятками лет враждовали эти два общества (татарское деревни В. Ишейки и русское деревни Падакеевка) между собой. Помещики, муллы и попы эту вражду разжигали. Но когда вооруженные милиционеры и их сопровождающие, после предупреждений о прекращении работы, стали избивать татар нагайками и прикладами, то русские крестьяне, убиравшие сено рядом, бросились на защиту своих братьев по классу—татарских крестьян. Органы временного правительства и помещики уговаривали крестьян не брать землю, прибегали к вооруженному подавлению крестьянского движения в уездах Мордовии. Но и эти меры не могли приостановить борьбу за землю.

На VI съезде РСДРП, товарищ Сталин указывал:

«В то время как глава партии социалистов-революционеров Чернов, далее Авксентьев и другие предлагают крестьянам не брать земли немедленно, а ждать общего решения земельного вопроса Учредительным собранием, крестьяне в ответ на это забирают землю, распахивают ее, забирают инвентарь и т. д. Такие известия мы имеем из Пензенской, Воронежской, Витебской, Казанской и ряда других губерний»[1].

Аграрное движение Пензенской губернии, на что указывал тов. Сталин, особенно сильным было в Саранском и Ин-

[1] И. Сталин. Соч., том 3, стр. 173.

[1] И. Сталин. Соч., том 3, стр. 180.

сарском уездах. В этих уездах было большое скопление помещиков, которых манили сюда плодородные черноземные земли и вследствии этого крестьяне были наиболее малоземельными.

Особенно беспокойным считался Саранский уезд. Губернским и уездным властям, помещикам Саранского уезда действительно было за что беспокоиться. Здесь борьба крестьян принимала особенно острый характер. Только в июле месяце 1917 года в Саранском уезде было 19 крестьянских выступлений, сопровождавшихся нередко столкновениями с милицией временного правительства и завершавшихся отбором помещичьей земли, хлеба, сена, скота, инвентаря, разгромом помещичьих имений. Большая активность крестьянского движения в Саранском уезде объясняется не только тем, что здесь крестьяне были наиболее ограблены, разорены, эксплоатируемы помещиками, но и тем, что Саранск после Пензы по величине был вторым городом в губернии, в нем было больше, чем в других городах Мордовии рабочих, довольно большой гарнизон; в Саранске было сравнительно большое число большевиков и большевистски настроенных рабочих, солдат, интеллигенции, которые оказывали активное воздействие на развитие революции не только в городе, но и во всем уезде.

Особенно широкие размеры крестьянское движение принимает в августе и в сентябре месяцах 1917 года, после разгрома корниловщины.

Заговор Корнилова против революции показал широким массам крестьянства, что помещики и генералы хотели разгромить большевиков и Советы и потом насесть на крестьянство. Этот наглядный урок, полученный крестьянами, не пропал даром. Крестьяне все больше и больше понимали, что единственным защитником их интересов является революционная партия большевиков, что только она может избавить их от войны, что только она способна сокрушить помещиков и отдать землю крестьянам. Поэтому широкие массы крестьянской бедноты стали все теснее сплачиваться вокруг большевиков. Середняки, которые до выступления Корнилова колебались, задерживая развитие революции, после разгрома Корнилова, стали определенно поворачивать в сторону большевистской партии, присоединяясь к бедняцкой массе крестьянства.

Эсеры и меньшевики, уездные и губернские власти выпускают одно воззвание за другим, призывая крестьян прекратить захваты земель у помещиков и кулаков, ждать решения Учредительного собрания. Наряду с воззваниями они все чаще и чаще начинают прибегать к вооруженному подавлению крестьянских выступлений. Отрядам драгун давались указания: «Патроны при надобности не жалеть». Так, например, по приказу Саранского уездного комиссара временного правительства была учинена зверская расправа над крестьянами села Воеводска Саранского уезда. 8 сентября 1917 года крестьяне села Воеводска в количестве около 600 человек, вооружившись чем попало, пошли в именье помещика Обухова забирать его хлеб, но натолкнулись на вооруженный отряд драгун, которые пустили в ход против крестьян сначала нагайки, а затем шашки и винтовки. После первого же ружейного залпа один крестьянин был убит. Такая же участь постигла крестьян села Давыдова Саранского уезда, где было убито несколько человек.

Аналогичные столкновения крестьян с вооруженными командами солдат и милиции временного правительства происходили и во многих других селах Мордовии.

Однако, ни яд эсеровской и меньшевистской контрреволюционной пропаганды, ни нагайки и шашки драгун, ни пули солдат и милиции временного правительства не могли остановить войну крестьянской бедноты и середняков против помещиков и кулаков. Крестьянское движение ширилось и к концу октября оно приняло для помещиков и кулаков угрожающий характер. Восстанием были охвачены почти все села Мордовии.

Вот очень неполный перечень событий, характеризующий размах крестьянского движения, особенно во второй половине октября месяца 1917 года в Саранском и Инсарском уездах. 12 октября крестьяне села Пятины и соседних с ним татарских деревень Саранского уезда стали забирать у помещиц Деканской и Маковой земли и рубить принадлежащий им лес. В числе восставших, как указывается в жалобе помещиц, было немало «вернувшихся с фронта вооруженных солдат». 12 октября крестьяне деревни Высокое Инсарского уезда начали рубку леса пушкинской экономии Столыпиных. 22 октября крестьяне села Перхляй Инсарского уезда разгромили имение помещика Глебова. В этот же день крестьяне нескольких сел Ст. Шайговской волости Инсарского уезда разгромили

имение помещика Зверева, все постройки сожгли. 24 октября вооруженные крестьяне Кошаевских выселок Инсарского уезда ворвались в имение Ануровой, разогнали всю прислугу, избили управляющего Ворни и забрали хлеб, скот и другое имущество. Самой помещице предложили убраться из имения и оставить всю землю крестьянам. 24 октября крестьяне сел Н. Троицк и Н.-Верченки Инсарского уезда сожгли имение помещика Шиллер. 24 октября крестьяне сел Лемдяй и Старое Акшино громили имение помещицы Беликовой. 25 октября крестьяне сел Мельцаны, Шигонь, Кулдым громили имение помещика Габбе, захватили и поделили его хлеб, луга, скот, разделили между тремя обществами его земли, а двумя днями позднее крестьяне приступили к рубке и вывозке принадлежащего ему леса. 26 октября крестьяне деревни Липлейки разгромили имение Литвинова. Того же 26 октября крестьяне сел Ст.-Шайговской волости Инсарского уезда разгромили имение помещицы Немцевой. В течение трех дней 26—27 и 28 октября крестьяне села Н. Троицк сожгли имения Павловой, Немцевой, Лозовицкого, отобрали у них хлеб, скот и много другого имущества. 27 октября крестьяне деревни Надеждинка разгромили и сожгли имение Айсы-Султан Агеева Кильдеева и захватили весь скот и сельско-хозяйственный инвентарь. Этого же числа крестьяне Шадым-Рыскинской волости разгромили имение Нарайкина, крестьяне Пятинской волости сожгли завод, принадлежащий помещику Андронову. 28 октября крестьяне сел Протасово, Мокшалей, Монастырское и деревни Гузынцы Саранского уезда громили имение помещика Уварова. 28 октября крестьяне сел Ст. Акшино и Лемдяй повторно стали громить имение Беликовой. 29 октября крестьяне сел Пушкино и Нагаево, а также деревень Высокое и Масловка Инсарского уезда громили Пушкинский хутор Столыпиных. 30 октября крестьяне деревень Хованщина, Аксеновка, Горнатово, Ушлейка Инсарского уезда разгромили Хованщинский хутор Кавториных. 31 октября крестьяне села Голубцовки Саранского уезда разгромили имение женского Чуфаровского монастыря, в этот же день крестьяне села Яковщина Инсарского уезда забрали имущество: хлеб, скот, инвентарь и другие ценные вещи Знаменского монастыря.

Борьба крестьянской бедноты против кулачества, усилившаяся после июльского расстрела рабочей и солдатской демонстрации в Петрограде, к концу октября 1917 года превратилась в массовое уничтожение кулацких хуторов. То из одного, то из другого уезда поступали сведения о том, что начался всеобщий уездный разгром крестьян-кулаков, вышедших на отруба... Эсеровская газета «Пензенская речь» в № 25 от 24 октября панически сообщает о том, что в Краснослободске идет полная анархия «погром города продолжается. Начались (погромы) в уездах всех зажиточных крестьян. Город и уезд объявлены на военном положении». В той же газете сообщается, что объявлены на военном положении также город Саранск и Саранский уезд, Инсарский и Наровчатский уезды. Введение военного положения в те дни во всех четырех уездах Пензенской губернии, вошедших ныне в состав Мордовской АССР является очень важным показателем развертывания революционного движения в Мордовии.

Восстания крестьян часто завершались полным уничтожением помещичьих имений и кулацких хуторов. В октябре месяце только в одном Инсарском уезде по неполным данным зарегистрировано 62 крестьянских выступления, 45 из которых завершились полным разгромом помещичьих имений и кулацких хуторов. В Саранском уезде разгромлено до 40 помещичьих имений и кулацких хуторов, а Наровчатском — 30.

Таким образом, в те дни, когда партия большевиков готовила пролетариат столицы к вооруженному штурму временного правительства, а так же в те дни, когда в столице и в других крупных промышленных центрах происходила социалистическая революция, бедняцко-середняцкие массы крестьянства Мордовии под руководством большевиков приступили к массовому уничтожению крепостнических остатков в деревне. Уничтожение феодально-помещичьего землевладения в Мордовии падает главным образом на октябрь и ноябрь месяцы 1917 года.

Уничтожение помещичьих имений и кулацких хуторов, конфискация их имущества обуславливалось не желанием нажиться чем нибудь, как обычно представляли дело помещики, буржуазия и их лакеи эсеры и меньшевики, а благородным стремлением уничтожить ненавистное помещичье и кулацкое иго, чтоб впредь оно никогда не могло быть восстановлено. Так, крестьяне деревни Николаевки Лукояновского уезда на своем сходе при участии крестьян ближайших сел Саранского уезда 24 октября 1917 года вынесли следующий приговор по поводу уничтожения имения помещика Юрлова.

«3) Момент настоящего времени учел действия Юрлова не вполне справедливыми и вредными как для населения, так и для страны и идея его является чисто монархической, которая все наше общество вывела из терпения и привела к явному озлоблению свободного гражданского духа, то все общество совместно с соседними селами (нашло) целесообразным стереть с лица земли этого клопа Юрлова, который сосал всю жизнь нашу кровь».[1] Принимая такой приговор, сельский сход в этом же решении разъясняет, что погром имения помещика Юрлова произошел: «В виду бывших ранее эксцессов Юрлова с местным населением, ибо население в этом отношении совершенно не преследовало ни фискальные цели, ни материальную обеспеченность, а избавиться от гнета несущего сотни лет».

Этот приговор и десятки других подобных документов разоблачают всю ложь эсеров и меньшевиков, которые клеветали на крестьян, с пеной у рта доказывали, что борьба трудящихся крестьян якобы движется одним стремлением — награбить, нажиться чем-нибудь за счет помещиков и кулаков. Поэтому эсеры и меньшевики призывали органы временного правительства расправляться с поднявшимися на борьбу крестьянами как с погромщиками и дезорганизаторами, будто бы задерживающими нормальное развитие революции. В действительности же крестьянская беднота, поднявшись на аграрную революцию, руководствовалась высокими идейными побуждениями — навсегда уничтожить экономический и социальный гнет, давивший на крестьян сотни лет, они стремились путем уничтожения клопов-помещиков спасти от гибели свою Родину.

Крупнейший помещик Юрлов, как и миллионер Рябушинский, считал, что потребуется костлявая рука голода, народная нищета, для того чтобы «схватить за горло» революцию. Чтобы наградить Россию «голодом» и «нищетой» капиталисты непрочь были закрывать заводы и фабрики и этим искусственно создать безработицу и голод, а помещики умышленно не засевали свои обширные поля и не давали их засевать крестьянам. Николаевские крестьяне в упомянутом нами приговоре указывают, что Юрлов держал всю землю у себя с целью того, чтобы ее не засевать. Как выяснилось, пишут

[1] Центр. Арх. МАССР, ф. 3/12, дело 9, листы 61—62.

они, весной текущего года спаханные поля закатывались одними катками, не засевая их, поэтому они заросли сорными травами. Далее крестьяне сообщают: «Следовательно все это мы считаем явной целью его в истощении продовольствия...»[1].

Но Юрлов и многие другие враги трудящихся считали недостаточным иметь только одного «союзника» — голод, они требовали от временного правительства пригласить иностранных империалистов и отдать им на растерзание революционную Россию. Юрлов в частности предлагал для наведения «порядка» в России призвать японский военно-феодальный империализм.

Вот почему трудящиеся крестьяне требовали стереть с лица земли клопа Юрлова, вот почему они считали, как мы отмечали раньше, пребывание другого помещика Бакулина на свободе в данный момент вредным и опасным. Идея Юрлова—это идея не только русских помещиков, но и русской контрреволюционной буржуазии, о которой товарищ Сталин в августе 1917 года писал, что она больше всего хотела *„Торжества интересов своего кошелька, хотя бы ценой гибели России"*[2]. Таким образом, крестьянская беднота уничтожая помещичьи гнезда, совершала великое патриотическое дело: не только сбрасывая с себя вековое ненавистное иго, но и спасая свою родину от гибели.

После разгрома корниловщины серьезно выросло влияние большевиков в Мордовии. Растет число коммунистов, увеличивается число сочувствующих большевикам. Регулярнее стала поступать большевистская литература из Москвы, Нижнего Новгорода, Пензы. Рабочим, крестьянам и солдатам все чаще удавалось читать большевистскую «Правду».

С конца августа 1917 года стала быстро укрепляться Саранская городская большевистская парторганизация. Она была оформлена в июле 1917 года по инициативе московского рабочего-швейника большевика Быстрова, уроженца Мордовии. Число коммунистов, состоявших в Саранской городской парторганизации не превышало тогда десяти человек. Для постоянной работы партком занял одну из комнат учительской семинарии[3].

[1] Центр. Арх. МАССР, ф. 3/12, дело 9, л. 62.
[2] И. Сталин. Соч., том 3, стр. 192.
[3] В этой комнате помещается теперь горздрав.

После разгрома корниловского восстания заметно повысилась роль Саранской большевистской партийной организации. Большевистские агитаторы имели большой успех на митингах трудящихся города и тем более на собраниях рабочих и солдат.

Начинавшаяся изоляция эсеров и меньшевиков в г. Саранске четко выявилась на митинге трудящихся, проводившемся большевиками в Пушкинском саду в конце июля 1917 года, когда трудящиеся сгоняли с трибуны эсеровских и меньшевистских ораторов и наоборот, с большим вниманием и одобрением слушали речи большевистских ораторов, которые рассказывали огромной массе слушателей о политике большевистской партии, защищающей интересы трудового народа, разоблачали антинародную, контрреволюционную политику временного правительства. Абсолютное большинство участников митинга, явно склонилось на сторону большевиков. Уход с митинга руководителей саранских эсеров Цинговатова и Десятского сопровождался неодобрительным смехом и свистами большинства участников митинга[1].

Ряды большевиков стали пополняться новыми членами. Только в последние дни августа в Саранскую большевистскую парторганизацию были приняты 5 солдат и 4 человека рабочих. В последующие месяцы прием членов партии продолжался. Мы не можем в настоящее время назвать число членов Саранской большевистской парторганизации к моменту социалистической революции, но их было не менее 30 человек, т. к. только на начало 1918 года, когда учреждался Саранский уком, их стало 52 человека, из которых несколько человек были приняты в сентябре, октябре и ноябре месяцах и 12 человек —в декабре месяце 1917 года.[2] Старейшими членами парторганизации являются братья Будаевы Иван и Гаврил, Клюканов И. К., Карнилий Кирченко, П. Евдокимов, К. Зудилин и др.

В то время, как шел процесс укрепления большевистской парторганизации, повышение его роли и авторитета, в рядах эсеров и меньшевиков начался процесс постепенного распада и разложения. Некоторые из эсеров и меньшевиков,

[1] Записано со слов участников этого митинга старых большевиков Клюканова И. К. и Спиридонова М. И.

[2] Будаев «Хроника событий в г. Саранске и его уезде в 1917 году и 1918 году», Партархив Мордовской АССР, ф. 327/1, дело № 23, листы 1, 2.

осознав свои ошибки, покинули свою партию и перешли к большевикам или же остались беспартийными, многие открыто перешли в лагерь контрреволюции, ушли впоследствии к чехословакам или в другие белогвардейские отряды, или же стали организовывать на местах кулацкие мятежи.

После разгрома корниловщины значительно возросло влияние большевиков в Советах. Рабочие и солдаты стали изгонять из Советов эсеров и меньшевиков и посылать в Советы вместо них большевиков или им сочувствующих. К концу августа под сильным большевистским влиянием оказался Совет солдатских депутатов при Саранском гарнизоне. Выросла роль большевиков так же и в Саранском уездном Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. К концу августа стали большевистскими многие волостные Советы и крестьянские комитеты, которые изменив свой состав, став большевистскими, перешли на сторону революции, возглавили борьбу крестьян за землю.

Таким образом, накануне Октябрьской социалистической революции в Мордовии создавались необходимые предпосылки для свержения органов временного правительства и взятия власти рабочими и крестьянской беднотой. Но условия для победы социалистической революции в Мордовии, как и в других аграрных областях, были чрезвычайно трудные, ибо здесь кадрового промышленного пролетариата почти не было. Большевики-одиночки были разбросаны по всем семи уездам Мордовии, к тому же их было еще немного, а созданные парторганизации в Саранске и партячейка в Рузаевке были не только малочисленны, но и недостаточно подготовленны политически. В то же время эсеры и меньшевики не были еще полностью изолированы. Поэтому без помощи промышленного пролетариата крупных городов, без непосредственного руководства со стороны партийных комитетов крупных промышленных центров решить вопрос о власти в Мордовии было невозможно.

Г. Я. Меркушкин,
кандидат исторических наук.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МОРДОВСКОЙ АССР [1]

До Октябрьской социалистической революции мордовский народ был одним из отсталых народов царской России, он не имел своей письменности и литературы, мордовское население почти сплошь было неграмотным. Грамотность среди мужского мордовского населения составляла всего лишь 3,7%. На каждую 1000 женщин из мордвы приходилось 4 человека, умеющих написать свою фамилию.

По данным обследования, произведённого в конце XIX в., из 250.210 человек мордовского населения Пензенской губернии учащихся было только 5.234 человека, или 2,2%, из них мальчиков 4.700 человек, или 3,7% к мужскому населению, и девочек 534, или 0,4% к женскому населению.

Но и те единицы из мордвы, которые посещали начальную школу, были преимущественно детьми зажиточной части мордовского населения. Средние же учебные заведения, которые находились только в городах, совершенно не были доступны для детей мордовской национальности.

Дело просвещения мордвы вплоть до последней четверти XIX века почти полностью находилось в руках церкви и миссионерных обществ.

Только с конца XIX века в Мордовии начинают открываться земские школы и школы министерства просвещения, но их было настолько мало, что они ни в какой степени не

[1] При написании статьи автор кроме архивных материалов использовал данные, добытые кандидатами наук тт. Ососковым А. и Котковым К. и удачно обобщенные в работе указанных авторов „Народное образование в Мордовской АССР", Саранск, 1943 г.

могли удовлетворить потребность и тяготение народа к образованию.

По данным земского обследования 1909—1910 гг. в мордовских сёлах, вошедших ныне в состав Мордовской АССР, было школ: министерских—8, земских—48, церковно-приходских—39 и 1 школа грамоты, т. е. всего лишь 96 школ[1].

Характеризуя состояние народного образования в царской России, В. И. Ленин писал:

«Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были **ограблены** в смысле образования, света и знания,—такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России. И эта одичалость народных масс, в особенности крестьян, не случайна, а неизбежна при гнёте помещиков»[2].

В 1914 году в школах на территории Мордовии работало всего лишь 1.536 учителей, большинство которых имело низшее и незаконченное среднее образование.

Невыносимо тяжёлыми были условия для работы народного учителя — единственного носителя культуры в деревне.

«Россия бедна, — говорил В. И. Ленин, — когда речь идет о жалованье народным учителям. Им платят жалкие гроши. Народные учителя голодают и мерзнут в нетопленных и почти нежилых избах. Народные учителя живут вместе со скотом, который крестьяне зимой берут в избу. Народных учителей травит любой урядник, любой деревенский черносотенец или добровольный охранник и сыщик, не говоря уже о придирках и преследованиях со стороны начальства»[3].

Особенно тяжёлым и бесправным было положение народного учителя в национальных районах.

О невыносимо тяжёлом материальном положении учителя свидетельствует документ, приведённый в работе К. Коткова и А. Ососкова о деятельности Матвеевской школы грамоты. «В Матвеевской школе грамоты учитель за неимением средств живёт подворно, как пастух, у родителей ученика, но и при таких тяжёлых условиях прошёл с учениками весьма удовлетворительно всё нужное»[4].

Октябрьская социалистическая революция открыла величайшие возможности для развития культуры и науки в нашей стране и явилась началом новой эры в развитии народов на-

[1] А. Ососков, К. Котков. Народное образование в Мордовской АССР 1943 г. г. Саранск. стр. 1.
[2] Ленин. Соч., том 19, изд. 4, стр. 115.
[3] Там же, стр. 117.
[4] А. Ососков, К. Котков. цитированы выше произв. стр. 16.

шей Родины. Она открыла широкую дорогу экономическому и культурному развитию трудящихся Мордовии. С первых же дней своего существования Советское государство, ломая старую помещичье-буржуазную систему народного образования, создаёт единую школу для трудящихся.

Одним из первых мероприятий советской власти после Октябрьской революции было введение преподавания на родном языке, издание на языках народов учебников, газет, журналов, политической, художественной, научной и специальной литературы. «Декларация прав народов России» отменяет всякие национальные привилегии и ограничения.

2-го февраля 1918 года издаётся декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Первая Советская Конституция зафиксировала, как непреложный закон, требование полного, всестороннего и бесплатного образования.

В. И. Ленин на III-м съезде комсомола в 1920 году призвал молодёжь молодой Советской республики: «учиться, учиться и учиться». Многовековая мечта трудящихся России стала действительностью.

Выполняя исторические решения партии и правительства и указания вождей пролетарской революции Ленина и Сталина, трудящиеся Мордовии, партийные и советские организации немедленно после пролетарской революции приступили к строительству новой школы, школы для трудящихся.

Так, Краснослободский уездный совет, образовавшийся 1—2 февраля 1918 года, .. 17-го мая того же года посылает отношение в волостные советы рабочих и крестьянских депутатов следующего содержания: «Срочно сообщите, найдётся ли здание под высшее начальное училище, которое может быть открыто в наступающем 1918—19 учебном году... Представите ли помещение под мастерскую и какая мастерская желательна, размер помещения под неё?»[1].

21-го августа 1918 года на первом заседании Краснослободская уездная комиссия по народному образованию вынесла решение об открытии 75 комплектов для низших начальных школ и возбуждении ходатайства перед губернской коллегией народного образования об открытии 8 высших начальных училищ и одной смешанной учительской семинарии[2].

---

[1] А. Ососков, К. Котков. Цитир. выше произв., стр.
[2] Там же.

В результате работы партийных и советских организаций на территории Мордовии закладывается прочный фундамент школ 1 и 2-й ступени. Уже в 1922 году только в четырёх уездах — Саранском, Рузаевском, Инсарском и Краснослободском—насчитывалось 388 школ 1-й ступени, 12 школ 2-й ступени и 4 школы для детей-подростков.

В 1921 году на X-м съезде партии тов. Сталин выдвинул великую историческую задачу ликвидации хозяйственной, политической и культурной отсталости национальных меньшинств. Он указал, что «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) национальностей, которую мы унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях»[1].

Руководствуясь указаниями товарища Сталина, трудящиеся Мордовии прилагают все усилия к тому, чтобы все дети учились в школе. Начинается усиленное строительство и реорганизация школ. В связи с этим резко поднимается охват детей школьным обучением. Уже в 1925—26 учебном году по мордовским селениям большинство детей было охвачено обучением в школах. Проводятся мероприятия, подготавливающие повсеместный переход к обучению на родном языке.

В 1921 году в городе Саранске открывается первый Мордовский педагогический техникум, который начинает готовить кадры для школ Мордовии. В 1923 году открывается мордовское отделение при Пензенском педагогическом техникуме, а также Мордовский техникум в гор. Петровске (Саратовской губ.).

Все эти мероприятия к 1925—26 уч. году дали возможность укомплектовать мордовские школы педагогами из коренной национальности и ввести преподавание на родном языке в 67% мордовских школ.

В Мордовии происходит быстрый рост сети школ, увеличивается контингент учащихся, происходят глубокие изменения в содержании и методике школьного обучения. Вводится трудовой принцип обучения, который сближает школу с жизнью.

Ещё более широкие задачи в области культурного строи-

---

[1] Сталин. Марксизм и нац. колон. вопрос. 1946 г., стр. 76.

тельства были поставлены перед страной XV съездом ВКП(б). «В основу плана культурного строительства,— говорится в решении XV съезда партии, — должны быть положены те задачи народного образования, которые обеспечивают культурный рост широких масс трудящихся (всеобщее обучение, ликвидация неграмотности, массовое профтехническое образование и т. п.), и задача подготовки квалифицированных специалистов и научных работников»[1].

На основе решения XV съезда партии в Мордовии была значительно расширена сеть школ и увеличен контингент учащихся. Так в 1927—28 учебном году в Мордовии имелось 1.262 школы с контингентом учащихся 124.510 человек.

В 1931 году ВЦИК СССР принял решение «О советском хозяйственном и культурном строительстве Мордовской автономной области», в котором предусматривалось: «Обеспечить в 1931—32 учебном году полное введение преподавания на родном языке в мордовских и татарских начальных школах, подготовить из трудящейся мордвы необходимый контингент расширенного их приёма в вузы».

Выполняя указания партии и правительства о школьном строительстве, трудящиеся и партийно-советские организации Мордовии провели большую работу, чтобы обеспечить всеобщее обучение детей в школах. III-я Мордовская областная партийная конференция, проходившая в 1932 году, в своих решениях уже констатировала, что 96,9% детей школьного возраста охвачено обучением в начальной школе. Кроме того, пропущено через пункты ликвидации неграмотности 95.940 человек, что дало возможность довести грамотность населения до 50-летнего возраста до 85,9%.

В эти же годы была проделана большая организационная работа по подготовке учительских кадров.

В 1931 году в гор. Саранске было открыто первое высшее учебное заведение — Мордовский государственный педагогический институт. Была развёрнута широкая сеть курсов по подготовке учителей начальных школ. Только в 1931 году через курсовые мероприятия было подготовлено 1100 учителей, в том числе из мордвы 630 человек.

В 1932 году открывается заочный педагогический институт, семь заочных педагогических техникумов. Кроме заочного обучения учителей, расширяется сеть стационарных педагогических учебных заведений. В результате этого в 1934—35

[1] ВКП(б) в резолюциях и решениях, ч. II-я, стр. 244, издание 6, 1941 г.

учебном году в республике насчитывалось 8 педагогических училищ с количеством учащихся в них 1499 человек.

В начале 1933 года по решению правительства в Саранске организуется Мордовский научно-исследовательский институт, который занимал и занимает ведущую роль в разработке вопросов языка, литературы и истории мордовского народа и оказывает непосредственную помощь учительству Мордовии.

Для руководства делом повышения квалификации учителей в 1933 году при Мордовском ОблОНО организуется институт усовершенствования учителей.

Наряду с бурным ростом социалистической промышленности и социалистического сельского хозяйства в годы сталинских пятилеток в Мордовии, как и во всей стране, растёт сеть школ, создаются необходимые условия для осуществления всеобщего семилетнего обучения в деревне. В 30-е гг. в Мордовии построены десятки новых зданий школ на 400 — 1000 мест: 6 школ построены в Саранске, построены такие же школы в Рузаевке, Ширингушах, Шайгове, Рыбкине и др.

К 1940—41 учебном году большинство окончивших 4-е классы начальной школы было принято в 5-е классы неполных средних и средних школ.

К 1940—41 учебному году по сравнению с 1914 годом количество неполных средних школ возросло в 42 раза, средних школ в 10 с лишним раз. Контингент учащихся 5—7 классов возрос более чем в 65 раз.

Быстрое развитие народного просвещения потребовало огромного количества высококвалифицированных учительских кадров.

Партийная организация республики с успехом решила эту трудную задачу. В 1939 году в Мордовии учителей насчитывалось 8150 человек—это в 6 раз больше, чем их было в 1914 году.

В своей работе «Странички из дневника» В. И. Ленин писал: «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе... К этому положению дел мы должны итти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъёмом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому зва-

нию и, главное, главное и главное—над поднятием его материального положения»[1]. Советская власть, реализуя ленинско-сталинскую заботу об учителе, подняла звание народного учителя на огромную высоту, она действительно поставила его на такую высоту, на которой он никогда не стоял, не стоит и не может стоять в капиталистических странах. Советское правительство приняло ряд решений об увеличении зарплаты учителям, о предоставлении им льгот, учредило почётное звание—Заслуженный учитель, награждает их орденами и медалями. За самоотверженную работу в области народного просвещения, за огромные успехи в деле коммунистического воспитания и обучения молодёжи ещё в 1939 г. 117 учителей Мордовии Президиум Верховного Совета Союза ССР наградил орденами и медалями Союза ССР, а 33 учителям присвоено почётное звание Заслуженного учителя РСФСР и Мордовской АССР. Учителя-орденоносцы и заслуженные учителя республики стали подлинными новаторами педагогического труда. Имея глубокие научные знания, владея в совершенстве методами преподавания, они прививали и прививают лучшие моральные качества советским детям, воспитывают в них чувство советского патриотизма, любви к нашей партии и великому Сталину.

Отличник просвещения, учитель истории школы № 12 города Саранска, Н. И. Писклигин весь свой жизненный путь посвятил делу воспитания и обучения подрастающего поколения. Потеряв зрение на педагогической работе, он через упорный труд возвратился в строй и работал в качестве преподавателя истории до последних дней своей жизни. Н. И. Писклигин воспитывал своих питомцев в духе преданности большевистской партии, Родине, народу и великому Сталину. Тов Писклигин был Корчагиным на педагогическом фронте.

С чувством глубокой благодарности вспоминают выпускники Темниковской средней школы своего директора Е. И. Николаеву, учительницу-орденоноску.

Большевистская партия постоянно заботится о теоретическом, научном и идейно-политическом уровне учителей. Восемь педагогических училищ, два учительских института и Мордовский педагогический институт успешно готовят высококвалифицированных учителей для школ республики.

---

[1] Ленин, Соч., том 33, изд. 4, стр. 424.

В 1939—40 учебном году 2285 человек обучались в высших учебных заведениях Мордовии и кроме того сотни педагогов состояли заочниками вузов Москвы и других городов.

Говоря об этом периоде, товарищ Сталин на XVIII съезде сказал: «С точки зрения культурного развития народа отчётный период был поистине периодом культурной революции. Внедрение в жизнь всеобще-обязательного первоначального образования на языках национальностей СССР, рост числа школ и учащихся всех ступеней, рост числа выпускаемых высшими школами специалистов, создание и укрепление новой, советской интеллигенции, — такова общая картина культурного подъёма народа»[1].

В период Великой Отечественной войны, несмотря на то, что тысячи лучших учителей ушли на фронт, школы Мордовии, созданные Советским государством, и учительство, воспитанное большевистской партией, с честью выдержали испытание войны.

В годы войны, когда все силы и средства советского народа были направлены на разгром врага, большевистская партия и Советское правительство проявили исключительную заботу о народном образовании, отпуская на содержание школ громадные средства.

Если на нужды народного образования Мордовии в 1941 году было израсходовано 52,9 млн. рублей, то в 1945 году эта цифра выросла до 84,4 млн. рублей.

В 1941—42 учебном году многие школы Мордовии путём проведения массово-разъяснительной работы среди учащихся и родителей добились полного охвата детей школьного возраста обучением. В то же время особое внимание было обращено на улучшение учебно-воспитательной работы. Несмотря на огромные трудности, многие школы закончили 1941 — 42 уч. год с полной успеваемостью учащихся.

Учителя Мордовии, откликаясь на призывы товарища Сталина, насыщали программный материал фактами героической борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

Особое внимание было обращено на воспитание ненависти к фашистским захватчикам—врагам нашей Родины и всего

---

[1] Сталин. „Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), ВКП[б] в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, издание 6, 1941 г. стр 708-709.

прогрессивного человечества, на воспитание в наших детях любви к своей отчизне. Учителя вооружали учащихся прочными знаниями и практическими навыками.

С учащимися старших классов средних школ изучали сложные сельскохозяйственные машины и основные виды сельскохозяйственных работ. В школах Мордовии было подготовлено 2294 тракториста, 567 комбайнеров, 431 машинист сложных молотилок и 393 прицепщика.

В летний период учащиеся школ республики находились на сельскохозяйственных работах.

Круглый год школы проводили работу по обслуживанию раненых бойцов в госпиталях, собирали подарки для фронтовиков, помогали семьям погибших воинов в хозяйстве, шефствовали в колхозах над молодняком скота.

На основании сталинских указаний и решений партии и правительства, принятых в суровые годы войны, в школах Мордовии, как и по всей стране, проводятся важнейшие мероприятия по улучшению качества воспитания, образования и обучения: обучение с 7-летнего возраста, введение выпускных экзаменов в начальных и семилетних школах и экзаменов на аттестат зрелости в средних школах, присуждение золотых и серебряных медалей, введение «Правил для учащихся», осуществление раздельного обучения мальчиков и девочек.

Забота партии и правительства о народном образовании в годы войны особенно ярко выразилась в награждении 5231 учителя школ РСФСР, в числе которых 59 человек были учителями Мордовской республики.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне, совершённая под руководством гениального полководца тов. Сталина, обусловила переход на путь мирного восстановительно-созидательного строительства.

В марте 1946 года Верховный Совет СССР принимает закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946—1950 годы, который открыл новые перспективы дальнейшего экономического и культурного развития всех народов страны.

Пятилетний план Мордовии поставил перед органами народного образования вопрос об осуществлении всеобщего обучения с семилетнего возраста как в городе, так и в деревне. По этому же плану в Мордовской АССР производится расширение сети семилетних и средних школ, организуются школы рабочей и сельской молодёжи, увеличивается контингент воспитанников в детских учреждениях (детских садах и детских домах), улучшается подготовка учителей для начальных и средних школ и повышается качество обучения и воспитания детей в школах и детских учреждениях.

Товарищ Сталин, отметив в своём первомайском приказе 1946 года значение пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства, сказал: «Можно надеяться, что советские люди во главе с коммунистической партией не пожалеют сил и труда для того, чтобы не только выполнить, но и перевыполнить новую пятилетку»[1].

Руководствуясь указанием товарища Сталина и коммунистической партии, мордовский народ и его народное учительство поставили перед собой задачу введения всеобщего семилетнего обучения на селе. Осуществляя эту задачу, Совет Министров Мордовской АССР и обком ВКП(б) после тщательного изучения состояния семилетнего и среднего образования в республике ещё в январе 1947 года приняли специальное постановление «О состоянии семилетнего и среднего образования в республике». В этом постановлении предусматривались необходимые мероприятия с тем, чтобы к началу 1949—50 учебного года осуществить семилетний всеобуч повсеместно.

Решающим моментом в организационной работе по переходу к всеобщему семилетнему обучению явился конец 1947—1948 учебного года и лето 1948 года. Подготовка школ к 1948—49 учебному году была начата ещё в марте.

Совет Министров Мордовской АССР принял развёрнутое постановление по этому вопросу. Были установлены порайонно сеть школ, план приёма учащихся в 1, 5, 8 классы, контингенты учащихся по школам. В связи с повсеместным переходом к семилетнему обучению количество учащихся в 5—7 классах семилетних и средних школ республики должно было возрасти с 32,5 тысяч до 46,5 тысяч. Такое резкое увеличение количества учащихся, естественно, вызвало значительное затруднение в обеспечении их классными комнатами, мебелью, наглядными пособиями, учителями.

Для осуществления семилетнего обучения были ассигнованы дополнительные средства. Школам отдавалось всё лучшее. Было дополнительно открыто 10 новых семилетних школ

[1] Приказ Министра Вооружённых Сил СССР 1 мая 1946 г. газета „Правда“ от 1/V—1946 года.

и создано 299 новых параллельных классов при существующих семилетних школах.

Вопросы создания материальной базы всеобуча детально обсуждались на заседании бюро Мордовского обкома ВКП(б) и Совета Министров, на заседаниях райкомов ВКП(б) и исполкомов райсоветов. Был установлен строгий контроль за школьным строительством. За несколько месяцев было закончено строительство Атемарской средней школы Саранского района. Трудящиеся с энтузиазмом достраивали школы, начатые в предыдущие годы. Силами общественности было построено 13 новых школ. В общей сложности только за одно лето 1948 года школьная площадь в республике возросла на 2060 мест (при односменных занятиях). Совет Министров и областной комитет ВКП(б) приняли решительные меры к освобождению школьных зданий, занятых не по назначению. 11 таких зданий (из 14) летом 1948 года были переданы школам, что также увеличило школьную площадь. Многие организации передавали свои здания под вновь открываемые классы, а сами переходили в другие помещения.

Семилетний всеобуч потребовал дополнительно много учителей. Ещё в 1947 г. 440 лучших учителей начальных классов и выпускников педагогических училищ были направлены для продолжения образования в учительские и педагогические институты. Это дало возможность в июне—июле 1948 г. направить в школы 155 новых учителей с высшим образованием и 277 — с незаконченным высшим. Кроме того, на работу в семилетние школы были посланы учителя начальных классов, успешно обучающиеся в заочных педагогическом и учительском институтах. Таким образом, удалось полностью обеспечить семилетние школы педагогами.

Летом 1948 года представители Совета Министров и Министерства просвещения МАССР в 26 районах республики уточняли количество детей школьного возраста по каждому населённому пункту.

Было строго установлено, сколько учащихся должна принять каждая школа в 4, 5, 8 классы и из каких населённых пунктов. Каждая начальная школа и исполком сельского Совета обязаны были обеспечить явку в семилетнюю школу всех детей школьного возраста.

Партийные организации мобилизовали учительство республики на улучшение педагогической пропаганды среди населения.

Большую работу среди населения провели учителя Атяшевского, Атюрьевского, Темниковского, Ковылкинского и других районов. Родители учащихся Кемлянской школы Ичалковского района и теперь отзываются с благодарностью о педагогах своей школы. Коллектив учителей Пятинской школы Инсарского района летом изучил материальные условия каждого ребёнка и своевременно поставил перед советскими органами вопрос об оказании необходимой материальной помощи нуждающимся детям.

Педагоги Оброченской семилетней школы Атюрьевского района провели беседы отдельно с каждым родителем, добиваясь, чтобы все дети, окончившие IV классы начальных школ, перешли учиться в 5 классы.

Всеобщее семилетнее обучение стало всенародным делом. Сельские Советы и местные партийные организации интересовались всеми подробностями подготовки школ, составляли списки учащихся, помогали нуждающимся детям. Они возглавили соревнование сёл. Колхозники села Саловка Лямбирского района обратились ко всем колхозникам и родителям учащихся Мордовской республики с призывом образцово подготовить школы к новому учебному году. Свои обязательства саловцы с честью выполнили.

По их почину в Лямбирском районе населением отработано в своих школах 5600 рабочих дней, на 12 тысяч рублей была оказана помощь детям воинов, погибших на фронтах Отечественной войны.

В Старо-Синдровском районе работал комитет содействия всеобучу под председательством заместителя председателя исполкома райсовета. Школы этого района хорошо были подготовлены к занятиям. Здесь в 5—7 классах в 1948—49 учебном году обучался 1331 учащийся против плана в 1135 человек.

Таких примеров можно было бы привести немало.

Большую роль сыграли добровольно создаваемые общественностью школьные «фонды всеобуча». Благодаря им сотни детей были одеты и обуты.

О результатах проведённой работы красноречиво свидетельствуют такие, например, цифры: в 1946—47 уч. году учащихся в 5—7 классах школ Мордовской АССР насчитывалось 26.756 тыс. чел., в 1947—48 уч. году—32.521, в 1948—49 уч. году—46.342, а в 1949—50 уч. году—60,5 тыс. человек.

Переход к всеобщему семилетнему обучению детей явился крупнейшим достижением мордовского народа в области культурного строительства. Этот переход был обусловлен

тем, что окрепшая экономика республики позволила обеспечить семилетний всеобуч широкой сетью школ: в 1948—49 учебном году в Мордовии имелось 977 начальных, 308 семилетних и 88 средних школ.

По сравнению с 1914 годом сеть семилетних и средних школ увеличилась в 84 раза.

Работники органов народного образования и учительство Мордовии, воодушевлённые победами нашей социалистической Родины, в упорной борьбе за выполнение и перевыполнение послевоенного пятилетнего плана в области культурного строительства добились ощутительных результатов.

Так, пятилетний план по сети школ и контингенту учащихся уже в 1948—49 учебном году в республике не только выполнен, но и перевыполнен. Если на 1950 год в Мордовии запланировано 1326 школ с контингентом учащихся 180.000, то уже на начало 1948—49 учебного года в республике имелось 1333 школы с контингентом 204.038 человек. Это говорит за то, что в области народного просвещения пятилетний план выполнен в 3 года.

Не менее упорная борьба идёт в республике и за повышение качества учебно-воспитательной работы.

Учительство Мордовской республики, вооружённое историческими решениями ЦК партии по идеологическим вопросам, много потрудилось, чтобы воспитать наше молодое поколение стойким, бодрым, не боящимся трудностей, чтобы сделать своих питомцев образованными, высокоидейными людьми, с высокими культурными навыками, морально чистыми, преданными своей Родине.

О коренном улучшении идейно-политического воспитания учащихся в школах республики свидетельствует большой рост членов Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи за счёт учащихся школ и значительное увеличение количества пионерских организаций. Только в 1947 году вступило в комсомол 1712 учеников, а республиканская пионерская организация выросла на 5027 человек. Всего в школах республики насчитывается свыше 8000 комсомольцев и 82.000 пионеров.

Для обеспечения высокого идейно-политического воспитания и обучения наших детей как в школе, так и вне школы в республике создана система внешкольных учреждений. В Мордовии насчитывается 279 пионерских комнат, Домов пионеров, станций юных натуралистов и других внешкольных учреждений. Трудно встретить школу, где бы не работали литературный, драматический, математический, исторический и другие кружки, в которых дети во всю ширь могут проявить и действительно проявляют свои творческие способности.

Обеспечение школ учебниками и учебным оборудованием всегда являлось предметом заботы партийных и советских органов. В республику только в 1947 году поступило более 250 тыс. экз. учебников, а Мордовское государственное издательство издало в этом году 25 названий учебников и учебной литературы общим тиражом 192 500 экземпляров.

Все начальные мордовские школы коренизированы. Обучение в них ведётся на родном языке, учащиеся полностью обеспечены необходимыми учебниками. Принимаются меры к тому, чтобы в 1949—50 учебном году учащиеся семилетних и средних школ с 5 по 7 классы обучались на родном языке.

Для успешного разрешения этой задачи в Мордовии в 1949—50 учебном году запланировано и издано 60 названий учебников с тиражом более полумиллиона экземпляров.

Школы республики связаны с практикой колхозного строительства на основе мичуринского учения. Школами развёрнуто большое и важное дело по созданию учебно-опытных участков, плодово-ягодных садов.

В 966 школах пришкольные участки занимают площадь около 650 га, в 119 школах только в 1949 году посадили 31.000 плодовых деревьев и 135.000 декоративных деревьев и кустарников. Многие школы, кроме того, принимают самое деятельное участие в борьбе колхозов за реализацию сталинской программы борьбы с засухой и повышения урожайности.

Не было и нет в мире страны, где бы проявлялась такая забота о матери и ребёнке, как в нашей социалистической державе. Общественные столовые, ясли, детские сады являются важным фактором в деле подлинного освобождения женщины, в деле уничтожения её неравенства с мужчиной, в деле повышения её роли в общественном производстве и в общественной жизни.

Выполняя указания В. И. Ленина, Советское государство построило тысячи детских садов и яслей, в которых миллионы маленьких детей воспитываются и обеспечиваются всем необходимым. В настоящее время в Мордовской республике насчитывается 77 детских садов, с контингентом детей в них 3701 человек. Детские сады № 5 и 17 гор. Саранска, Темниковский детский сад и другие стали образцовыми дошкольными учреждениями.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз причинило огромный ущерб народному хозяйству страны, тысячи детей лишились родителей. Партия призвала народ окружить заботой детей воинов, погибших за Родину. В стране построены и организованы тысячи детских домов. Только в Мордовии организовано несколько детских домов, в которых воспитывается 3250 детей. Бюджет Мордовской республики в 1949 году предусматривал 22,3 миллиона рублей на содержание этих детей. На содержание каждого ребёнка государство ежемесячно расходует свыше 500 рублей. Воспитанникам детских домов созданы все условия для нормальной учёбы.

Дети-сироты благодаря заботе нашей партии, ликвидировавшей беспризорность в нашей стране, приобрели счастливое детство.

Великая Отечественная война вызвала необходимость создания в республике школ рабочей и сельской молодёжи. В 1948—49 учебном году Мордовия имела 106 таких школ, в которых обучалось без отрыва от производства свыше 5.000 человек.

Мордовская республика располагает широкой сетью специальных учебных заведений. В республике имеется педагогический институт, два учительских института, 8 педагогических училищ, 4 с.-х. техникума, 2 фельдшерско-акушерских школы, политпросветшкола, музыкальное училище и техникум советской торговли.

Все эти учебные заведения созданы за годы советской власти, и, являясь детищами сталинских пятилеток, они подготовили республике тысячи специалистов. Только одни педучилища подготовили около 9000 учителей для начальных школ, в том числе около 3000 учителей мордовской национальности.

В благородное дело просвещения нашего народа вложило много труда наше славное учительство.

Вот почему Советское правительство и коммунистическая партия высоко оценили плодотворный труд учителей Мордовии. За безупречную работу в республике награждено орденом Ленина 177 учителей, орденом Трудового Красного Знамени — 88 человек, орденом «Знак почёта» — 164 человека, медалью «За трудовую доблесть»—331 чел., медалью «За трудовое отличие»—547 человек.

6 учителям присвоено звание Заслуженного учителя РСФСР и 99 — звание Заслуженного учителя школы Мордовской

АССР. 77 учителей и работников органов народного образования награждены значком «Отличник народного просвещения».

Среди награждённых орденом Ленина—учительница Александра Петровна Лавровская, которая 60 лет работает на ниве народного просвещения и 55 из них в мордовском селе Сабаеве Кочкуровского района. Она обучила и воспитала не одну тысячу молодёжи. Несмотря на свой возраст, Александра Петровна, кроме школьной, ведёт ещё большую общественную работу. Являясь депутатом районного Совета, повседневно беседует с населением по различным вопросам. Это близкий советчик и друг крестьян. Она оказывает большую помощь молодым учителям своего района. Александре Петровне Лавровской присвоено звание Заслуженной учительницы школы Мордовской АССР.

Тов. Валицкая Александра Павловна 49 лет посвятила работе в школе. Проводя уроки на высоком идейно-политическом и научно-методическом уровне, она обеспечивает учащимся глубокие и прочные знания. Как опытный педагог и руководитель школы, она большую помощь оказывает учителям начальных классов района, свой многолетний опыт педагогической работы передаёт молодым учителям. Товарищ Валицкая А. П. за успехи в работе по обучению и воспитанию детей награждена орденом Ленина.

Бормотин Пётр Семёнович 47 лет работает в школе, из них 31 год работает заведующим Желтоноговской начальной школой Краснослободского района. Тов. Бормотин П. С. прекрасно владеет программным материалом и методикой его преподавания, его учащиеся всегда имеют глубокие и прочные знания и навыки. Он принимает активное участие и в общественной работе, пользуется большим авторитетом среди учащихся, учителей и общественности села и района. Правительство наградило тов. Бормотина П. С. орденом Ленина, ему присвоено звание Заслуженного учителя Мордовской АССР.

Тов. Юшкин Михаил Ильич работает учителем с 1925 года. За свой многолетний труд на поприще народного образования накопил замечательный опыт, он полностью ликвидировал второгодничество и неуспеваемость в своём классе. За безупречную работу в области воспитания и обучения детей он награждён орденом «Знак почёта» и орденом Ленина.

Высокие образцы педагогической работы показывает Александра Семёновна Гладкова, учительница начальных классов Ново-Зубаревской семилетней школы Ст.-Синдровского района; Прасковья Петровна Григорьева, учительница

Песочно-Лосевской начальной школы того же района; Мария Дмитриевна Землемерова, учительница 1-й Краснослободской начальной школы; Серафима Фёдоровна Кечина, учительница Грачевской начальной школы Краснослободского района; Мария Глебовна Аксёнова, учительница Ладской начальной школы; Лидия Васильевна Орлова, учительница русского языка Кабаевской средней школы Дубёнского района; Валентина Александровна Добронравова, учительница Чебудасской начальной школы Атяшевского района; Дарья Матвеевна Родина, директор и учительница Больше-Монадышской семилетней школы того же района; Антонина Фёдоровна Тарханова, учительница Полонской начальной школы Ардатовского района; Елена Алексеевна Семёнкина, учительница 1-й Ардатовской начальной школы.

С ещё большей самоотверженностью в школах Советской Мордовии трудятся учителя, доблестный труд которых удостоен высокой награды. Всех их роднит общее дело и характерные черты, одинаково присущие им. Эти черты — высокая идейность, глубокая любовь к своему делу и большое педагогическое мастерство.

* * *

Осуществление всеобщего семилетнего обучения, широкая сеть семилетних и средних школ и специальных учебных заведений, квалифицированная армия учительства в начальных и средних школах, большое количество дошкольных, внешкольных и закрытых детских учреждений, создание литературы на мокшанском и эрзянском языках — таковы замечательные итоги просвещения Мордовии за период советской власти. Эти успехи явились результатом постоянных забот большевистской партии и лично товарища Сталина о благосостоянии трудящихся Советского Союза, результатом последовательно проводимой ленинско-сталинской национальной политики, обеспечивающей развитие национальной культуры и приобщение всех народов СССР к богатейшей культуре русского народа.

М. Г. Сафаргалиев,
кандидат исторических наук.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ ДРЕВНЕЙ МОРДВЫ

Вопрос об изучении общественного строя древней мордвы в дореволюционной исторической литературе не был поставлен совсем, если не считать работы В. Майнова «Очерк юридического быта мордвы», но автор этого чрезвычайно ценного труда интересовался главным образом юридической стороной быта пореформенной мордвы. Что касается других авторов, то они подходили к истории мордвы с чисто этнографической точки зрения. Советские историки, правда, сделали много для выяснения разнообразных сторон истории мордовского народа, но и теперь вопросам общественного развития мордвы не уделяется ещё достаточного внимания.

Среди историков мордвы до сих пор держится неправильная точка зрения о бесклассовом характере развития дореволюционной мордвы, отчётливо проводимая в статье В. Гольмстен и Е. Горюновой. Авторы особенно подчёркивают мысль об «исключительном консерватизме мордовской культуры», тормозившей «на долгое время становление классовых отношений», поэтому, как утверждают авторы, мордва в своём развитии «не выходила за пределы первобытного общинного строя»[1].

По мнению В. Гольмстен и Е. Горюновой, пережитки первобытно-общинного строя — семейная община так и дожили до 80-х гг. XIX в. По существу эта же точка зрения проводится в недавно вышедшей работе А. И. Маскаева «Мордовская сказка».

[1] Гольмстен В. и Горюнова Е. О мордовском „феодализме". Краткие сообщения И. И. М. К. л., VIII. 1940, стр. 43 и след.

Какой бы ни была «изолированна» мордва, она не могла оставаться всё время в состоянии застоя, тогда как другие народы восточной Европы, жившие бок о бок с мордвой, в своём развитии сменили несколько общественных формаций. «На протяжении трёх тысяч лет, — пишет И. В. Сталин, — в Европе успели смениться три разных общественных строя: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный строй, а в восточной части Европы, в СССР, сменились даже четыре общественных строя»[1]. Это чрезвычайно ценное указание тов. И. В. Сталина в одинаковой мере относится ко всем народам СССР, в том числе и к мордве. В другом месте тов. Сталин, перечисляя народы СССР, не ушедшие в своём развитии дальше полупатриархального-полуфеодального быта, не упоминает мордву. Речь идёт у тов. Сталина о тюркских народах: башкирах, киргизах и тюркских народах Северного Кавказа и др., «не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих, или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ), или не ушедших дальше первобытных форм полупатриархального-полуфеодального быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлечённых в общее русло советского развития»[2].

1.

Мордва под теперешним своим названием (Морденс) впервые появляется в письменных источниках VI в.—в сочинениях Иордана, однако историки, занимающиеся проблемой этногенезиса мордовского народа, совершенно законно ищут мордву в числе тех народов Восточной Европы, которые упоминаются у историка VI в. до н. э.—Геродота.

На основании археологических данных можно установить, что памятники материальной культуры, принадлежавшие мордве, датируются первым тысячелетием до нашей эры и говорят о каких-то связях мордвы с прежним скифо-сарматским миром.

Ни Иордан, ни Константин Багрянородный, ни арабские авторы, знавшие мордву под современным названием, не говорят об общественном строе мордвы. Только с XII в., когда русская летопись стала отмечать мордву, появляются некоторые данные, относящиеся к хозяйственному быту мордовского народа, но и они не дают достаточных сведений об общественном строе мордвы. При такой скудности данных, естественно, приходится обращаться к данным археологии, этнографии, кстати сказать, тоже недостаточно изученным. Недавно начавшееся археологическое изучение Мордовии, несомненно, даст очень многое для выяснения ряда проблем, связанных с ранней историей мордвы. Даже теперь, по материалам ранних мордовских городищ — «Ош Пандо», недавно открытого П. Д. Степановым вблизи с. Сайнино, Дубёнского района; Теньгушевского городища, обследованного в 1939 году Е. Горюновой, мы можем получить представление о мордве в начале 1-го тысячелетия нашей эры. Среди инвентаря этих двух старейших городищ 1-й половины нашей эры, расположенных один на западной, другой на восточной окраине Мордовии, мы находим в большом количестве кости диких животных — лося, оленя, медведя, дикого кабана и разных пушных зверей, кости рыбы и рыбью чешую и т. д.; орудия труда обитателей этих городищ — удила, крючки, топоры — кельты для долбления бортей. К данным археологии, говорящим об охоте, бортничестве, рыболовстве (чем занимались обитатели этих городищ), можно прибавить данные мордовской мифологии. Среди прежних языческих богов мы встречаем богов и богинь—покровителей лесных промыслов, бортничества, охоты, рыболовства. Все четыре сына матери богов Анга-Патяй рисуются в той или иной мере покровителями лесных промыслов: Нишки-Паз—бог неба, солнца и света, в то же время является небесным пасечником, Света-Вершки-Велен-Паз—устроитель человеческого общества, является зимним, вернее, лесным пасечником, Назараль-Паз—тёмный пчельник, а Валцки-Паз—покровитель охотников на зверей, птиц и рыболовов. Из двух дочерей Анге-Патяй одна (Нишканд-Тавтяр) также покровительствует пчёлам, другая (Верья-Патяй) является богиней рощ, лесов и деревьев[1]. Эти данные сами за себя говорят о жизни и деятельности мордвы в период древнейших городищ, как о народе, занимавшемся охотой на хищных животных и использованием даров природы. Как указывает тов. И. В. Сталин, хозяйственная деятельность людей, основанная на «нищенском и примитивном охотничьем хозяйстве, не знавшем ни скотоводства, ни земледелия»,

[1] Сталин И. В. Вопросы ленинизма, изд. XI, стр. 548.
[2] Сталин И. В. Сочинения, т. V. стр. 25.

[1] Мельников П., Очерки мордвы, соч. т. VII, стр. 434—435.

была характерна для периода первобытного общинного строя [1].

Правда, охота на диких животных, примитивные лесные промыслы остаются и на последующих этапах развития мордвы. В. Рубрук, посетивший Восточную Европу в 1251 году, писал: «К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно: моксель... Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах. В изобилии имеются у них свиньи, мёд и воск, драгоценные меха и соколы. Сзади них живут другие, именуемые мордас...», очевидно, эрзя[2]. Однако теперь в быт мордвы стали входить другие виды добывания средств к существованию. Среди инвентаря Армеевского могильника (V—VII вв.) имеется большое количество костей домашних животных: коров, лошадей, свиней, причём в материалах Погибловского могильника (VIII—X вв.) скотоводство получило дальнейшее своё развитие [3].

На основании тех же материалов археологии можно говорить в какой-то мере о развитии земледелия. П. Д. Степанов обнаружил в городище «Ош Пандо» остатки хлебных злаков: гороха, ржи, ячменя, а так же серпы и сошники. Е. И. Горюнова на основании материалов Ефаевского могильника (XI—XIII вв.) делает выводы о значительном развитии земледелия в XI—XII вв., находившегося в стадии перехода от мотыжной формы к пашенному земледелию [4]. О наличии земледелия у мордвы в начале XIII в. мы можем судить на основе письменных данных. В Лаврентьевской летописи под 1228 г. сообщается о разорении «Пургасовской волости»; летописец говорит, что русское войско «пожгоша жита и потравиша и скот избища» [5]. Этот поход был в январе месяце. О потраве жита, находившегося на корню, не могло быть и речи, но, что русские князья могли сжечь собранный, но ещё не обмолоченный хлеб, это вполне возможно, наличие большого запаса ещё не обмолоченного хлеба в январе месяце весьма характерно. В то же время на основе данных мордовского языкознания можно сделать вывод, что земледелие у мордвы, начавшееся развиваться в период городищ, дальнейшее своё

[1] Сталин И. В., Вопросы ленинизма, изд. XI, стр. 555.
[2] Рубрук, Путешествия в восточные страны, стр. 68.
[3] Горюнова Е., Погибловское городище. Археол. сборник № 1, 1948 г., Саранск, стр. 111.
[4] Горюнова Е., Ефаевский могильник. Арх. сбор. № 1, 1948 г., Саранск, стр. 22.
[5] П. С. Р. Л., т. 1, стр. 190.

развитие получило под влиянием и воздействием русской культуры. Большая часть названий сельскохозяйственных культур у мордвы носит русские названия. Зерно как у эрзи, так и у мокши называется «сюро» или «сера»; мотыга, соха, сошник у мордвы носят русские названия, как и названия хлебных злаков: рожь — розь, лён — лияназ, иляназ; конопель—кансть—каньф и т. д., что свидетельствует о заимствовании их от соседнего русского народа, когда между русскими и мордвой установились взаимоотношения. Лишь немногие сельскохозяйственные культуры, как просо, носившее мордовское название суро—сура, могли появиться до соприкосновения мордвы с русским населением.

В какой бы примитивной форме ни было скотоводство и земледелие у мордвы в конце 1-го тысячелетия нашей эры, все это свидетельствует о прогрессе в хозяйстве мордвы.

Исследователи ранних мордовских городищ Е. Горюнова и П. Степанов отмечают такие интересные факты, как появление в городищах элементов ремесла — изготовление гончарных изделий, поделок из кости и железа и др., обнаруженных в «Ош-Пандо» и Теньгушевском городище. Е. Горюнова на основе археологических данных делает вывод, что шкура пушных зверей представляла собой предметы меновой ценности. По словам Е. Горюновой, торговля и обмен в эпоху городищ выходила из рамок местно-племенного обмена [1]. Среди инвентаря Армеевского могильника (V—VII в.) мы находим вещи уже привозного характера, полученные от южных и юго-восточных соседей, что подтверждается арабским писателем. Арабский писатель X в. Ибн-Хаукал, например, сообщает такой факт из жизни мордвы-эрзи: «Эрзя спускаются по реке Итилю (т. е. Волге) и привозят свои товары, но они ничего не рассказывают ни о своих торговых делах, ни о своей земле и никому не позволяют сопровождать себя домой. От эрзи идут в Болгарию соболя, куницы и свинец» [2].

Дальнейшее развитие лесных промыслов, появление скотоводства, земледелия, элементов ремесла, торговли, несомненно, должны были изменить способы производства и общественный строй мордвы. «Одна из особенностей производства состоит в том,—пишет тов. И. В. Сталин,—что оно никогда не застревает на долгий период на одной точке и находится всег-

[1] Горюнова Е. Раскопки Теньгушевского и Нараватского городища. Краткие сообщения И. И. М. К. в, V, стр. 78.
[2] Готье Ю. Железный век в Восточной Европе, 1930 г., стр. 167.

да в состоянии изменения и развития, причём изменения способа производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений,—вызывают перестройку всего общественного и политического уклада»[1]. Отмеченные выше изменения способа производства средств существования мордвы, несомненно, должны были привести к разложению первобытно-общинного строя, вызвать перестройку общественного строя мордвы.

II.

В мордовском языке для обозначения рода существуют слова «тевкас» у эрзи, «тев»,—у мокши, в значении «порода», «порождение»; в то же время, как отмечал ещё В. Майнов, слова «тев», или «тевка», в полном смысле этого слова не означают клана, tribus или чего-либо подобного[2]. Термины, связанные с родовым институтом, таким образом, в мордовском языке быстро стали исчезать, в то время как терминология, связанная с семьёй, общиной, оказалась более живучей. Отношения мордвы к родне раскрываются в следующей, приведённой Майновым пословице: «Тят йот тави, йотан шабери озалне»,—не ходи к родне, ходи к соседу в горе. В. Майнов, объясняя это, писал, что мордва «ради охоты и иных удобств, старалась поселиться как можно далее от места сельбищ другой семьи, дабы иметь более простора, а следовательно и более средств к пропитанию»[3]. Уходя от родичей в лесную глушь, каждая семья создавала двор—«куд». Быть может, происхождение позднейших мордовских «зимниц» берёт своё начало от этих «куд»—двора, как места пребывания только что отделившейся от родича семьи. По имеющимся в нашем распоряжении, хотя и немногочисленным данным, можно наблюдать историю возникновения таких дворов «куд» в результате выделения отдельной семьи от общего рода, на базе возникновения личной собственности. У мордвы, например, знак собственности сьёрма («знамена») был очень развит в период присоединения мордвы к Московскому государству в XVI в., каждый мордвин имел свой знак собственности — «знамя». Каждый член семьи, выделившийся в самостоятельное хозяйство, основав свой двор, сразу выбирал себе особое «сьёрма», чтобы его имущество нельзя было смешивать с имуществом отца, хотя в то же время родственники, живущие под одной крышей, имели общие родовые знаки для всех членов семьи. Н. Харузин в этом видел переход от родового строя к соседской общине. Правда, он относит этот переход к XVI в., допуская в то же время, что этот переход произошел «значительно раньше»[1]. Действительно, судя по данным мордовского фольклора, изданного Н. Мельниковым, начало образования семейных общин произошло значительно раньше. У Мельникова есть рассказ, записанный в XVII в., об одном знатном мордвине Скворце—современнике Ильи Муромца, жившем со своими 18 жёнами, 70 сыновьями, составлявшими одну большую семью[2]. Там же говорится о другом знатном мордвине Абраме, современнике Скворца, который когда-то жил на реке Кудьме, покинул затем свои родные места и переселился к устью р. Оки, к Дятловым горам, на место будущего Нижнего Новгорода (Горького), где он сам и его 14 сыновей были приняты мордвой, не имеющей с ним никаких родственных связей. Более того, он стал вождём в период столкновения мордвы с русскими из-за Дятловых гор, задолго до основания Нижнего Новгорода, т. е. до 1221 г.[3]. На основании этого фольклорного материала можно сделать вывод о становлении у мордвы сельских территориальных общин, вместо прежних родовых союзов. В мордовском языке существует термин «велен» и «мар» в том же значении, как русские «вервь» и «мир». Один из сыновей языческого мордовского бога Свет-Вершки-Велен-Пас выступает в качестве устроителя человеческого общества «велен» «мар»[4]. Слова «велен» «мар», во многом напоминающие древнерусские вервь, мир, повидимому, вошли в быт мордвы путём заимствования этих слов у соседнего русского народа ещё в период Киевской Руси, в том же смысле, в каком они употребляются в «Русской Правде». Существование таких сельских общин у мордвы в XII веке отнюдь не исключает возможности существования рядом с ним и семейных общин, больших семей, которые сохранились у мордвы до XIX в. «С распадом родовых отношений,—пишет акад.

[1] Сталин И. В., Вопросы ленинизма, изд. XI, стр. 551.
[2] В. Майнов, Очерк юридического быта мордвы, 1885, стр. 2—3.
[3] Там же, стр. 3.

[1] Харузин М. „Знамена" у мордвы, Известия о-ва любителей, естествозн. антропология и этнография при Московском У-те, т. XCVII, 1900, стр. 69—70.
[2] Мельников, Очерки мордвы, соч. т. VII, стр. 414.
[3] Там же, стр. 415.
[4] Там же, стр. 434.

Б. Д. Греков,—у многих народов возникает сельская община, как переходная ступень от родовой организации к политической. Однако и при сельской общине, отнюдь не противоречащей, в течение длительного периода продолжает существовать и сохранять свою силу патриархальная семейная община, или большая семья»[1].

У нас нет пока данных, рисующих внутреннюю структуру мордовских сельских общин в древности и материалов о её разложении. Однако, отсутствие этих данных не означает, что древняя мордовская община (велен, мар) оставалась неизменной. Наличие в мордовских погребениях имущественного различия у некоторых покойников (например, в Армеевском могильнике), снабжённых большим количеством вещей, иногда даже привозного характера, в то же время бедность других захоронений, рядом лежавших,—яркий признак разложения внутри рода или общины. Надо добавить, что на примере того же Армеевского могильника можно констатировать наличие среди инвентаря большого количества предметов вооружения — мечи, железные наконечники, стрелы, боевые топоры, что является весьма характерным для периода военной демократии[2].

«Земледельческая община, — писал К. Маркс, — будучи последней фазой первичной общинной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходном от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация, разумеется, охватывает ряд обществ, покоящихся на рабстве и крепостничестве»[3].

Разложение сельской общины у мордвы, как и у других народов, должно было бы привести к возникновению классового общества — рабству или феодализму.

Какое из двух классовых обществ возникло у мордвы после разложения сельской общины — не ясно. В мордовском языке существует специальный термин для обозначения раба: «уре» — раб, «урень» — рабыня. Происхождение этих слов, несомненно, связано с существованием у мордвы когда-то элементов рабства. Правда, пока мы не знаем о степени развития рабства у мордвы, но нет сомнения, что элементы своеобразного домашнего рабства здесь имели место. Так, например, жена брата — сноха носит название «уряш», а сестра мужа по отношению к ней остается «патенгием», т. е. госпожой. Как недавно доказал Н. Ф. Цыганов, «уре» — раб и «ур» — белка — деньги происходят от одного корня, это даёт нам право судить, что у мордвы когда-то рабы, наряду с беличьей шкурой, выполняли функцию меняла — денег[1]. Очевидно здесь ценность раба представлялась только как живой товар, отправляемый к восточным рынкам, и применение рабского труда в хозяйстве мордвина не нашло широкого распространения, притом надо учесть ещё своеобразный характер хозяйственного быта мордвы, связанного с лесными промыслами, охотой, где рабский труд не мог играть большой роли. Как отмечает Б. Д. Греков, у славян, например, да и у большинства народов Восточной Европы, рабство не развилось дальше своей первичной формы патриархального или домашнего рабства. «У германцев, славян, армян, иберов, — пишет Б. Д. Греков, — рабы никогда не играли такой роли и не могли играть, так как это общество развивалось в иной исторической обстановке, в таких условиях, где главное место в производстве принадлежало сначала свободному труду крестьянина-общинника, а позднее — тому же крестьянину, но уже закрепощённому. По сравнению с античным периодом, это был большой шаг вперёд в истории человечества»[2]. Это указание Б. Д. Грекова в одинаковой мере относится и к мордве, где рабство не развивалось дальше домашнего рабства. Можно предполагать, что у мордвы на смену первобытно-общинного строя пришёл феодальный строй. В. Гольмстен и Е. Горюнова в своих статьях «О мордовском феодализме», говоря об отсутствии у мордвы феодальных отношений, стараются подчеркнуть тот факт, что мордва не была завоёвана своими соседями, ранними феодальными государствами.

Исходя из позиции старых буржуазных историков Гольмстен и Горюнова утверждают, что раз мордва не была завоёвана и не было над ними насилия, значит мордва не знала феодального строя. Эта теория «завозного» феодализма давно отвергнута советскими историками.

---

[1] Греков Б. Д. Крестьяне на Руси, 1946, стр. 65.

[2] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 1, 1940 г. стр. 114—115.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения т. XXVII стр. 695

[1] Цыганов Н., Заметка о древне-мордовской денежной единице. Записки Мордовского научно-исследовательского института № 9, за 1947 г., стр. 146.

[2] Греков Б., Крестьяне на Руси, стр. 151.

Феодализм у всех народов возникает в определённых исторических условиях, в результате внутренней эволюции — смены производственных отношений, а именно: разложения первобытно-общинного строя, когда из общины выделяется имущественно-привилегированная верхушка военных—вождей, захвативших в свои руки огромные пространства, достаточные для лесных промыслов, охоты на пушных зверей и рыбной ловли. Впоследствии, когда мордва вошла в состав Московского государства, она отстаивала свои права перед московской администрацией, приводя ряд фактов для доказательства своих прав, при этом ссылаясь на старину.

Эта верхушка, выделившаяся из общины, резко отличалась от остальных её членов. В мордовском языке есть термин для обозначения этих лиц—«инязор», означающий «наибольший», сходный с русским термином «князь»[1]. В начальной своей стадии, повидимому, «инязор» мог означать племенного вождя, не пользовавшегося ещё наследственной властью. Таким вождем представляется нам знатный мордвин Абрам, один из фольклорных героев мордвы.

По фольклорным материалам, он перед появлением русских на Оке, жил на «Дятловых горах». Когда русский князь потребовал от него покорности, он отвечал: «Я не князь мордовский, а только выборный «панок», меня мордва не слушают, а вот я соберу весь мордовский народ, поговорю с ними, уговорю всю мордву покориться русскому князю. Только дай мне сроку четыре года». Когда ему вместо четырёх лет дали только четыре дня сроку, он всё же собрал пятитысячный мордовский отряд и стал во главе этого отряда[2]. На примере другого инязора Тюштеня видно, что его отец Покш При-бикасар вначале тоже был выборным лицом. Но его сын Тюштень по достижении совершеннолетия уже занял место отца, перед своей смертью он тоже назначил своего сына Секселя своим преемником[3]. Тюштень, пользовавшийся наследственной властью, был уже не выборным лицом, а князем, имевшим в своём распоряжении войско, причём характерна такая деталь: когда Тюштень женился, его невеста имела в приданое 2000 крестьян. Многочисленные предания о Тюштене то называют его князем, то царём. Правда, эта легенда о Тюштене не подтверждается письменными источниками, но её популярность среди мордвы весьма характерна. Наряду с легендарными Тюштенем, Абрамом, приведёнными выше, для начала XIII в. мы имеем дело с историческими личностями—с Пурешом и Пургасом, зафиксированными в русских летописях и уже давно ставшими объектом исследования историков. Н. Мельников, впервые обративший на них внимание, видел в них двух мордовских князей. Кузнецов называл при этом Пургаса князем эрзи, а Пуреша—мокшанским[1]. Проф. А. П. Смирнов, также считавший их мордовскими князьями, стоящими во главе двух мордовских княжеств, Пуреша называет вассалом русских, Пургаса же называет князем, бывшим под покровительством болгар[2]. П. Д. Степанов в статье «Пургасово городище», сделавший ценные наблюдения над материалами, приводит ряд доводов против признания Пуреша и Пургаса князьями мокши и эрзи, в лице их Степанов видел только племенных вождей, стоявших во главе небольших мордовских родовых общин[3]. П. Степанов прав, летописец не называет их князьями, но это отнюдь не исключает возможности существования накануне татарского завоевания мордовских княжеств. Летописец, говоря о «Пургасовой волости», не указывает ни места, ни размера этой волости. Однако по другим данным можно установить хотя бы примерно район и приблизительно размер «Пургасовой волости». Пургасова волость, несомненно, находилась в районе, заселённом мордвой. В актовых материалах XVII в. в пределах бывшего Кадомского уезда упоминается деревня Большие и Малые Буртасы, как и мордовские пургасовские мурзы[4]. В тех же актовых материалах XVII в. упоминается «Пургасово городище», расположенное в районе Пурдошанского района, Мордовской АССР. Расстояние между двумя пунктами—селом Пургасово, недалеко от Старого Кадома, и предполагаемым

---

[1] В этом отношении весьма любопытным является происхождение фамилии мордовских князей Мокшазаровых, имеющихся в двух вариантах: Мокшазаров и Мокшабиев. Весьма вероятно, последний вариант явился в результате господства татар, когда мордовский Мокшазаров получил татарский вариант Мокшабиев путём замены мордовского окончания „азар" татарским названием „бий" — бек — князь.

[2] Мельников Б., Очерки мордвы, стр. 415.

[3] „Мордовская история", записанная академиком А. А. Шахматовым, „Живая старина", выпуск XI, стр. 176—177.

[1] Кузнецов. Историческая география—мордва, 1912 г., стр. 34.

[2] Смирнов А. П. Очерки по истории древних булгар, Труды Государ. Историч. музея в. XI, 1940 г., стр. 89.

[3] Степанов П. Д. „Пургасово городище", Записки Мордов. научно-исслед. института, № 6, 1946 г., стр. 39.

[4] Известия Тамбовской Ученой Арх. Комиссии в XXVI, стр. 2—3.

местом Пургасова городища, в Пурдошанском районе, по расчёту Степанова,—примерно 60—70 км[1]. Если допустить что Пургасово городище возникло в связи с пребыванием в этих местах Пургаса, как его «твердь», куда он бежал в 1228 году от преследования неприятеля, то надо полагать, что оно стояло среди его владения—«волости», тогда радиус его владения будет определяться порядком 140—150 километров, если не больше. Вряд ли можно допустить, что всё это принадлежало одной небольшой родовой общине, как полагает П. Д. Степанов. Бесспорно, мы имеем в лице Пургаса племенного князя мордвы—эрзи, а в лице «мордовских пургасовских мурз», доживших до XVII в., потомков той знати, которая окружала Пургаса. Надо сказать, что если мы имеем ясное представление о Пургасе, как князь эрзи, то мы менее знаем о Пуреше—«ратнике Юргееве». Летописец, назвав его «ратником» муромского князя, сообщает о его сыне, продолжавшем борьбу с Пургасом. Из сообщения летописи можно установить расположение владения Пуреша, находившегося где-то в районе Оки и её притока Мокши и притока Мокши—Цны.

Существование двух мордовских «княжеств» (ленов) (княжество мокшанское и эрзянское) накануне татарского завоевания вполне возможно, как и борьба между мокшей и эрзей.

Акад. А. А. Шахматов в предисловии к мордовскому этнографическому сборнику сообщает о существовании в мордовских исторических песнях указания о происходившей борьбе между эрзей и мокшей с указанием имён мокшанских и эрзянских князей[2]. У эрзи до XX в. сохранилось предание об эрзянском князе, ставшем вассалом русского князя[3]. Венгерский монах Юлиан, совершивший вторичное путешествие к камским болгарам в 1236 г., сообщает о двух мордовских князьях, правивших «царством мордванов». Вот что он писал о завоевании татарами народов Поволжья: «Завладев ими (т. е. болгарами—М. С.) и обратившись на запад, (татары) в течение целого года или немного большего (срока) завладели пятью величайшими языческими царствами... Они напали на Ведин, Маровию, Пшиданию, царство мордванов—там было два князя. Один князь со всем народом и семьёй покорился

[1] Степанов П. Д. „Пургасово городище", Записки № 6 Мордовского научно-исследовательского института, 1946 г., стр. 79.

[2] Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник, ст., VIII.

[3] Там же, стр., 47.

владыке татар, но другой с немногими людьми направился в весьма укреплённые места (твердь»—М. С.), чтобы защищаться, если хватит сил...»[1] О мордовском князе, покорившемся татарам, речь идёт о князе мокшанском, как это видно из свидетельства Рубрука. По словам Рубрука, «их государь (т. е. моксе-мокша—М. С.) и большая часть людей были убиты в Германии, именно татары вели их вместе с собою до вступления в Германию во время похода монголов на запад в 1240—1241 гг[2]. Мы привели все эти данные, чтобы показать, как могло складываться государственное объединение мордвы, в виде двух княжеств, а всякое государственное объединение, как правило, возникает на базе классового общества. Классовой базой этих государств не было рабство, а феодальный строй, начавший складываться перед татарским завоеванием.

III.

Мордва дважды была завоёвана татарами во время нашествия Батыя в Восточную Европу. Один раз в 1236 г., второй раз в 1239 г., причём, как было указано нами в другом месте, поход 1239 года был против эрзянского князя, который хотел «защищаться, пока хватит сил»[3]. В результате второго нашествия татар сильно пострадала эрзя, особенно её правящая верхушка, в то время как мокшане, участвовавшие в походе в составе войска Батыя на запад пострадали меньше. Как указывает Рубрук, много из мордвы—мокши было перебито в Германии, все же часть из них вернулась обратно. Их князья в качестве вассалов золотоордынских ханов продолжали существовать в течение всего существования монголо-татарского ига. Они, как и другие вассальные князья, служили татарским ханам, участвовали во всех походах, предпринимавшихся татарами. Во время похода Узбека в Литву в 1329 г. в составе его войска были «мордовския князи с мордвичи»[4]. В 1377 г. на реке Пьяне «князи мордовския» тайно известили татар о местопребывании русских войск. На это войска нижегородского князя ответили разорением мордовских земель, «множество же живых мордвы лучших плен

[1] Аннинский. Известия о татарах в XIII—XIV вв. Истор. арх., т. 115 1940 г., стр. 87, подчёркнуто нами.

[2] Рубрук. Путешествия в восточные страны, стр. 88.

[3] Об этом подробно в нашей статье „Борьба мордовского народа против татарского ига", Учён. записки Морд. НИИ № 6 за 1946 г.

[4] П. С. Р. Л. т. X, стр. 211.

взяли»[1]. По тогдашней терминологии «лучшими» людьми считалась привилегированная часть общества, феодальная верхушка, в противовес «чёрным людям»—зависимому населению. Такое деление мордвы на две социальные группы, на феодалов и крепостное население, существовавшее при татарах, несомненно, произошло раньше, до татарского завоевания. Татары застали уж складывающийся феодальный способ производства, который получил дальнейшее развитие при татарах. Более того, татарские ханы, раздавая татарским феодалам земли по рекам Мокша, Цна, в виде пожалования на службу (буляк) или давая грамоты на тарханные владения, ускоряли установление феодальных отношений в пределах Мордовии[2]. Так представляется нам происхождение мордовских беляков (от татарского слова «буляк» пожаловать), являющихся как бы небольшими княжествами. По данным XVI—XVIII вв. во главе этих беляков-княжеств стояли татарские князья или мурзы, но иногда во главе некоторых беляков стояли и мордовские мурзы, так было, например, с Кирдянским беляком, во главе которого стоял мордвин Исен мурза Мокшеев сын Бутаков. Мы сравнительно мало знаем о мордовских беляках при татарах, но нам известен характер этих беляков позднего времени, когда мордва вошла в состав Московского государства. В XVI в. мордовские беляки во многом напоминали прежние небольшие русские княжества. Владетели мордовских беляков в XVI в. имели в своём распоряжении десятки мордовских сёл, населённых крестьянами-бортниками, они же творили суд, собирали пошлины, оброк и ясак. Причём, такой порядок существовал уже раньше до московской администрации. В одной грамоте Ивана IV, данной в 1554 году Кугушевым детям, говорится: «Пожаловал есми Емаша мурзу да Исята мурзу Тенишевых детей Кугушева Сахретинской мордвы Кучукова беляка ясаком, как был тот ясак дан Шанчуре да Мешаю, а наперед того тот ясак был за казанским князем за Малышем сыном. И вы все люди той чтите их и слушайте потому ж, как было преж сего»[3]. В другой грамоте, данной 10 апреля 1552 г. кадомскому Исеню мурзе Мокшиеву сыну, говорится, что царь пожалует его «княжением над эрзянскою

[1] П. С. Р. Л. т. IV, стр. 73, т. V, стр. 286, т. VIII, стр. 26, т. XII, стр. 29.
[2] Проф. Любимов А. Исторический обзор административно-территориального устройства Пензенской губернии, 1925 г. Самара, стр. 148.
[3] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, Саранск, 1940 г., стр. 148.

мордвою Кирдянского беляка, как было княжеское за Сумором князем Муратовым сыном Телемшейковым, а Имать ему с той мордвы ясаку по старине.., а судить та мордвы Исенью князю Мокшеву одному»[1]. Когда мордва вошла в состав Московского государства, множество бывших мордовских князей и мурзы продолжали сохранять за собой свои вотчины. В духовной грамоте Ивана IV 1572—78 гг. мы читаем: «Да сына же своего Ивана благословляю великим княжеством Нижегородским... Да ему ж даю город Мешеру с волостьми, и с селы, и со всем тем, что к ней исстари потягло, и с Кошковым, и Кадом, и Темников, и Шацкой город со всем, и князи мордовские со всеми же извотчинами сыну моему Ивану. Да ему ж даю город Курмыш, да город Алаторь с волостьми и со всеми пошлинами, и князи мордовские с их вотчинами... и даю ему город Свияжский, город Чебоксарской со всею Горною стороною, и со всею Чувашею и Черемисою, и с мордвами, и с их вотчинами, и с рыбными ловлями и со пошлинами, как ми Бог дал Горную сторону...»[2]. Эти многочисленные мордовские князья, жившие на Горной стороне Волги, имевшие свои вотчины, существовали раньше до покорения Казанского ханства и в таком виде «бог дал» их Ивану. Впоследствии эти многочисленные мордовские князья и мурзы вошли в состав служилого населения Московского государства, составили местную феодальную аристократию. Следовательно, у мордвы ко времени вхождения её в состав Московского государства были налицо все основные признаки феодального способа производства. Во главе мордовского общества стоят князья или мурзы, владеющие «вотчинами и рыбными ловлями», где живут их пошлинники и ясачные люди. Мордовские люди собирают со своего беляка пошлины, ясак и оброк, пользуются правом иммунитета — судят, а мордва должна их «чтить» и «служить» во всём.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что мордва, как и все народы Восточной Европы, в своём развитии после разложения первобытно-общинного строя, минуя рабство, перешла к феодальному способу производства и на этом этапе развития вошла в состав Московского государства.

[1] Центральный Архив МАССР, ф. 1, д. 14, л. 92. Эту грамоту любезно сообщил Н. П. Руткевич, за что пишущий эти строки выражает ему глубокую благодарность.
[2] Дополн. к актам историческим, т. 1, стр. 233—234, Подчёркнуто нами.

М. Г. Сафаргалиев,
кандидат исторических наук.

ЗАМЕТКА О БУРТАСАХ

(к вопросу о происхождении мордвы).

После исторических указаний тт. Сталина, Кирова и Жданова, данных ими в 1934 году по поводу конспекта учебника истории СССР, изучение истории народов СССР, в том числе и изучение истории мордвы значительно продвинулось вперед. По мере разработки истории мордвы, естественно, возник ряд проблем, связанных с историей мордовского народа. Одной из таких проблем являются вопросы о происхождении мордвы и ее ранней истории, пока достаточно не изученные (в исторической литературе). В связи с изучением этногенезиса мордвы, перед историками встал вопрос о буртасах, о народе, который упоминается в источниках X—XIII вв. и размещается, примерно, на той же территории, где ныне живут мордва и чуваши.

Исследователями по истории народов Поволжья в разное время было высказано ряд гипотез, предположений о бурсах. В. Сбоев отождествлял прежних буртасов с современными чувашами. В термине «буртас» он видел чувашское название «бурнас», что значит—жить, быть оседлым или обитателем места—жилища и т. д.[1]. К этому же выводу пришли академики В. Дорн и покойный Ю. В. Готье[2]. Маркварт в буртасах видел современных мордву—мокшу[3]. На ту же точку зрения стал С. Кузнецов в своей «Исторической географии».

---

[1] В. Сбоев, Чуваши, 1865 г., стр. 184.
[2] В. Дорн Каспий, 1875. стр. 9. Ю. Готье, Железный век в восточной Европе, 1930, стр. 161.
[3] Marguart, Osteuropaische und ostasiatische, teeitiug, 1903 p. 33.

Известный историк народов Поволжья И. Смирнов, в своей работе «Мордва», в 1895 году, разбирая источники, относившиеся к буртасам и мордве, на вопрос, можно ли отождествлять буртасов с мордвой, ответил отрицательно и высказал предположение о тюркском происхождении буртасов[1]. Тогда же Чекалин, а позднее Вестберг, как и Смирнов, отвергали гипотезу—«буртасы-мордва», отождествляя буртасов с мещерой, жившей в бывших Нижегородской и Пензенской губерниях[2]. Семенкович, в своих исследованиях «Гелоны и Мордва», отождествлял буртасов с чеченцами[3].

Если сюда прибавить высказывания Френа и П. Савельева, то постановка вопроса о буртасах будет иметь столетнюю давность. Однако, ни одна из высказанных точек зрения не привела к окончательному решению вопроса об этой исчезнувшей народности. Вопрос о буртасах все еще остается на той же стадии, на которой он был при Смирнове. Это прежде всего объясняется тем, что после Смирнова не было открыто дополнительных данных о буртасах, если не считать сочинения анонимного автора конца X века «Худуд—Ал—Алем» («граница мира»), опубликованного в 1930 г. В. В. Бартоль дом. При скудности письменных источников, историк лишен возможности пользоваться другими данными. До сих пор не открыт ни один археологический памятник, принадлежащий буртасам. Исследователи не имеют возможности при рассмотрении вопроса о буртасах, использовать и лингвистический материал.

Даже те отрывочные данные, которые сохранились в известиях иностранцев, не были привлечены в полной мере. Обыкновенно историки пользуются высказыванием арабских географов X в. о буртасах, а высказывания позднейших арабских авторов (например, Абульфеда)—игнорируются. Что касается данных персидских, западно-европейских авторов о буртасах и особенно русских источников, они совершенно не принимаются во внимание, как это видно из статей В. Гольмстен о «буртасах» и П. Степанова «К вопросу о происхождении мордвы».

П. Степанов, работающий в области этнографии мордвы,

---

[1] И. Н. Смирнов, Мордва, стр. 52.
[2] Чекалин, Мещеры и буртасы по сохранившимся о них памятникам, Труды VIII археологического съезда в Москве 1890 г., том III, стр. 73. Сравни Вестберг «К анализу восточных историков о восточной Европе» Журнал Министерства Народного Просвещения за 1908 г., март, стр. 19.
[3] Семенкович В., Гелоны и мордва, 1913 г., стр. 130.

в указанной статье снова поднял вопрос о буртасах и сделал попытку по новому осветить и решить всё еще остающийся спорный вопрос о буртасах. Разбирая сообщения арабских географов об этом народе, обитавшем когда-то «от Оки до среднего и нижнего течения Волги», без какого-либо упоминания о мордве, где другие источники знают только мордву и не знают никаких буртасов. П. Степанов пришел к выводу, что арабы, говоря о буртасах, имеют ввиду мордву. «Таким образом, — пишет Степанов, — «буртасы» и «мордва»—есть два наименования для одного народа, когда речь идет о мордве». Термин «буртасы—попал в русские летописи лишь после завоевания Казанского ханства и был перенесен из Казани, где господствовала тюркско-татарская терминология, «где буртасы» была определённая социальная категория населения» и означала данника—пушника, охотника. С исчезновением остатков Золотой Орды и с разрушением татарской системы управления, окончательно исчезает термин «буртасы» и остается термин «мордва»[1].

Однако, даже при беглом наблюдении над источниками выше приведенные выводы Степанова вызывают сомнение. Если арабские географы, подробно описывая буртасов, не знают мордвы, а русские летописи, зная мордву, не знают буртасов,—то это еще не означает, что речь идет об одном и том же народе. Дело не в этом. Как раз источники, в том числе: арабские, персидские, знают не только буртасов, но и знают мордву—эрзю. Арабский географ конца X века Ибн-Хакул одновременно с буртасами дает описание мордвы—эрзи...[2] В письме хазарского кагана Иосифа в числе его данников упоминается бур, т. е. буртасы и ариса (эрзя)[3].

Следовательно название «буртасы» не давалось мордве—эрзи. Предполагать же, что название «буртасы» давалось мордве—мокше, (как это допускает Маркварт), мы тоже не можем. Известный персидский историк начала XIV в. Рашид-ад-дин, в числе завоеванных Батыем народов в 634 г. (14/XI 1236—23/VIII-1237 г.), перечисляет буртасов—мокшу и арджан (эрзя)[1]. Таким образом, название «буртас» не давалось и мордве—мокше. Теперь обратимся к западно-европейским авторам: Плано Карпини, посетивший восточную Европу в 1246 г., сообщая о завоевании монголами разных народов, в числе покоренных упоминает мордву и буртасов[2]. Автор «Слова о погибели русской земли», составленного до 1247 года, в перечислении народов, соседящих с русской землей, говорит о буртасах, болгарах, черемисах и о мордве[3].

Следовательно источники X—XIII вв. одновременно дают название двух народов—мордвы и буртасов.

Возьмем второй довод Степанова о совпадении территории прежних буртасов и позднейшей мордвы. На первый взгляд это кажется допустимым. Константин Багрянородный помещает мордву на расстоянии десятидневного пути от хазар. Примерно на таком же расстоянии помещают буртасов арабские географы начала X века.

Арабский географ первой четверти X века Иби-Руста, которого потом повторили остальные арабские писатели X в., пишет: «земля буртасов лежит между хазарской и болгарской землями на расстоянии пятнадцатидневном пути от первой..., страна их как в ширину, так и в длину простирается на семнадцать дней пути..., от земли буртасов до земли этих болгар три дня пути»[4]. Эль-Балхи говорит, что буртасы живут рассеянно по берегам Итиль (Волги). Большинство арабских писателей помещают их на западном берегу Волги. Лишь Мадуси помещает их на восточном берегу Волги. Однако, как отметил Вестберг, у Масуди это дано случайно, ошибочно[5].

Из весьма суммарного беглого описания арабов видно, что буртасы жили по западному берегу Волги, между хазарами и болгарами, вернее, как отметил еще В. В. Готье, буртасы жили к востоку от мордвы в районах, прилежащих к правому берегу р. Волги, около Самарской Луки и севернее от нее[6].

---

[1] Степанов П. К., вопросу о происхождении мордвы. «Записки» М. Н. И. И. № 3. 1941 г., стр. 11.
[2] D' hsson Les peuples du Caucase, 1828, p. 84.
[3] Коконцев, Еврейско-хазарская переписка X в. 1933 г., стр. 98—99.

[1] Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, том II, стр. 36.
[2] Плано Карпини, История монголов, стр. 36.
[3] Памятники древне-русской письменности вып. XXXIV, 1892 г. стр. 19.
[4] Хвальсон, О хазарах, буртасах... П. 1869 г., стр. 19 и след.
[5] Вестеберг, К анализу восточных историков в восточн. Европе. Ж. М. Нар. Просвещ. 1908 г., февраль, стр. 385.
[6] Готье, Железный век в восточной Европе, стр. 160—161.

Если принять во внимание указание арабов, что буртасы были данниками хазар, то район буртасов отодвинется к югу, главным образом, в степную полосу, близкую к хазарам. Что касается географической номенклатуры «буртас», встречаемой на территории Рязанской и Пензенской областей, она могла возникнуть позже—при господстве татар в Восточной Европе.

Указанные территории буртасов относились лишь к первой половине X века. В конце же X века под влиянием соседей произошли изменения в первоначальной территории буртасов. С усилением Киевского государства и наступательным движением киевских князей на Восток, как хазарам, так и буртасам, был нанесен ряд ударов. «В настоящее же время, говорит Ибн-Хаукал,—писавший в 976 г.,—не осталось и следа ни из булгар, ни из буртасов, ни из хазар, ибо руссы напали (или истребили) всех их, отняли у них все эти области и присвоили их себе; те же, которые рассеялись от их рук, расселились по ближайшим местам, из желания остаться вблизи своих стран и надеясь заключить с ними мир и подчиниться им»[1].

С разрушением хазарского каганата Святославом Игоревичем, с востока появляются печенеги, образовавшие на месте хазар свое государство. Теперь буртасам был нанесен удар печенегами с востока. Буртасы, не будучи в силах сопротивляться печенегам, как увидим дальше, вынуждены были перекочевать в районы северного Кавказа.

Анонимный автор конца X в. в своем сочинении «Худул-Ал-Алем («граница мира»), описывая область печенегов, отмечает: «Эта область (т. е. область печенегов) на востоке граничит с гузсами (половодцами), на юге—с буртасами, на западе—с мадьярами и с Русью, на севере—с россами»[2].

Таким образом, с образованием государства печенегов буртасы оказались южнее печенегов.

Когда половцы овладели землей печенегов, буртасы продолжали оставаться южными соседями половцев, как это сообщает Плано Карпини. По словам Плано Карпини, половцы на севере соприкасались с русью, мордвинами, белярами, баскартами (башкиры), а на юге граничили с аланами, черкасами, иберами и буртасами (буртас)[3].

---

[1] Гаркави, Сказание мусульманских писателей о славянах и руссах, 1870, стр. 218.

[2] Худуд-Ал-Алем, под редакцией В. В. Бартольда, 1930 г., стр. 36—37.

[3] Плано Карпини, История Монголов, стр. 24.

От арабских географов XIII в. (Ибн-Саида) и XIV в. (Абульфида) мы узнаем, что буртасы в XIII—XIV вв. жили на побережье Каспийского моря, в районе Дербента и по нижнему течению Волги. «Биртасы (буртасы),—пишет он,—занимают широкую территорию на Волге, которая течет на юго-восток, на востоке от буртасов находится громадное озеро, образуемое Каспийским морем»[1].

В другом месте тот же Абульфида, ссылаясь на своего предшественника Ибн-Саида, продолжает: «Дербент есть укрепленный пункт страны буртасов, находящейся на седьмом климате, как сообщает Ибн-Саид,—эта крепость расположена на горе Кирмонов, там вождь буртасов хранит свои богатства»[2].

Буртасы, повидимому, остались на северном Кавказе и в конце XIV в., почему они и упоминаются в числе войск Мамая в 1380 г., когда Мамай двигался на Куликово поле из районов северного Кавказа. На сев. Кавказе до сих пор сохранилось ряд названий, свидетельствующих о пребывании здесь буртасов. Река Терек, например называлась Бурката—Бурсу, город Владикавказ—Буроз-Кега[3].

Мы привели все географические известия о буртасах, чтобы показать несостоятельность утверждения тех историков, которые видят в буртасах арабское название мордвы, якобы жившей на одной и той же территории.

Из всего сказанного следует совершенно неоспоримый вывод, что территория мордвы и буртасов не совпадала. Источники рисуют буртасов, как народ совершенно отличающийся от мордвы. В пользу нашего предположения говорит и другой факт. Возьмем такой решающий фактор, как вопросы хозяйства, быта и культуры.

Нет сомнения, что арабы, писавшие о буртасах, черпали свои первоначальные сведения от хазар или со слов буртасских купцов, сами не будучи в их стране. Поэтому в их описаниях имеется целый ряд противоречий о быте и хозяйстве буртасов, что ввело в заблуждение позднейших историков. Приведем ряд примеров: «Земля их просторна и обилует лесистыми местами... Буртасы имеют верблюдов, рогатый скот и много меду; главное же богатство и состоит в куньих

---

[1] Geografhie d. Aboulfeda, т. II, 90, 315.

[2] Там же, стр. 130.

[3] Семенкович, Гелоны и мордва, стр. 180.

мехах... Занимаются они и землепашеством, но главное их богатство составляет мед, меха куньи и мех вообще», — пишет Ибн Руста[1]. «Из их страны (буртасов) приходят меха черные и красные лисицы, которые называются буртасскими мехами»,—пишет другой автор Массуди[2].

«Они (фурдасы) имеют обширную страну и много торговых мест... Их богатство мед и куний мех. Они имеют большие стада рогатого скота и овец и обширные пашни»,—пишет третий[3].

Получается, что буртасы жили в лесной стране. Главное их богатство составляют мед, меха и куницы; в то же время буртасы занимаются и земледелием, владеют обширными пашнями. Наконец, они имеют большие стада рогатого скота, овец и верблюдов. Предположим, что они жили в лесистых местах, занимались звероловством, бортничеством и земледелием, что тоже допустимо. Но это могло быть только подсечное земледелие, при котором исключается «обширная пашня». Наличие большого количества рогатого скота и овец, особенно верблюдов, совершенно недопустимо для жителей лесной полосы.

Для скотовода — кочевника, имеющего большое стадо, необходимы обширные пастбища, необъятные пространства— степи. Если в буртасе охотнике-зверолове можно еще видеть мордву, действительно занимающуюся и пчеловодством, то в буртасе-скотоводе никак уже нельзя видеть мордвина. Нам теперь известен и инвентарь древних мордовских городищ и могильников, в которых нет признаков наличия многочисленного скота, тем более верблюдов, между тем, арабы сообщают о наличии у буртасов большого количества верблюдов.

Нет сомнения, что арабы, недостаточно зная буртасов, приписывали им не только относящиеся к ним данные, но и данные, относящиеся к другим народам Поволжья. Арабские купцы, покупая меха от буртасских купцов, полученных в свою очередь от мордовского населения путем обмена, могли эти меха называть «буртасскими». Сказания арабского писателя о буртасе-скотоводе, имеющем верблюдов, в действительности могли относиться лишь к буртасам, а не к мордве. К этому выводу приводит нас переселение буртасов к югу, в степную полосу, где были подходящие для скотоводства условия.

[1] Хвальсон, Известия о хазарах и буртасах..., стр. 20—21.
[2] Гаркави, Сказание мусульманских писателей о славянах и руссах, стр. 133.
[3] Кунин и Рози, Известия Ал. Бекри и др. авторов о руссах и и славянах, т. II, стр. 60—62.

Когда стараются сближать буртасов с мордвой, обычно упускают из вида культурно-бытовые моменты. По свидетельству арабских писателей, у буртасов существовало трупосожжение. Одно из племён буртасов сжигало трупы своих покойников. О трупосожжении у мордвов мы не имеем данных. В то же время у кочевых народов — печенегов, половцев — трупосожжение было обычным явлением. По словам арабских авторов, религиозные обряды буртасов немногим отличались от религиозных обрядов гузов. «Вера их похожа на веру гузов... Одни из буртасов сжигают покойников, другие их хоронят», — пишет Ибн Руста[1].

Позднее буртасы исповедывали иудейское вероисповедание. «Буртахи (буртасы), которые суть иудеи..., бреют голову», — замечает Плано Карпини[2].

В XVI—XVII вв. у буртасов, перекочевавших на север, во время господства татар вероисповедание имело много общего с вероисповеданием татар. Религиозные обряды мордвы не имели ничего общего с религиозными обрядами половцев. Можно привести еще один момент, относящийся к брачным обрядам буртасов. «Девицы у них, когда войдут в лета, перестают повиноваться отцу и сами по желанию своему выбирают себе кого-либо из мужчин (для сожительства с ним), пока не является к ее отцу жених, который сватается за нее, и если нравится отцу, то получает от него дочь в замужество[3]. Эльбекри к этому добавляет: «когда девица достигает совершеннолетия, то у отца ее нет больше власти над ней. Она избирает себе мужа кого захочет»[4].

Таким образом у буртасов девушкам предоставлено было полное право выбора себе мужа, что не имело места в прошлом у мордвы. У мордвы вопрос брака решался отцом девушки без какого-либо ее участия. Об этом имеется не мало примеров в мордовском фольклоре.

[1] Хвольсон, указан. соч., стр. 20.
[2] Плано Карпини, История монголов, стр. 36, 50.
[3] Кунин и Розен, указ. соч., стр. 60.
[4] Гаркави, указ. соч. стр. 21.

«Не отдавайте меня незнакомому человеку
Не отдавайте чужому отцу матери,
Я за вами жила, нежно балуя» —

говорится в одной из старинных свадебных обрядных песен[1].

Таким образом, вышеприведённые нами данные арабских писателей о буртасах — об их хозяйстве, быте и культуре, отличают их от быта, хозяйства и культуры современной мордвы. Буртасы, несомненно, был народ кочевой—скотоводческий, очень близко стоящий к степнякам-печенегам, половцам, и их совершенно невозможно отождествлять с современной мордвой.

Что касается вопроса о народности буртасов, то это требует дальнейшего изучения. Абульфида называет их народом тюркского происхождения. Арабский писатель X в. Масуди, объясняя происхождение названия реки Буртас, писал: «Буртас есть собственное имя тюркского народа..., который жил на этой реке (Буртас) и дал ей свое имя... Их страна хорошо возделывается и лежит между хазарами и царством болгар... (буртасы) составляют часть хазарского царства»[2].

«Язык булгар сходен с языком хазар. Буртасы же имеют другой язык. Так же язык руссов различен от языка хазар и буртасов», — говорит другой арабский писатель[3]. Этот особый язык, отличавшийся от языка хазар, булгар, руссов, по-видимому, был одним из разновидностей тюркского языка, почему Абульфида и называет буртасов народом тюркского происхождения. Поэтому, когда появились монголы, татары, буртасы, как кочевой народ, растворились среди татар-кочевников, потеряв свой прежний облик. Часть из них, кочуя с татарами, снова передвинулась на север и осталась в пределах нынешней Мордовии и Чувашии, а часть буртасов, наконец, осталась на сев. Кавказе. Можно согласиться с В. Семенковичем, что часть буртасов смешавшись с чеченцами, осталась на сев. Кавказе. Так, например, аварцы называют чеченцев «буртызлами», или «буртызатами». У самих чеченцев сохранилось легендарное предание об их северном происхождении[4].

---

[1] Смирнов, Мордва, стр. 163.
[2] Spenger A., Masnqis Historieal ensus Zopaeqia, Zonqon 184, v, I.
[3] Гаркави, указ. соч., стр 218.
[4] Семенкович, Гелоны и мордва, стр. 130.

Н. П. Руткевич.

ПОЛОЖЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ в XVIII и ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.[1]

Одной из основных проблем развивавшейся на территории Мордовии с начала XVIII в. мануфактурной промышленности был вопрос о рабочих кадрах. На Западе появление на рынке труда «поставленных вне закона пролетариев» (Маркс) было связано с разложением в ходе развития капитализма ремесла, с одной стороны, и широкой экспроприацией сельскохозяйственного производителя — с другой. История этого процесса, по выражению К. Маркса, «в различных странах имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи»[2]. В России становление мануфактуры и образование рабочей силы для промышленности совершались в рамках феодально-крепостнической формации. Это обстоятельство, естественно, не могло не придать развитию нашей мануфактуры несколько иную окраску сравнительно с Западом. «Если даже на Западе,—писал Ленин, мануфактурный период капитализма не мог произвести полного отделения промышленных рабочих от земледелия, то в России, при сохранении многих учреждений, прикрепляющих крестьян к земле, такое отделение не могло не замедлиться»[3]. Другою особенностью этого процесса было широкое применение крепостного труда в целом ряде отраслей промышленности, что служило, по выражению Ленина, «примером самобытного явления в русской истории»[4].

Именно это переплетение старых феодально-крепостниче-

---

[1] В данной статье мы показываем положение «работных людей» двух категорий: 1) приписных к поташным заводам и 2) посессионных.
[2] Капитал, т. 1, 1937, стр. 671.
[3] Ленин, Сочинения, т. 3, изд. IV, стр. 379.
[4] Там же, стр. 411.

ских элементов с новыми, капиталистическими, возникавшими в недрах старого строя; неразвитость общественно-экономических отношений, когда «эксплоатация еще опутана средневековыми формами, разными политическими, юридическими и бытовыми привесками» (Ленин)[1], наконец, обилие различных по своей природе групп, участвующих в производстве,— все это налагало своеобразный отпечаток на экономический строй нашей мануфактуры переходного к капитализму периода.

Насколько разнообразны были группы принимавших участие в производстве лиц, показывает автор специального исследования «О соотношении мастеровых к их хозяевам» в «Журнале Мануфактур и Торговли» за 1832 г.: «У нас,—пишет автор,—мастеровые на фабриках и заводах бывают трех родов: 1) либо крепостные, 2) либо приписные и купленные к фабрикам; 3) либо вольнонаемные. Каждый из сих трех разделов имеет свои подразделения: мастеровые крепостные — 1) либо работают на фабриках и заводах своих помещиков; 2) либо сами нанимаются на чужие фабрики; вольнонаемные мастеровые бывают: 1) либо из крепостных помещичьих людей; 2) либо из наемных крестьян; 3) либо из людей свободного состояния; 4) либо, наконец, из иностранцев»[2].

Указанные группы работающих мы находим и в промышленных предприятиях Мордовии XVIII — XIX вв. Конечно, эти люди не были фабричными рабочими в точном значении этого термина, это были по преимуществу зависимые от помещиков крестьяне со всеми «родимыми пятнами» крепостнических отношений.

Рассмотрение положения указанных категорий рабочих мы начинаем с приписных к казенным, преимущественно поташным заводам. Эти «работные люди» составляли и наиболее численную и всего ранее появившуюся у нас группу рабочих.

I. ПРИПИСНЫЕ РАБОЧИЕ.

Поташное производство является древнейшим промыслом Мордовии, и казенное предпринимательство в этой области восходит ко второй половине XVII в. К началу XVIII в. поташный промысел, по свидетельству Ив. Кирилова[3], охватывал обширную территорию семи тогдашних уездов—Нижегородского, Арзамасского, Саранского, Кадомского, Шацкого, Верхне и Нижне-Ломовского. Для обслуживания этой промышленности правительством было приписано к поташным заводам ясачное население трех волостей Саранского и Нижегородского уездов с общим количеством до 17 тысяч человек мужского пола[1]. Позднее, к 30-м годам того же столетия, в связи с расширением поташного производства, в ведомство Починковской конторы[2] еще было передано, по преимуществу из мордвы Саранского, Краснослободского и Инсарского уездов, до 10 тысяч душ м. п. К моменту «генералитетской переписи» 1735—1736 гг. общее число приписного населения составляло 20709 человек м. п.[3]. В этой массе приписного крестьянства мы должны отличать: во 1-х, «работных людей», занятых непосредственно на заводах, и, во 2-х, собственно приписное «для дела поташа» население.

Общее количество работавших на поташных заводах, включая и обслуживающий персонал, проф. Любомиров[4] исчисляет для начала XVIII в. (по 30 станам) в 520 чел., т. е. в среднем 17—18 чел. на завод; производственный же штат завода был еще более ограничен и не превышал 8—9 человек, что объяснялось простотою технологического процесса и размерами самих заводов. Профессиональные занятия большинства работающих показаны в «счетных списках»: так, поливачи, бывшие руководителями всего будного дела на заводах, «поливают поташ», а в зимнее и летнее время ведают приемкой золы и дров («клёпки») от приписного населения; будники отвечали за приготовление нужного для производства сырья; корытники — «в зимнее время рубят клёпочные дрова, а в летнее время работают на гарту—возят на себе из крынь в колоду золу и делают щелоки»[5] и т. п.

Несмотря на простоту производства постоянно ощущался недостаток в квалифицированной рабочей силе вроде поливачей и будников. Институт подмастерьев («поддатней») был явно недостаточен. Печать подневольного труда лежала на всех и на всём. Только страх наказания мог поддерживать производство на определенном, все же очень низком уровне.

---

[1] Ленин, Сочинения, т. 1, изд. IV, стр. 280.
[2] Цитир. по работе Балабанова М.—Очерки по истории рабочего класса в России, ч. 1, стр. 76.
[3] Ц. А. МАССР, ф. 2, д. 65, лл. 198—200.

[1] Ц. А. МАССР, ф. 2, д. 65, лл. 198—200.
[2] с. Починки тогдашнего Саранского у.—ныне Горьковской области.
[3] Ц. А. МАССР, ф. 2, 36 лл. 116—118.
[4] Очерки по истории русской промышленности. 1947 г., стр. 188.
[5] Л. О. Ц. И. А, ф 7., д. 2. 18, л. 15; д. 10. 94, л. 129—130.

В мае 1730 г., получив от надзирателя Корсаковского и Сивильского гартов сводку о первых «ломках» (выходе) поташа, Починковская поташная контора обязала поливачей дать «сказки (объяснение) с подтверждением жестокого наказания и ссылки в галерную работу вечно» о причинах столь низкой выдачи поташа (менее 8-ми бочек от каждой ломки вместо требуемых по инструкции 9—11-ти бочек)[1].

За свою работу мастеровые получали заработную плату ввиде «денежного» и «хлебного» жалованья. Оно выдавалось, как тогда говорили, «за изделье», т. е. в соответствии с количеством заготовленной продукции: так, поливачи должны были выдать к концу производства 120 бочек поташа, — «и буде указанного числа не сделают, — читаем мы в «счетных списках»,—велено вычитать по 6 алтын по 4 деньги за бочку»;—то же и в отношении бочкарей—«буде 120-ти бочек работы своей не выдадут, велено за каждую бочку вычитать по 10 денег»[2] и т. д.

Данные о размерах годовых денежных окладов рабочих починковских заводов, сравнительно с арзамасскими, мы приводим ниже:

Категории рабочих	Наименование заводов		
	Арзамасские[3]	Починковские	
	Конец XVII века.	Конец XVII в.—начало XVIII в[4].	30—40 г. г. XVIII в[5].
Поливачи	13 руб. 39 коп	14 руб. 58 коп	20 руб. —
Бочкари	6 „ 19 „	5 „ 73 „	6 „ — „
Колесники	6 „ 14 „	6 „ — „	6 „ — „
Кузнецы	6 „ 50 „	6 „ 66½ „	6 „ — „
Подручные: поливачей	н. с.	3 „ — „	3 „ — „
Подручные: кузнецов	н. с.	3 „ — „	3 „ — „
Будники	5 „ 50 „	5 „ 90½ „	6 „ — „
Конюхи	н. с.	2 „ — „	3 „ — „
Корытники	н. с.	2 „ — „	3 „ — „
Возчики	2 „ 40 „	3 „ — „	3 „ — „

[1] Л. О. Ц. И. А., ф. 7, д. 4. 46, л. 29.

[2] Л. О. Ц. И. А., ф. 7, д. 161, л. 363.

[3] По данным проф. Ясинского. Сб-к студ. Киевского университета, вып. № 7. К. 1915. стр. 72.

[4] Симсон, Поташное дело в Московском государстве на пороге XVIII в. С. П. Б. 1913.

[5] Л. О. Ц. И. А., ф. 7, д. 2, 18, л. 15, д. 327, л. 15—19; д. 161 лл. 363—368.

Из этой таблицы ясно видно, что номинальная заработная плата, существовавшая на заводах в 30-х и позднейших гг. XVII в., для большинства работающих, за исключением разве будников, существенно не изменилась вплоть до половины XVIII в.: бочкари, возчики, кузнецы, будники получали на починковских заводах ту же плату, что и их собратья на арзамасских заводах более 50-ти лет назад.

Между тем стоимость основных продуктов питания за это время поднялась на местных рынках в два-четыре раза[1]. Починковская поташная контора в своем донесении от 5/IX—1749 г. на имя Коммерц-коллегии совершенно ясно указывала, что «такого жалованья тем работникам едва ли довольно будет на один платеж казенных податей».—«А пропитание, как оные, так и жены и дети их, особливо же малолетние, оставшие дома, какое будут иметь,—спрашивала контора,—понеже при своей домашней работе вышеписанные работники во весь год не будут, а должны быть безотлучно при гартах?»[2]. Этого ущерба, вызванного постоянной отлучкой от семьи основных работников, не могла компенсировать и выдача им дополнительно к денежному окладу еще «хлебного жалованья». Последнее выдавалось[3] в таких пропорциях:

I. поливачам. бочкарям.	ржи 10 четвертей, овса 3 четверти с осьминой.	II. возчикам. конюхам.	ржи—5 четвертей овса 2 четв. без полуосьмины,
колесникам кузнецам будникам	соли 3 пуда.	подручным: поливачей кузнецов. корытникам	соли 2 пуда.

При этом нельзя забывать, что хозяйство работавших на заводах оставалось не только без работника, но нередко лишалось и тяглой силы, которая была занята вывозкой золы или клёпки, доставкой поташа к Вологде и т. п. Поэтому утверждение одного из правителей поташной конторы А. Давыдова,

[1] Цена четверти ржаной муки на рынках Арзамаса, Саранска, Починок поднялась за указанный период с 5 алт. до 60—70 коп.,—крупы—с 8 алт. до 60 коп., Савва В.-Арзамасские и Барминское будные станы. Чтение в О. И. Д. Р. кн. 3(226), стр. 25—26 Ц. А. МАССР, ф. 2, д. 13, л. 413 и след.

[2] Л. О. Ц. И. А., ф. 7, д. 161. лл. 163—168.

[3] Там же, д. 2. 28, л. 15—16, д. 3. 27. л. 15; д. 161, лл. 163—168.

что рабочие заводов были «весьма довольны»[1] своей судьбой звучит подлинной насмешкой над их положением. Сама личность работающих, при той общей атмосфере бесправия, которая их окружала, подвергалась постоянно всякого рода унижениям и насилию со стороны начальников производства, начиная с гартовых надзирателей и кончая бригадирами поташной конторы. В этом затерявшемся среди лесных дебрей и болот «темном царстве» вся администрация чувствовала себя на положении «царьков» и распоряжалась рабочими, по выражению одного из правителей поташной конторы А. Чикина, «как помещики своими крепостными крестьянами»[2]. В своем донесении поташной конторе (от 22/V-1734 г.) надзиратель Ново-Сивильского и Корсаковского заводов Ф. Яковлев сообщал, что присланный конторой с ревизорскими целями надзиратель Дм. Городничий «бил будников батожьем и палкою, а на Корсаковском (гарте) бил поливца батожьем, а сверх того в проводку кнутом (!) ...; стариков, которые ломку ломали, бил вместо кнута батожьем»[3]. Конечно, все эти—кнуты и «батожья» в первую очередь доставались на долю поливачей, отвечавших, наравне с прикомандированными к ним по выбору населения целовальниками, как за качество принятой ими золы, так и за ход производства в целом. В случае «напрасной траты» золы и клёпки им угрожала, согласно указам поташной конторы, материальная и личная ответственность: «а чего в платеж пожитков недостанет,—гласил указ конторы от 26/IV—1733 г.,—и за то сосланы будут в галерную работу вечно с наказанием»[4]. Рабочие гартовые считались «навечно» закрепленными за тем или иным гартом: даже старость не избавляла мастерового от каторжного труда на заводе. Находившийся в течение 50-ти лет в бочарной работе на Матвеевском Майдане (Шацкой группы) рабочий Ив. Максимов жаловался (в июне 1736 г.) на надзирателя Пичкиряевского гарта В. Крылова, что тот «посылает его в корытники и ломать поташные ломки и на прочие работы», и просил поташную контору «за всеконечной старостью и болезнями» от работы освободить. Произведя расследование и установив, что просителю в момент подачи жалобы исполнилось уже 78 лет (!), поташная контора определила Ив. Максимова от корытницкой работы освободить и использовать, наравне с такими же старыми будниками, на ломке поташа[1]. Таково было положение гартовых рабочих.

[1] Л. О. Ц. И. А., ф. 7, д. 161, л. 363—368.
[2] Ц. А. МАССР, ф. 2, д. 60, л. 188.
[3] Л. О. Ц. И. А., ф. 7, д. 2. 18, л. 15—19.
[4] Там же, д. 7. 64, л. 32—33.

Другую группу среди приписанного населения составляли те, кто нес на себе всю тяжесть работы по заготовке необходимых для производства поташа «припасов»—золы и «клёпки». Эти «припасы» приписное население обязано было поставлять на заводы частью в порядке отработки лежавшего на нем подушного налога, частью в порядке поставки по определенной от государства цене. В первом случае зола (и клёпка) называлась оброчной, во втором—бирковой. Соотношение между ними было, повидимому, не всюду одинаково: в 1736 г. приписное к Корсаковскому гарту население в количестве 536 душ м. п. должно было доставить оброчной золы 2144 четвертей и бирковой—3216[2], т. е. в среднем на душу (м. п.) по 4 четверти оброчной и по 6-ти четвертей бирковой; по другим гартам это соотношение было примерно такое же.

Зольное обложение устанавливалось, подобно подушному налогу, по количеству душ мужского пола, причем ни возраст, ни физическое состояние облагавшихся не играли никакой роли. Таким образом, полноценные в смысле физической силы работники (по более поздним данным от 15 до 55 лет) вынуждены были выполнять уроки не только за себя, но и за 2—3 и больше членов семьи—несовершеннолетних, «убылых», стариков и даже умерших в промежутках между ревизиями.

Как правило, зола и клёпка должны были заготовляться приписанным населением в «межпашенное время». Однако, интересы казны находились в конфликте с интересами приписного крестьянина к явному ущербу для мелкого производителя, остававшегося прежде всего землепашцем. Из волостей и деревень шел нескончаемый вопль: мордва Починковской волости жаловалась в 1735 г., что «принуждены они поголовно и в самую рабочую пору, оставляя свою пашню, оную работу (жечь золу—*Н. Р.*) исправлять и на гарт возить»[3]. То же подтверждал в 1739 г. б. протоколист поташного правления А. Чикин, указывавший в своем докладе Кабинету министров, что «от нерадивого смотрения прежних командиров... обыватели за

[1] Л. О. Ц. И. А., ф. 7, д. 10. 94, л. 130—131.
[2] Там же, д. 9. 89, л. 42—43.
[3] Цитир. по нашей работе — «Починковские поташные заводы». — «Записки» № 6, стр. 58.

великими неудобствами выжигают золу в пашенное время, отчего им приходит великая тягость»[1]. «Великие неудобства» и «тягость» усугублялись еще крайне произвольными расчетами поташной конторы при установлении зольного обложения. Тот же Чикин в 1743 г. показывал во время следствия на главного бригадира Жилина, что он «взыскивал (с населения) и сверх надлежащего числа, и на иных с немалым уменьшением, а на других и подлежащего числа взыскивать не велел, и вместо того на некоторых и больше и меньше взыскивал»[2]. При такой «системе» распределения уроков не принимались в расчет изменения, происшедшие в хозяйственном положении самих тяглецов: с. Ново-Шишкеевская слобода, насчитывавшая 17 жилых и 72 запустевших двора и накопившая в силу этого зольную недоимку в количестве 200 четвертей, должна была тем не менее доставить вместе с недоимкой на Ст.-Сивиньский гарт 400 четв. золы. «А оного села Н.-Шишкеевской слободы крестьяне,—доносил поташной конторе смотритель означенного гарта Афанасьев,—у принуждения всегда объявляют, что им показанного числа золы выставить никакими мерами невозможно для того, что их самое малое число и к тому же оскудели и обезлюдели»[3].

Произвол и насилия при взыскании золы дополнялись таким же произволом при приеме золы со стороны гартовых надзирателей. Мордва Починковской волости в своем челобитье (1735 г.) нарисовала жуткую картину тех издевательств, которым она подвергалась на заводах от приемщиков золы: «привозимую золу,—писала мордва, приемщики у многих не принимают[4], а которую примут, высыпают в овраг, а вместо того вторично принуждены выжигать по четыре четверти с души; которую в овраг высыпают, ту собрав им же продают за две гривны за четверть»[5]. От гартовых надзирателей не отставала и вся администрация поташной конторы, для которой приписная мордва была «простым и несмысленным, а паче не-

[1] Ц. А. МАССР, ф. 2, д. 60, л. 58.
[2] Там же.,
[3] Л. О. Ц. И. А., ф. 7, д. 126, л. 104—105.
[4] При приемке золы производилась проба последней: в раствор из одной части золы и двух частей воды опускался камень («бурштук»-янтарь); если он всплывал на поверхность, то зола считалась «доброй» и принималась. На этой почве возникало много недоразумений.
[5] «Записки» № 6, стр. 59.

знающим прав гражданских народов»[1]. Пользуясь «беззаступностью» мордвы, о чем писал еще Посошков в своей «Книге о скудости и богатстве», чиновники поташной конторы открыто и под шумок грабили приписное население, брали с него взятки деньгами, медом, лисицами и просто съестными припасами.

Начавшееся в 1743 году по предписанию Коммерц-коллегии следствие над правителем поташной конторы А. Чикиным вскрыло чудовищную картину взяточничества и самого грубого насилия над приписными. Земские старосты Вадской волости Ал. Семенов и Ив. Будников в поданной следователю Красовскому жалобе не смогли даже перечислить всех случаев бесконечных вымогательств Чикина и его шайки: «Мы объявляем на него,—писали они,—на жену его и детей и на племянника следующие убытки: 1) у меня именованного А. Семенова взял мирских денег он, Чикин, за уменьшение отвоза к Вологде поташа 50 р.; 2) по делу земляному Арзамасского спасского монастыря, которую землю он, Чикин, хотел неправильным рассмотрением отняв отдать этому монастырю, взял нападками 5 руб. и пять пудов меду; 3) в 1742 году наложил он, Чикин, на нас, вадских крестьян, поставкою на гарт клёпки 130 сажен, и чтоб ту поставку уменьшить взял с нас 10 руб., только ту поставку не уменьшил, и клёпку постановили сполна; 4) жене ево и сыну, когда они в том 1742 году, ехав из Арзамасу, были в Вадской волости, а именно, жене 10 руб., сыну 14 руб. да (на) лошадь, которая пришла ево лошади в пару, дали миром 8 руб... да в Починках, быв с мирскими делами, ей же—жене Чикина—8 р., сыну 6 р. 50 к...»—«А иных взяток,—писали в конце своей жалобы старосты,—мы за прошедшим временем и не упомнили, ибо носили в разные времена харчами и деньгами и мелочью»[2].

Как указали мы выше, все работы по заготовке сырья производились населением в зачет лежавшего на нем подушного оклада. Расценки труда приписных определялись «плакатом» (расписанием) от 13/I—1724 г.[3], представлявшим первую попытку государственного регулирования заработной платы рабочих на вспомогательных работах. Поскольку припиской к

[1] Из доклада протоколиста поташной конторы А. Андреева следователю Коммерц-коллегии Красовскому.— Ц. А. МАССР, ф. 2, д. 60. л. 293.
[2] Л. О. Ц. И. А., ф. 7, д. 273, л. 48.
[3] Согласно «плакату» работникам выплачивалось: летом—конному 10 коп. в день, пешему—5 коп.; зимой—6 коп. конному и 4 коп. пешему.

заводам правительство преследовало задачу обеспечить заводы постоянной и дешевой рабочей силой, то установленные плакатом ставки вообще были низкими. Приводим составленную нами по архивным данным табель расценок на разного рода работы, выполнявшиеся приписными крестьянами:

Виды работ	Расценки труда
1. Работа пешего	2 коп. в день—летом и зимою.
2 Работа конного	5 „ „ „ „
3. Заготовка оброчной золы	10 коп. за четверть.
4. Ломка поташа из котлов	2 коп. в день.
5. Перевеска поташа	2 „ „
6. Заготовка дубовой клёпки	40 коп. за сажень.
7. „ липовой клёпки	30 „ „
8. Вывозка клёпки	10 денег за сажень.
9. Заготовка и вывозка зольных колод	20 алт. за колоду.
10. Укос сена	2 деньги за копну.
11. Перевозка поташа (до Вологды) и т. д.	1 деньга с пудо-версты[1]

Общее заключение по этим расценкам сделала сама поташная контора. В своем доношении Коммерц-коллегии (от 5/X—1749 г.) она констатировала: 1) факт заниженных, по сравнению с плакатом 1724 г., оплат пешему и конному—2—5 коп., вместо 5—10 коп. летом и 4—6 коп. зимой; 2) недопустимо низкую оплату за поставку оброчной золы, при наличии «неуказных больших мер». «За золу,—подчеркивала поташная контора,—тем обывателям надлежит производить не по прежней цене, но с преимуществом (надбавкой), а именно, по 20 коп. за четверть для того, что ныне леса от гартов отдалились[2] да и то весьма редки и ту золу принимать не в прежние неуказные большие меры, но малой против указанной со излишеством». «А за прочие работы при поташном деле,—подчеркивала контора,—надлежит зачёт или дачю производить по силе плакату, а не попрежнему, как это доныне в летнее и зимнее времена производилось—пешему по 2 коп., конному по 5 коп. на

[1] Л. О. Ц. И .А., ф. 7, д. 161, лл. 363—368, д. 9. 89, лл .408—412, дд. 2, 24. л. 15—16.

[2] В перечне приписанных к Рябкинскому гарту деревень показано, что лишь два селения Полянки и Синдрово добывали золу «при гарту», прочие же—Ильинское, Говорово, Сучкино—за 40—80 верст от завода. Л. О. Ц. И. А., ф. 7, д. 9, 89, л. 291.

день»[1]. Находясь под двойным прессом (непомерно тяжелых условий работы по заготовке сырья и чрезвычайно низкой оплаты труда), хозяйство приписного крестьянства, естественно, приходило в упадок. Это сказывалось прежде всего в появлении «запустелых дворов» и в убыли приписного населения. Уже «генералитетская перепись» 1735—1736 гг. засвидетельствовала значительное уменьшение населения, достигавшее в Починковской волости 51,9%, в Саранском у.—73,3%[2]; по отдельным деревням процент «убылых» дворов был еще выше: так, например, из числа приписных к Корсаковскому гарту (Саранской гр.) селений запустело дворов (в %) в д. д. В.-Шугурово—78,6%, Н.-Тавла—81,1, Давыдово—94,5, Кочелаево—95,2%[3]. Убыль населения в столь огромном масштабе, естественно, отражалась на состоянии расчётов по зольному, а также подушному обложению, создавая недоимку. Последняя вызывала применение к неплательщикам правежа в столь широких размерах, что Коммерц-коллегия сочла нужным донести об этом Сенату: «А в летнее время,—писала она,—(обыватели) бывают на работах при поташном деле, а жен и детей их вследствие неплатежа подушных денег держат под караулом без выпуска, бьют на правеже батожьем, а в зимнее время держат их, заклепав в колодках, человек по 100 и более в студеных амбарах»[4].

Положение приписного населения внушало серьезную тревогу: разрозненные, отдельные проявления недовольства в среде приписного населения в середине 50-х гг. XVIII в. приняли форму почти всеобщего «непослушания» правительству. Вставал вопрос о дальнейшем ведении поташного промысла. Коммерц-коллегия не нашла ничего другого, как извлечь из-под спуда залежавшийся еще с 40-х гг. в дебрях канцелярий проект в двух вариантах: по первому варианту предполагалось производство поташа производить силами «казенных разного звания людей, давая им соответствующую плату»,—по второму—вольнонаемным трудом, который к этому времени все более укреплял свои позиции в промышленности. Поташная контора, на рассмотрение которой был представлен этот проект, забраковала его в целом.

С цифрами в руках она доказала, что «надлежит впредь

[1] Л. О. Ц. И. А., ф. 7, д. 161, лл. 363—368.

[2] Ц. А. МАССР, ф. 2, 36. лл. 116—118. Подсчет наш.

[3] Л. О. Ц. И. А., ф. 7. д. 9. 89, лл. 44—45. Подсчет наш.

[4] Цитир. по работе Ясинского И. «Нижегородские будные станы.—Сб-к студ. киевск. этногр. кружка. вып. VII. 1915 г., стр. 80.

тот поташ делать так, как доныне делали,—волостными и новоприписными и майданскими обывателями»[1]. Коммерц-коллегия отклонила этот проект поташной конторы. В свою очередь правительство предпочло ликвидировать приписку к поташным заводам: оно стало на путь частного предпринимательства, дозволив «всем и каждому заводить всякого рода станы и производить на них всевозможные рукоделия»[2].

II. РАБОЧИЕ ПОСЕССИОННЫХ МАНУФАКТУР.

Всего ближе к разобранной нами категории рабочих подходят рабочие т. н. посессионной мануфактуры, сложившейся в течение XVIII в., по преимуществу в чугунолитейной и железоделательной промышленности. Кадры этой промышленности в основном образовались из двух групп: 1) из купленных фабрикантами не дворянского происхождения к своим заводам крестьян на основе указа от 18/I—1721 г. и последующих указов и 2) из приписных в порядке т. н. «очистки русского общества», начавшейся еще в XVII в. Сущность «очистки», говоря словами проф. Ключевского, состояла в том, что «люди низших классов, не избравшие себе определенного образа жизни, не принадлежавшие к основным классам общества, должны были найти себе господина, записаться в подушный оклад за частными лицами или учреждениями. В противном случае, когда они не находили такого лица или учреждения, их приписывали простым полицейским распоряжением»[3]. Так попали в крепостное состояние незаконнорожденные, вольноотпущенные, не помнящие родства, сироты, приемыши, заштатные церковники, солдатские дети передававшиеся по грамотам частным заводчикам.

При этой передаче совершилось немало насилий: закон санкционировал эти насилия, запретив всем приписанным доказывать судебным порядком незаконность их приписки.

Наконец, в эту же категорию рабочих попадали и те, кто по тем или иным основаниям добровольно находил себе «господина» в лице частного владельца и за ним записывался,—факт весьма редкий, зарегистрированный нашими источниками по Рябкинскому заводу в отношении целой группы «иноземцев» (в количестве 57 чел.)[4].

[1] Л. О. Ц. И. А., ф. 7, д. 161, л. 363—368.
[2] Лященко П., История народного хозяйства СССР, т. 1, 1947, стр. 419.
[3] Ключевский, Курс русской истории, ч. V, стр. 81.
[4] Пензенский облархив, ф. 5, д. 23—36. лл. 153—155.

Не претендуя на исчерпывающую полноту собранных нами данных, мы можем представить количество посессионных рабочих на промышленных предприятиях Мордовии в течение XVIII—XIX вв. следующей таблицей:

Время составления данных	Наименование предприятий: Инсарский чугунолитейный завод.	Рябкинский чугунолитейный завод	Сивинский железоделательный з-д	Авторский чугунолитейный з-д	Приклонский купоросный завод	Ширингушская полот. (сукон.) ф-ка	Краснослободский купорос. з-д	Краснослободская шляпная ф-ка	Краснослободский стеклян. завод	Краснослободская красочная ф-ка	Краснослободская полотняная ф-ка	Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
1760—1775 г. .	106м.п. душ	187	382		—	55	—	45	45	50	50	920
1815	138	327	198	225	371	155	11	—	—	—	—	1425
1851	закрылся в 1837 г.	350	195	268	392	324	7	—	—	—	—	1536

Несмотря на то, что некоторые источники XIII в. («Экономические примечания») сближают рабочих указанных выше предприятий (с ограниченным правом владения) с крепостными, но ни купленные, ни «приписные по указам» формально такими не были. Сами рабочие считали себя лишь «приписанными для работы, но отнюдь не крепостными». Когда в 1804 г. в Инсарском уездном суде разбиралось дело о неповиновении рабочих инсарского завода, то мастеровые в своем заявлении суду со всей решительностью подчеркивали, что „приписаны ко оному (заводу—*Н. Р.*) единственно только для литейной работы, следующей по тому заводу, а не (состоят—*Н. Р.*) на барщине"[1].

Отличительные особенности в положении посессионных рабочих были следующие: рабочие были «крепки» не владельцу, а предприятию; они не могли отдельно продаваться от завода и составляли с ним одно целое; посессор не вправе был употреблять мастеровых в иные работы, кроме фабричных. В случае притеснений и жестокого обращения рабо-

[1] ЦА МАССР, ф. 22, д. 17-а, лл. 256—257.

чие могли жаловаться на заводчика; посессионных нельзя было отдавать в рекруты вместо крепостных. Наконец, девушки и вдовы мастеровых пользовались правом выходить замуж за посторонних без разрешения фабрикантов.

Конечно, все эти преимущества посессионных рабочих стирались вследствие господства крепостнических отношений, нивеллировавших все существовавшие между отдельными группами рабочих правовые различия в их положении.

Уже в «указах о владении», выдававшихся Мануфактур-коллегией посессорам, подчеркивалось, что рабочие отдаются им «в вечное и потомственное владение, и людям быть в полном владении и беспрекословном послушании содержателя». Указом от 7/I—1736 г. заводчикам было предоставлено право подвергать мастеровых, «которые явятся невоздержаны и ни к какому учению неприлежны..., довольным домашним наказаниям...»[1]. Именно в силу этих крепостнических тенденций «указная» (посессионная) мануфактура, по выражению Т.-Барановского, «приняла характер рабочего дома, в котором порядок поддерживался суровой дисциплиной, а поощрением к труду служили тяжелые наказания»[2]. Так именно смотрел на свои «объединенные» промышленные предприятия (железный завод, парусная фабрика) владелец инсарского завода А. Никонов. «Издавна, за покойных братьев и племянников смею утверждать,—говорил он членам инсарского уездного суда в мае 1806 г.,— что во всем их семействе непременным правилом всегда было исправлять их (рабочих—*Н. Р.*) журбою и страхом обещиваемого наказания, а когда эта мера не действовала, тогда уже, правда, что в очередь управления его были наказываемы во исправление за разные шалости, как-то: ссоры, драки, пьянство и прочие тому подобные продерзости (!), смотря по содеянности, иного посажением на цепь, а за большие проказы—палками и розгами»[3]. Нет нужды доказывать, что при наличии тех прерогатив, какими располагали по отношению к своим «белым» рабам помещики—заводовладельцы, последние не столько действовали «журбой», сколько «страхом обещиваемого наказания» и самой экзекуцией. Если на заводе Никонова царивший там произвол стремились завуалировать всякими доморощенными «теорийками» о воспитании мастеровых, то на

[1] Пажитнов К. А., Цитир. соч., стр. 207.
[2] Русская фабрика, стр. 25.
[3] ЦА МАССР, ф. 22, д. 37, лл. 266—279.

Рябкинском, в начале 30-х гг. XIX в. перешедшем в руки известного уральского заводчика и золотопромышленника Ярцева, все отношения к мастеровым строились на «субординации» и голом произволе.—«Посылаем мы от всего миру и всего общества, с Рябкинского чугуно-плавительного завода,—писали в 1837 г. своему хозяину обобранные и забитые нуждой мастеровые, — на своего управителя Артемия Ивановича (Лебедева—*Н. Р.*), которого ты нам присылал из Сибиру,—на летучего или свирепого зверя, на смертоубийца и теранта (!) и душегуба. Угубил у беременных жен двух младенцев... Из мастеровых и старого и малого и среднего полу весьма смертельно из своих рук бьет, что в руках имеет,—бадиком или, просто сказать, палкою; за бороду терзает со своей пышности».—«Повелит взять,—читаем мы далее в этом потрясающем по своей жизненной правде документе, — в тайное место, называемое конторой, и бьет несчетными ударами и кого как попало—кого среди дня, кого к вечеру и в полнощь. Падем пред ним на колени и начнем у него милости просить: «Господин наш, Артемий Иванович, за что нас мучишь? Суди нас по закону и веди над нами порядок»,—затопчет ногами, руками замашет: «Бей в мою голову!»—говорит.—«Просим мы тебя от всего нашего сердца и со слезами,—заканчивается это письмо,—не доводи нас до суда, потому что ты можешь сам собою установить порядок на Рябкинском нашем и вашем заводе»[1].

Эта трогательная по своей наивности вера, что «барин нас рассудит»,—свидетельство глубочайшей забитости и классовой его ограниченности, вытекавшей из самого положения рабочего в феодально-крепостническом обществе, с его средневековыми формами эксплоатации, не уступающими новейшим индустриальным,... но прибавляющим к этой эксплоатации страшные трудности борьбы за освобождение. Что этот палочный режим, установившийся на Рябкинском заводе, не связывался с отдельной личностью и был целой системой, об этом свидетельствует «именная роспись штрафованных» (за 1824—1827 гг.), составленная на том же заводе за время владельца Шапкина. В течение указанного срока на заводе подвергалось наказанию 107 мастеровых, из них: 1) оштрафовано «денежной пеней»—48 чел., 2) наказано

[1] ЦА МАССР, ф. 24, д. 407, л. 1—2.

«полицейским исправлением и денежной пеней» — 29 чел., 3) «по воле заводчика» наказано прутьями — 30 чел.

Таким образом, если объединить наказанных второй и третьей групп, то количество подвергавшихся экзекуции составит более 57%[1]. Конечно, помимо перечисленных нами видов расправы, существовали и другие: шкала наказаний часто варьировалась в зависимости от садических наклонностей самих исполнителей, поощрявшихся бесправным положением рабочей массы: когда зимою 1824 года на Рябкинском заводе из заводской квартиры владельца Шапкина неизвестными лицами была совершена кража разного имущества, то прикомандированный от Горного правления чиновник Вихляев при розыске виновных далеко вышел за границы дозволенных указом «домашних наказаний». Согласно показаниям рабочих он вынуждал у них сознание, избивая их поленьями и ударами тыльной стороны сабли, сажая их прикованных цепями к «стулу» в одних рубахах в зимнюю стужу в холодный амбар. Эти истязания, производившиеся почти ежедневно на протяжении 12-ти дней (с 30/I-по 10/II—1824 г.), «легко могли,—как записано в протоколе Краснослободского уездного суда,—заставить их (рабочих) и в невинности признаться» в краже[2].

Будучи одновременно помещиком и заводчиком, распоряжаясь почти бесконтрольно временем, трудом и личностью подневольных крестьян, «компанейщики» широко использовали все возможности для усиления эксплоатации своих рабочих. В основе этой эксплоатации, в силу феодального характера собственности, лежало не превращение рабочей силы в товар, а юридическое её закрепощение, т. е. иначе говоря, внеэкономическое принуждение, что придавало своеобразный характер методам выкачивания феодального прибавочного труда. Сюда прежде всего относятся: 1) присвоение под различными формами дарового труда рабочих; 2) использование рабочих на посторонних, не связанных с заводом и производством работах. Рабочие Авгорского завода в своем заявлении чиновнику особых поручений Островидову указывали, что они, под нажимом заводской администрации, провели дорогу до Сивиньского лесу на протяжении 5 верст, работая бесплатно два лета. Заводская контора подтвердила, что «дорога... в 1848 г. действительно была проведена и может быть(!) мастеровыми, но на ней работали в свободное время и подносилось за то вино в виде т. н. помочи и делались различные угощения»[1]. На том же заводе в течение долгого времени, сокрытого под крайне неопределенным выражением,—«в прежние времена», заготовка дров для просушки литейных форм производилась самими же рабочими без всякой оплаты[2].

[1] Ц. А. МАССР, ф. 24, д. 16, л. л. 44—47.
[2] Там же, д. 151, л. 24—25.

На Инсарском и Рябкинском заводах администрация систематически привлекала бесплатно жен и дочерей рабочих, занятых на парусных фабриках, к уборке сена и огородов заводских под тем предлогом, что указанные виды работ в силу ограниченности во времени не могут даже почитаться работами. На ту же точку зрения стал и уездный суд (инсарский), куда поступили жалобы рабочих по всем этим вопросам. Так же безрезультатно заканчивались многочисленные попытки рабочих бороться против практики приватных, т. е. не связанных непосредственно с заводом работ: чаще всего рабочие переводились в данном случае на положение дворовых людей, обслуживающих личные нужды заводчика и его семьи или весьма отдаленные от производства потребности предприятия.

Местные суды, находившиеся на откупу у толстосумов-заводчиков, либо не «замечали» подобных фактов, либо прикрывали их, создавая для этого фиктивные основания вроде тех, о которых мы говорили выше по делу инсарского заводчика Никонова. Нет поэтому ничего удивительного, что именно на заводе Никонова мы находим массовые использования рабочих на т. н. «домашние услуги». Так, согласно показаниям самого заводчика, рабочий Василий Иванов имел «мастерство фершельское», а Алексей и Трифон Кузьмины — поварское, причем первый из них насчитывал достаточный стаж «домашней работы», подвизаясь то в качестве дядьки-воспитателя у брата А. Никонова—Сергея Никонова, то в качестве брадобрея, откуда попал, наконец, на должность фельдшера. Леонтий Назаров, подобно В. Иванову, приобрел «по воле заводчика» немало специальностей: «с малолетства был обучен цырульному искусству, как-то—отводить кровь, ставить пиявицы, перевязывать раны, брить и тому подобное...»[3] и т. д.

Факты, собранные по этому вопросу советником Берг-конторы Брикиным, настолько оказались многочисленными, что

[1] ЦА МАССР, ф. 24, д. 772, ч. II, л. 147 и след.
[2] Там же, л. 73.
[3] ЦА МАССР, ф. 22, д. 37, л. л. 266 и след.

дело пришлось передать инсарскому уездному суду. Последний быстро нашел нужное ему решение: указав, что случаи использования Никоновым «в партикулярное его услужение мастеровых в самом существе своем были не что иное как рассертировка (!) на общественную заводскую и их самих (рабочих) работу», суд не увидел в этих действиях заводчика ничего криминального и освободил его от всякой ответственности по законам[1].

Такой же финал, но весьма драматический для истца, получило дело по жалобе работницы Краснослободского минерального завода Агафьи Андреевой.

В 1841 году мать Андреевой—«из мастеровых вдова» П. Ульянова подала от имени трех своих дочерей, принадлежавших на посессионном праве владелице завода М. Муромцевой, жалобу в Горное правление, обвиняя свою госпожу в том, что она в течение долгого времени удерживает при себе «для домашних потребностей» трех её дочерей, в том числе и самоё А. Андрееву. Свидетели, рабочие того же завода, подтвердили факт «партикулярного» услужения детей Ульяновой у заводчицы.

Выгораживая себя, Муромцева выдвинула против Андреевой гнусную клевету, будто бы та похитила у неё значительную сумму денег. Приправив это измышление ссылкой на «развратное» поведение Андреевой, Муромцева просила суд удалить ее на поселение в Сибирь, что и было им исполнено с поспешной угодливостью[2]. Так нередко обращались против самих же рабочих их попытки отстаивать свои «права» от посягательства помещиков, стремившихся всеми мерами усилить эксплоатацию зависимых от них рабочих. Чаще всего эта эксплоатация закрепленных за фабрикой рабочих производилась в завуалированной форме под видом разного рода вычетов и штрафов, ставших в XIX веке подлинным бичом рабочей массы.

Суммируя все поступившие от рабочих Авгорского завода жалобы по этому предмету, чиновник особых поручений Островидов в своем отношении (от 19/VIII—1858 г.) на имя заводской конторы писал: «мастеровыми завода обнаружены следующие жалобы: по приказанию прежнего владельца Николая Манухина жители д. Авгор провели дорогу до Сивиньского леса... По найму заводской конторы на этой дороге сторонними

[1] ЦА МАССР, д. 39, по журналу № 1098.
[2] ЦА МАССР, ф. 24, д. 378, лл. 45 и след.

крестьянами построен мост, за который был сделан с мастеровых вычет до 150 руб. асс. Кроме этого один год... был вычет по 1 руб. сер. на сирот, но эти деньги никому не выдавались и, куда поступили, неизвестно». — «Мастеровые рассчитывают,— подчеркивал Островидов, — что во все время владения заводом Манухиными, в течение 44-х лет, с них взыскано до 70 тыс. (серео —*Н. Р.*) и забраковано литья, которое продавалось одинаково с незабракованным, до 200 тыс. пудов»[1].

Из показания рабочих завода видно, что эта хитрая «механика», о которой рабочие рассказали Островидову, могла дать в карман владельца не малый доход. А. Манухин, сын умершего владельца Николая Манухина, вступивший в 1858 г. во владение заводами, пытался свести дело с вычетами к... «заботливости» о нуждах работающих: всем ведь известно, писал он, что мастеровые, «люди невежественные...», «обращаются во всех пороках» и легко могут «неразумно» истратить получаемые ими в виде зарплаты деньги; удержанные с них суммы хранятся в заводе, и при первом требовании рабочих эти деньги могут быть им возвращены. Конечно, все это происходило иначе, чем рассказывал А. Манухин. Не только на заводах Манухина, но и на соседних—мастеровым приходилось «выколачивать» с большим трудом удерживаемые с них деньги. На Рябкинском, например, заводе рабочие даже остерегались в одиночку являться по таким вопросам к управляющему Цитовичу, который обычно «удовлетворял из своих рук» приходящих, немилосердно избивая их в своем кабинете[2]. Поэтому, вполне естественно, что несмотря на столь «веские» доводы Манухина, Горное правление все же предложило ему, учитывая значение зарплаты в общем бюджете рабочего, «не производить у мастеровых и крестьян никаких вычетов и заработки их выдавать по заведенному порядку немедленно, не удерживая нисколько из оных в заводской конторе»[3].

Для посессионной мануфактуры на территории Мордовии типичным являлся, выражаясь словами Ленина, «уже не крестьянин, а не занимающийся земледелием «мастеровой»[4]. Достигалось это тем, что купленных к заводам крестьян перебрасывали из мест их хозяйства, где они имели свои земли,

[1] ЦА МАССР, ф. 24, д. 772, лл. 87 и след.
[2] ЦА МАССР, ф. 24, д. 66, л. 18.
[3] ЦА МАССР, ф. 24, д. 779, л. 90—108.
[4] Ленин, Сочин., т. 3 изд. IV, стр. 378.

к заводу, где их уже не наделяли землей. Так именно поступили братья Миляковы при организации завода Сивиньского, а позже Авгорского, рабочие которых, как подчеркивают наши документы, «никогда не занимались земледелием»[1].

Они были взяты из числа купленных заводчиками еще в 1726 г. крестьян д. Рус. Маскино и поселены в качестве «мастеровых» без наделения их пахотной землей при этих заводах. Только на купоросном заводе, в дачах д. Рус. Маскино, часть рабочих была обеспечена пахотными участками по 4 дес. на тягло[2]. Все остальные рабочие владели лишь небольшими приусадебными участками, огородами, конопляниками, сенокосами и в виде «особых способов к продовольствию себя и своих семейств» занимались разведением домашнего скота, гонкой летом дёгтя, собиранием в лесу ягод, орехов, а имеющие лошадей (на Рябкинском заводе)—поденными работами при заводах.

Вознаграждение за труд в феодально-крепостнический период производилось в форме как повременной (подённой, месячной, годовой), так и сдельной платы. Сдельная оплата являлась преимущественной формой оплаты труда. Подённая применялась преимущественно на вспомогательных работах и в виде исключения на Приклонском купоросном и Инсарском чугунолитейном заводах Никонова: последний еще в начале XIX в. выплачивал, согласно заявлению рабочих, «даже самым лучшим мастерам» по 12 коп. в день[3]. Таким образом, на заводах Никонова заработная плата в течение более чем 50-летнего периода оставалась на уровне петровской мануфактуры, где, по данным Заозерской Е., мастеровые из русских получили поденно не свыше 12 коп.[4]. Поденная ставка рабочих Приклонского завода равнялась 20 коп. асс. ($5^5/_7$ коп. сер.), каковое вознаграждение для половины XIX в. даже Горное правление, при всем своем благодушии к вопросам расценок рабочего труда, вынуждено было всё же признать низким и «недостаточным»[5]. В самом деле, месячный заработок этих рабочих, по справке заводской конторы, т. е. источника явно субъективного, в среднем не превышал 12—16 руб. асс. (несколько более 4 р. сер.)[6].

[1] ЦА МАССР, ф. 24, д. 772, л. 98; д. 14, л. 67—70.
[2] ЦА МАССР, д. 772, л. 99.
[3] Там же, ф. 22, д. 17-а, лл. 256—257.
[4] Мануфактура при Петре I, стр. 119.
[5] ЦА МАССР, ф. 24, д. 779, лл. 96—108.
[6] Там же, лл. 44—45.

В оправдание столь низких ставок заводская администрация ссылалась на то, что рабочие Приклонского завода имели дополнительный доход от земледелия, вследствие чего подённые расценки для них снижались по всем работам на 5 коп.[1]. В итоге приклонские рабочие, «обремененные, по их выражению, работою до крайности», все же «дошли до совершенного разорения»[2]. Однако, еще в более худшем положении по сравнению с ними оказались те мастеровые из д. Р.-Маскино, которые в количестве 250 душ были причислены для работы к Авгорскому и Сивиньскому заводам[3]. Дер. Р.-Маскино была расположена в 40 верстах от ближайшего Авгорского завода. Поскольку проход от деревни до завода по существовавшим в ту пору законоположениям не оплачивался, то рабочие вынуждены были жить на два дома, лишь изредка навещая свои семьи. По показаниям приходского священника д. Аракчеевой—Берингова, «крестьяне д. Р.-Маскиной, его прихожане, проживают постоянно для работы на Авгорском заводе, приходят же в дома свои только в урочное время[4] не более двух или трех раз, а некоторые даже и по одному разу (в год—*Н. Р.*)[5]. Когда в 1858 г. в связи с волнениями на Приклонском заводе поднят был вопрос об оплате за проходные дни, Горное правление в своем отношении Пензенскому губернскому правлению (от 19/III) специально подчеркнуло, что «ни на одном из заводов замосковного края не полагается платы за эти дни и самый закон не определяет оной», и поэтому оно «не находит с своей стороны возможность назначить плату за проходные дни для крестьян д. Р.-Маскиной»[6]. Ревизоры Горного правления в своем чиновничьем рвении высказались тогда же против этих «частовременных (!) отлучек» рабочих домой, видя в них прямой убыток для завода. Для рабочих эти отлучки (крайне редкие) были не только побывками. Рабочие отдыхали во время этих отлучек, так как, по их выражению, «положение содержащихся в тюремном замке—лучше положения тех, которые остаются на заводе»[7].

[1] ЦА МАССР, ф. 24. д. 779, лл. 44—45.
[2] Там же.
[3] К Авгорскому—196 душ. Сивиньскому—54 д.—ЦА МАССР. ф. 24, д. 14, лл. 167—178.
[4] Летом на один месяц, а также в воскресные и табельные дни, за исключением доменных рабочих.
[5] ЦА МАССР, ф. 24, д. 772, л. 168.
[6] Там же, лл. 96—108.
[7] Там же, л. 249.

Конечно, режим Манухинских заводов ничем не отличался от режимов, господствовавших на других железных заводах Ярцева, Силы Баташева, Никоновых: тот же тюремный распорядок «работного дома», те же средневековые формы угнетения рабочих.

Только Горное правление выделяло заводы Манухина, считая их «верхом благополучия»: в официальном своем представлении Пензенскому губернскому правлению по поводу общих распорядков на заводе и в частности по вопросам расценок оно с особым ударением подчеркивало, что «задельная плата по заводам наследников Манухина, если по некоторым сортам изделий и меньше оплаты, существующей на Рябкинском заводе, но зато в других сортах она более, чем на Рябкинском заводе»[1].

Горное правление приукрашивало положение на заводах Манухина: найденные нами сравнительные данные расценок по Авгорскому и Рябкинскому заводам (за период владения им Ярцева), относящиеся к концу 30-х гг. XIX в., убеждают нас, что нормы оплаты сдельных (и лишь отчасти поденных) работ на заводах Манухина в общем были ниже, чем у Ярцева[2]; если можно говорить о повышенных сравнительно с Рябкинским заводом расценках, то лишь в отношении горновых и доменных работ, где оплата у Манухина была выше, чем у Ярцева: так, подмастерью и рабочему у домны на Авгорском заводе выплачивалась недельная ставка в размере 5 руб. 50 коп. асс. против 2 руб. 20 коп. асс. на Рябкинском[3].

[1] ЦА МАССР, ф. 2, д. 772, лл. 96—108.

[2] Приводим некоторый относящийся к этому вопросу материал:

Наименование сортов отливки	Авгорский з-д		Рябкинский з-д	
	Оплата за штуку руб.	коп.	Оплата за штуку руб.	коп.
Котлы 8-ми пядные	—	15	—	20 1/4
„ 7-ми „	—	12	—	15 1/4
Чаши 10-ти „	—	18	—	20 1/4
„ 9-ти „	—	12	—	14
Горшки большие	—	13	—	20
„ 1-й руки	—	12	—	16
Вьюшки 2-й руки с прибором . .	—	16	—	22 1/2
„ 3-й руки	—	14	—	21 1/2
Молоты	—	3 (с пуд.)	—	4-5 (с пуда

Ц. А. МАССР, ф. 24, д. 22, лл. 52—57.

[3] Следует подчеркнуть, что такая заниженная ставка по Рябкинскому заводу была установлена в 1838 г. управляющим Лебедевым и вызвала в том же году выступление рабочих. ЦА МАССР, ф. 24, д. 13, лл. 6—10.

Что касается подённых расценок, то они мало чем отличались на всех указанных заводах. У Манухина делались лишь «поправки» на возраст (подростку до 13 лет—10 коп. асс., свыше 13-ти—15 коп.), на семейность (женатым на 15 коп. выше, чем холостым); на Рябкинском были такие «новшества», которых мы не видим у Манухина, а именно, особые расценки «для замеченных в лености» и «со способностью к работе»: в первом случае выплачивалось на 15 — 20 к. ас. ниже норматива, во втором — по 35 — 40 коп. ас. против 30 коп. ас.[1].

При подобных ставках, которые Пензенское губ. правление считало «весьма изрядными»,[2] рабочие могли заработать сдельно в месяц, беря максимально показанную ими ставку—80 коп. асс. в день,—не свыше 5 р. 50 к. сер. (при 4 р. 50 к.—минимальной ставки, которую для начала XVIII ст. приводит для посессионных мануфактур проф. Лященко)[3], а на подённых—и того меньше. В объявлении, поданном (6/IX—1858 г.) рабочими Авгорского завода чиновнику особых поручений Островидову, они в таких выразительных словах рассказали ему о своем действительно нищенском существовании: «Честь имеем объяснить,—писали они,—что у нас рабочему от г-на заводчика выдавалось в день пешему 30 коп. асс, а на серебро 8 1/4 коп., а из этого вычитается за дрова на просушку форм – *Н. Р.*) 2 р. 50 коп. асс. в месяц да за брак в литье. А за тем вычетом остается в месяц целковых полтора (серебром—*Н. Р.*), а из этой платы мы должны купить для себя и для всего семейства своего хлеба, одежду и всё необходимое, даже дрова для отопления домов наших»[4].

Совершенно ясно, что при таких «способах к пропитанию» все более должны были вовлекаться в производство физически неокрепшие еще члены семьи рабочего, а также женщины. Мануфактура, основанная на разделении труда, способствовала применению труда подростков, «поэтому естественным спутником мануфактуры является ученичество[5] (*Ленин*)", как это видно из нижеследующей таблицы.

[1] ЦА МАССР, ф. 24, д. 22, л. 52—57, д. 13, л. 6—10.

[2] Там же, д. 772, л. 96—108.

[3] История народного хоз-ва СССР, т. 1, стр. 402.

[4] ЦА МАССР, ф. 24, д. 772, ч. II, л. 32.

[5] Ленин, Соч. т. 3, изд. IV, стр. 374.

Годы	Количество подростков (в %%)[1]					
	Авгорский з.		Сивиньский з.		Рябкинский з.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
1837	10,2	10,2	9,2	9,2	н.	с.
1841	12,0	12,0	11,7	11,1	8,0	8,0
1856[1]	6,7	15,6	10,1	11,2	н.	с.

Труд подростков применялся как на внутризаводских работах—в литейном, доменном цеху, так в особенности на вспомогательных. За свою работу подростки получали либо сдельную плату—на отливке котлов, чугунов—от 3 до 4 коп. с пуда, либо подённую, преимущественно на сезонных работах—от 10 коп. до 25 коп. подросткам—мальчикам и девушкам[2]. Никаких ограничений в смысле рабочего времени фактически для труда малолетних не существовало, и они испытывали на себе, наряду с рабочими, всю тяжесть той «системы вышибания пота», которая безраздельно господствовала на фабриках и заводах.

Как указывал Ленин, наряду с этой системой, и, пожалуй, «как одну из форм ее, следует поставить расплату продуктами». Весь смысл этой последней сводился к тому, чтобы больше выжать с рабочего, хлебными и иными продуктовыми «подачками» постоянно держать рабочего на грани полуголодного существования. «За период времени в 150 лет, протекший с начала XVIII в.,—пишет проф. Пажитнов,—стоимость хлеба поднялась в три[3], мяса—не менее чем в шесть раз. Если сопоставить эти данные, свидетельствующие о резко выраженном повышении стоимости жизни с начала XVIII в. с тем фактом, что денежная плата к моменту падения крепостного права стояла на уровне, очень мало отличающемся от того, каким он был за 125—150 лет назад, то невольно возникает вопрос, каким образом рабочие могли выходить из этого затруднительного положения?»[4].

[1] Пенз. обл. арх., ф. 5, д. 2336, лл. 131, 156; д. 3502, лл. 102—103. Подсчет наш.

[2] ЦА МАССР, ф. 24, д. 22, лл. 52—57.

[3] На Саранском рынке цена пуда ржаной муки поднялась с 5,5 к. в 1795 г. до 72 коп. сер. (апрель 1838 г.). ЦА МАССР, ф. 2, д. 13, л. 413; ф. 24, д. 13, лл. 6—10.

[4] Пажитнов, Цитир. соч., стр. 118—119.

Выходом из этого тяжелого положения должна была служить частичная выплата зарплаты продуктами, превратившая фактически в разновидность выше названной «системы вышибания пота». Горный устав предоставлял заводчикам право производить выдачу продовольствия мастеровым сообразно местным условиям: в счет заработной платы или же за наличные деньги. В соответствии с этим положением на посессионных заводах Мордовии в начале XIX в. сложилась разнообразная система продовольствования рабочих (и их семейств): бесплатная выдача продуктов (хлеба и соли) производилась сиротам и малолетним, при отсутствии в семье полноправного работника, но и это обязательство заводчики при всяком удобном случае стремились переложить на плечи рабочих[1]. На Рябкинском заводе до середины 30-х г. г. XIX в. рабочие довольствовались хлебом, покупаемым «повольною ценою» на местном рынке, и только при заводчике Ярцеве (1834 г.) была заведена выдача продуктов в счет зарплаты, как это практиковалось на других заводах (Авгорском, Сивиньском).

Однако нищенские расценки рабочего труда, в связи с общим вздорожанием жизни, вынуждали рабочих все более входить в долги, забирая вперед зарплату частично деньгами, частично хлебом. Не связанные обязательствами в отношении образования продовольственных запасов, заводчики приобретали хлеб не заблаговременно, а от случая к случаю, в зависимости от наличия денежных ресурсов и реализации заводской продукции. При отпуске продовольствия происходили постоянные недоразумения с рабочими на почве разного рода манипуляций, допускавшихся заводовладельцами в связи с резкими колебаниями рыночных цен на хлеб.

Рабочие Рябкинского завода в 1838 г. предъявили заводской администрации обвинение в том, что «выдаются им заработные деньги аржаным хлебом, который отпускается по дорогой цене, но они принуждены оной хлеб брать, который в на-

[1] В 1851 г. на Авгорском заводе был отдан в рекруты мастеровой Тихон Савельев. После него остались жена, сын 15-ти лет и двое малолетних детей. Содержание семьи Т. Савельева заводчик Манухин возложил на трех его братьев, состоявших мастерами при Авгорском з., и в течение 5 лет контора принудительно удерживала с их общего заработка ежемесячно от 4 до 5 р. ас. ЦА МАССР, ф. 24, д. 772, ч. II, л. 87.

стоящее время по сходной цене не запасается, а от того должны»[1].

С подобным явлением мы встречаемся и на заводах Манухина, где «мастеровым, в случае надобности, нужное количество денег выдается даже вперед, от чего они состоят должны конторе»[2]. В невыносимо тяжелом положении оказывались рабочие особенно в моменты т. н. относительного перепроизводства («кризисные явления» по Струмилину), когда мастеровые из-за слабой реализации продукции[3] вынуждены были брать частью хлебом, частью даже литьем по крайне невыгодным для себя ценам. Мастеровой Рябкинского завода Григорий Васильев в марте 1826 г. показывал, что за конторой «состоит 240 р. 30 к., которых он не получил во всю зиму, а хотя и получал временами рыбой соленой и свежей, хлебом и солью на 28 р. 46 к., деньгами же только в нынешнем месяце (т. е. марте) 10 руб.»[4].

Другой рабочий Федор Иванов тогда же рассказал, что «за работу получает в сутки по 40 коп. асс., когда деньгами, когда изделием по конторской таксе за пуд по 2 р. 50 коп. асс. а сам отдает вольным людям литье по рублю по семьдесят и по рублю по осмидесяти коп.; заработных же его за конторою денег всего 152 р.»[5]. Таким образом, на этой операции рабочий терял более 30% своей зарплаты. Когда в конце 50-х гг. XIX в. русская промышленность, оказавшись в тисках разразившегося (в 1857 г.) международного кризиса, переживала его со всеми сопутствующими явлениями в виде вздорожания продуктов, слабой реализации и т. п., рабочие Авгорского и Сивиньского заводов были доведены до крайности. Не добившись от заводчика Манухина «нового положения», они представили земскому исправнику «частный приговор» от имени всех вообще крестьян, в котором написали: «если долго не будет... никакого удовлетворения, то они решатся дойти до крайности такого рода, что все решительно мужчины оставят свои семейства и

[1] Общая задолженность рабочих владельцу выражалась в сумме 12 тыс. руб. ас. ЦА МАССР, ф. 24, д. 13, лл. 6—10.

[2] ЦА МАССР, ф. 24, д. 772, л. 96 и след.

[3] В разгар кризиса 1825 г. задолженность рабочим по Рябкинскому заводу составляла более 4-х тыс. руб. ЦА МАССР, ф. 26 д. 16, л. 25 и след.

[4] ЦА МАССР, ф. 24, д. 16, л. 6 (дополн. опись № 2).

[5] Там же, л. 25.

пойдут лично к царю, хотя бы за это не только всех их посадили в тюремный замок, но даже если бы и сослали их в Сибирь или лишили жизни...»[1].

Все приведенные нами данные о положении рабочих посессионных мануфактур в корне опровергают высказанный в одной официальной записке взгляд о том, что «заводские люди— зажиточнее прочих, занимающихся земледелием, а на партикулярных заводах они богатее, нежели на казенных»[2]. Это утверждение, на которое обратил внимание еще проф. Пажитнов, является, несомненно, тенденциозным. По мнению Пажитнова, рабочие частных заводов «едва ли не в большей части значительно уступают положению казенных мастеровых. Случаи неповиновения и волнений между рабочими, вызванных недостаточностью платы, не выдачею ее во-время, тяжестью работ, нередко бывали на частных заводах, между тем как на казенных они почти беспримерны. В последнее 30-летие,— замечает цитированный нами автор,— многократно случалось, что рабочие частных заводов требовали назначения им тех же зарплат и тех же уроков, как на казенных заводах. Эти последние служили как бы нормой для частных заводов»[3]. Если казенные заводы, преимущественно уральские, и могли служить «нормой» для частных заводов, то скорее—голодной, не больше. Рабочий Авгорского завода—доменный мастер, посланный в 50-х гг. «для изучения мастерства» на казенный уральский Каменский завод по возвращении докладывал рабочим, что «там получают по 3 коп. сер. (в день) и по 2 пуда муки...» (в м-ц.)[4].

Таким образом, «уральские заводы, говоря словами исследователя Урала Колюбалова,—как село скудельниче, купленное на деньги Иуды, выстроены (были) ценою крови, на костях человеческих»[5]. Это верно не только для Урала, но и для всей России.

Тяжелая и беспросветная жизнь «работных людей», естественно, вызывала их на выступления, которые непрерывной цепью

[1] ЦА МАССР, ф. 24, д. 772, л. 15—16.

[2] Цитир. по работе Пажитнова, «Заработная плата в горнозаводской промышленности»... Арх. ист. труда, кн. III, 1922 г., стр. 5—17.

[3] Цитир. соч., стр. 5—17.

[4] ЦА МАССР, ф. 24, д. 772, л. 63.

[5] Цитир. по работе Балабанова, Очерки по истории рабочего класса в России, ч. 1, стр. 104—105.

тянутся через весь крепостной период. По своему характеру эти движения представляли стихийные выступления, по выражению Ленина «примитивные бунты» угнетенных людей против своих угнетателей-заводчиков, «которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство»[1].

Основными мотивами выступлений «работных людей» в начальный период развития промышленности (XVIII в.) было желание их вернуться «во крестьянство». Но по мере того как создавались кадры «природных рабочих», связь которых с промышленностью к концу крепостного периода исчислялась уже «преемственностью нескольких поколений» (*Ленин*), в рабочем движении возникают новые мотивы: их борьба, являвшаяся и теперь проявлением того же «стихийного элемента», имеет своей целью улучшение их положения путем увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня, отмены штрафов и т. п. К середине XIX в. в рабочих выступлениях под воздействием все более усилившегося кризиса всей крепостнической системы, все отчетливее выступают моменты борьбы за свое освобождение из-под власти помещиков.

Наиболее раннее выступление рабочих людей на территории Мордовии относится к концу 20-х гг. XVIII в.; оно связано с появлением посессионной мануфактуры (Рябкинский и Сивиньский заводы) братьев Миляковых. Это движение, принявшее форму вооруженной борьбы крестьян с посланной для их усмирения военной командой, сомкнулось с выступлением приписного к починковским поташным заводам населения. Последнее представляло никогда не затухавший очаг недовольства, особенно разгоревшийся к середине 50-х гг. XVIII в.

В период крестьянской войны XVIII в., под руководством Ем. Пугачева, движение «работных людей» слилось с общим стихийным выступлением крепостного крестьянства. Подавленное с необычайной жестокостью правительством движение закабаленных масс крестьянства и промышленных рабочих оживает с новой силой с начала XIX в. Тон рабочему движению задает посессионная мануфактура. Вслед за выступлением рабочих инсарского чугуноплавильного завода (1804—1810 гг.) возникает движение на Сивиньском заводе (в 1824 г.), Рябкинском (в 40-х гг. XIX в.). Самым крупным движением рабочих крепостнического периода на территории Мордовии были волнения мастеровых Авгорского завода, к которым присоединились

[1] Ленин, Сочинения, т. 6, изд., IV, стр. 384.

рабочие соседнего Приклонского купоросного завода (1858—1861 гг.). Эти выступления происходили уже в обстановке, которую Ленин характеризовал как революционную ситуацию, когда «кризис политики господствующего класса» сопровождался значительным повышением недовольства и возмущения угнетенных классов.

Революционная ситуация, как известно, не переросла в революцию, так как „революционного *класса* среди угнетенных масс вовсе еще не было". (*Ленин*)[1].

Тем не менее движения рабочих, переплетавшиеся с крестьянскими восстаниями, в корне расшатали всю крепостническую систему и заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить крестьянство сверху, чем ждать, пока свергнут снизу.

[1] Ленин, Сочинения, т. 17, изд. IV, стр. 94.

И. М. Корсаков,
кандидат исторических наук.

К ВОПРОСУ О ПОМЕЩИЧЬЕМ ЗАКРЕПОЩЕНИИ МОРДВЫ

В исторической литературе XIX столетия да и в современной исторической литературе принято считать мордовских крестьян, начиная с начала XVIII столетия, исключительно государственными и удельными. Между тем этот традиционный взгляд на мордву в корне противоречит архивным материалам и некоторым литературным, ещё до сих пор не обобщённым источникам. Так, например, только в одной Нижегородской губернии в 1859 году было 82 186 душ крепостной мордвы, или 74,77% мордовского населения губернии.

В данной статье мы рассматриваем лишь вопрос о помещичьем закрепощении мордвы и не касаемся общего вопроса о генезисе феодализма у мордвы.

Так называемая «вольная колонизация», т. е. переселение на мордовскую территорию беглого люда из центральных районов Московского государства, находит отражение в документах с XVI столетия. Но такое переселение, нужно думать, имело место и гораздо ранее. Кстати нужно заметить, что пришлые русские люди находили полный приют у мордвы и устраивались в мордовских селениях наравне с коренным населением, как однообщественники.

До сих пор не обнаружено ещё ни одного архивного документа, говорящего о враждебном отношении коренного населения мордвы к «вольным» переселенцам. Наоборот, в документах отражаются дружественные взаимоотношения мордовского населения с русским беглым крестьянством. Например, в селе Теньгушеве ещё до 1625 года среди 12 мордовских дворов были 2 двора русских крестьян, живших вместе как однообщественники[1].

[1] Госархив МАССР, ф. 1, д. 4, лл. 15—20.

Покойный А. А. Гераклитов[1] в своих работах «Арзамасская мордва» и «Алатырская мордва», исследуя писцовые и переписанные книги XVII—XVIII столетий, пришёл к выводу, что в 1628 году среди коренного населения Арзамасского уезда жило очень много русских. В соседнем Нижегородском уезде деревни со смешанным составом населения отмечены ещё дозором 1588 года. «Уже самые старые документы, — пишет А. А. Гераклитов,—трактующие о составе населения Арзамасского уезда, говорят за то, что в некоторых деревнях наряду с мордвой жили и русские «бортники» и, т. о. население этих деревень является исстари смешанным». Из 92 селений, по данным писцовых книг XVII столетия, в Арзамасском уезде чисто мордовских насчитывается всего 46. Во всех остальных — переписи дают тот или иной процент русского населения. Как известно, мордовское население Арзамасского уезда проживало в двух станах — Утишном и Залесном. В Утишном стане из общего количества 41 селения только 8 являлись чисто мордовскими; в Залесном же из 51 селения 12 были смешанными, а 39—чисто мордовскими. Разница, как видим, большая. Причиной этого является удалённость Залесного стана на юг и компактность населения в нём. По тем же причинам ещё меньшее количество русского населения в мордовских селениях Алатырского уезда.

Переселение в мордовскую среду Арзамасского и Алатырского уезда беглого русского крепостного крестьянства и холопов из центральных районов Московского государства не встречало сопротивления со стороны коренного населения — мордвы.

Беглый люд принимался мордвою и устраивался наравне со всеми жителями селений, занимаясь зачастую тем же, чем занимались и все коренные жители—хлебопашеством, бортничеством и охотой. Здесь с полной силой выражено содружество мордовского народа с великим русским народом.

С другой стороны, в это же время (особенно в мордовские селения Нижегородского и Арзамасского уездов) отмечается усиленное проникновение феодально-крепостнического элемента, в лице дворянского служилого люда и крупной боярской знати. В результате этого мордовское население в XVI—XVII веках подвергалось процессу закрепощения как боярами, так и служилым дворянством. На территории быв-

[1] А. А. Гераклитов, «Арзамасская мордва», Саратов, 1930 г. «Алатырская мордва», Саранск, 1938 г.

шей Нижегородской губернии очень большой процент крепостной мордвы. Мордва враждебно относилась к своему закрепощению и вследствие этого принимала активное участие во всех крестьянских восстаниях XVII и XVIII вв. Но, несмотря на это, до начала XIX века продолжалось закрепощение мордвы. Поэтому мордва бежала со своих насиженных мест. Она убегала на юг. Из тех же, кто остался на месте, многие были закрепощены и оставались крепостными вплоть до реформы 1861 года.

В бывшей Нижегородской губернии процент крепостной мордвы по сравнению с другими губерниями был гораздо выше.

Нижеследующая таблица наглядно показывает крепостное состояние мордвы этой губернии за 1859 год:[1]

УЕЗДЫ	Число морд. сёл	В них дворов	Жителей обоего пола	Из них крепостных			
				Селений	Дворов	Жителей об. пола	% крепостной мордвы к общему числу жителей
Ардатовский	29	1954	13278	24	1584	10936	82,43
Арзамасский	26	2888	20842	17	1715	11214	53,80
Княгининский	25	1991	14225	22	1513	11329	79,64
Лукояновский	19	2473	20940	10	1308	10910	52,10
В том числе:							
а) разноведомств.	4	410	38 0	—	—	—	10,88
Сергачский	24	1772	15407	23	1552	13167	85,46
Нижегородский (мордва-терюхане)	41	4133	25317	40	4109	24630	97,28
Всего	164	15211	109909	136	11781	82186	74,77%

Как видно из таблицы, самый большой процент крепостной мордвы был в Нижегородском уезде, за ним идут Сергачский, Ардатовский и Княгинский уезды, а потом Арзамасский и Лукояновский. Такое положение, вероятно, объясняется тем, что процесс закрепощения мордвы по степени давности проходил именно в порядке перечисления вышеуказанных уездов, т. е. захват мордовских земель помещиками-крепостниками раньше всего начался с Нижегородского уезда. Поэтому, самая южная часть губернии — Лукояновский уезд — подверглась такого рода захвату позднее. Здесь в XVI веке прошла укреплённая черта Московского государства, и прилежащие к черте мордовские селения были приписаны к ней как для строительства её, так и в качестве служилого люда.

Несмотря на усиление Московского государства, особенно после татаро-монгольского ига, всё же мордовские земли часто еще подвергались набегам и опустошениям со стороны татаров и ногайцев. Со времени завоевания Иваном Грозным Казани (1552 г.), все мордовские земли поступали во владение Московских царей. В целях закрепления за собой этой территории, московские цари привлекали на свою сторону татарских князей и мурз и жаловали их мордовскими землями и мордовским ясаком в Темниковском и других уездах. Мордва постепенно обращалась в положение крепостных русской и татарской земельной аристократии.

На территории расселения мордвы появляются татарские князья. Из актового материала XVI и XVII столетий видно, что на территории Мордовии возникает целый ряд вотчин и поместий, принадлежавших известным татарским дворянским фамилиям: князьям Кугушевым, Акчуриным, Шехмаметовым, Еникеевым, Утешевым, Дивлет-Кильдеевым и др.

Эта аристократия нужна была для великих московских князей, как командная сила при возведении пограничных укреплений и организации военно-пограничной службы. Военные поселения и укрепления границ играли роль не только оборонительную, но и наступательную. Они были направлены против обосновавшихся на юге крымских татар и на юго-востоке — ногайских татар.

К 40-м гг. XVII века относится устройство сторожевой засечной черты от Суры через Саранск на Инсар. К концу XVI столетия на юго-восточной окраине Московского государства, в передовой линии укреплённых городов, соприкасавшейся со степью, находились Алатырь, Темников, Кадом и Шацк. В 1641 году был построен Саранск, в 1640 году —

[1] Настоящая таблица составлена по данным списка населённых мест Нижегородской губернии по сведениям 1859 г. Спб., 1863 г.

Атемар, в 1641 году—Шишкеев, в 1647—48 г.—Инсар и др. Эта укреплённая черта постепенно продвигалась на юг, закреплялись всё новые земли за Московским государством. Во всех этих городах-крепостях находились вновь поселённые служилые люди, которые вместо денежного жалования получали земельные участки. По своему социальному положению, комплектовавшиеся на военную службу служилые люди принадлежали к разным сословиям тогдашнего общества. На военную службу верстались, как известно, не только русские, но и мордва и татары. Представители мордовской и татарской аристократии обычно занимали командные должности. Они именовались «князьями» и «мурзами», хотя эти «титулы» не всегда были прочными: бывшие князья и мурзы часто обращались в лиц, «положенных в подушный оклад».

Видные представители московской знати на территории Мордовии появляются раньше 40-х годов XVII века, главным образом, в бывшем Краснослободском уезде, где были расположены дворцовые вотчины и вотчины представителей московской знати, как Нагих, Салтыковых, Романовых и др[1].

Когда край оказался достаточно обезопасенным от татарских набегов, начинается усиленная колонизация территории Мордовии. Служилый люд охотно шёл из разных мест внутренних областей Московского государства в «новый» край и просил об отводе земли.

Прибывающий нередко сам «отыскивал» себе землю и просил местного воеводу об отводе ее.

В XVII столетии на территории Мордовии было распространено, главным образом, мелкопоместное землевладение. Служилый человек офицерского ранга владел в среднем 350 четвертями в поле, бывали и меньшие оклады: 300, 250 и 200 четвертей.

Этот основной земельный поместный оклад иногда увеличивался путем прирезок земли по случаю разных «радостных» событий, например, по случаю успешного окончания военного похода, рождения наследника престола, или же за личные заслуги. Эти прирезки увеличивали иногда поместный оклад до 1000 четвертей в «поле». Крупные поместья раздавались только начальным людям служилого сословия.

[1] Крестьянское население, жившее на землях дворцовых вотчин, расположенных в б. Краснослободском и Наровчатском уездах до высочайших указов от 3 мая 1783 года и 2 ноября 1783 года, в правовом отношении было приравнено к крепостному населению. После «учреждения о Губерниях» в силу вышеуказанных указов, дворцовые крестьяне не вошли в состав государственных крестьян. Впоследствии бывшие дворцовые крестьяне составили контингент удельных крестьян.

Таким образом, основная масса помещиков всё же состояла из русских дворян — детей боярских, пришедших из центральных районов России.

В Атемарских десятнях (послужные списки служилых людей Атемарской крепости) 1669 — 1670 и 1679 — 1681 гг. значатся 54 фамилии служилых людей, поверстанных в службу по Атемару в 1642 году. Тогда же всем им были розданы и поместья. Из десятни 1679 — 1681гг. видно, что у многих помещиков на их землях уже имелись крепостные крестьяне или дворовые люди. По фамилиям первых помещиков из служилых людей стали именоваться многие селения бывшего Саранского уезда, как, например, Внуков — Внуковка, Нечаев — Нечаевка, Анненков — Анненково, Чуфаровка, Сумароковка, Смольково, Кадышево и т. д.

Раздача дворянам-помещикам крупных земельных владений на территории Мордовии принимает массовый характер с середины XVII и продолжается до конца XVIII столетия. В этот период времени правительство усиленно раздает земли, которыми раньше пользовалась мордва, дворянам аристократических фамилий.

В бывшем Саранском уезде крупные дворяне-аристократы, получившие значительные земельные участки в начале XVIII века и путем перевода сюда своих крепостных людей из центральных районов Русского государства, основали следующие русские селения: 1. Нарышкины—с. Воротники (совр. Ромодановского р-на), 2. Голицыны—Блохино (Саранского района), Архангельское-Голицыно (Рузаевского р-на), Вертелим, Ингинер-Пятина (Мельцанского р-на), Полянщина (Саранского р-на), 3. Головины—Языково (Ромодановского р-на), 4. Бутурлины — с. Лопатино (Лямбирского р-на), 5. Ромодановский — с. Скрябино (Саранского р-на), 6. кн. Хованский — Блохино (Саранского р-на), 7. Апраксины—с. Лада (ныне райцентр того же района), 8. кн. Солнцев—Засекин (с. Вьяс), 9 кн. Шаховской — с Борисовка, 10. Полянский — с. Макаровка (Саранского р-на) — село носит имя Макара Полянского — дьяка поместного приказа.

Историки Пензенского края А. Хвощев, В. и Г. Холмогоровы, А. Селиванов и другие, на основании дворянского списка 1785 г. по Саранскому уезду, вполне основательно утверждают, что многие названия селений совпадают с фами-

лиями помещиков и что многие помещики обосновались здесь со времени строительства укрепленной черты в качестве служилых людей.

Такая же примерно картина заселения территории Мордовии помещиками была и по другим уездам.

В связи с тем, что мордовские пахотные земли, бортные ухожаи, бобровые гоны, сенные покосы и рыбные ловли, царским правительством беззастенчиво раздавались дворянам-крепостникам и монастырям [1] в вотчинные владения. Коренные жители вынуждены были вследствие притеснений помещиков оставлять свои насиженные места и переселяться дальше на юг и юго-восток в пределы Саратовской, Самарской, Оренбургской губерний и Сибирь.

Но и здесь, на новых местах, многие мордовские поселения попадают в крепостную зависимость от помещиков. В некоторых уездах Самарской губернии, как например, в Бугульминском уезде в крепостной зависимости было 25%, в Ставропольском — 13% мордвы. Из 271397 человек мордвы в Самарской губернии 26038 человек оказалось в крепостной зависимости[2].

Известно, что государственные крестьяне, как юридически оформленное сословие, появляются в начале XVIII века в связи с военными и финансовыми преобразованиями Петра I. И состав и социальное положение этого сословия были точно определены рядом петровских указов о введении подушной подати.

Некрепостная мордва юридически оформляется в разряд государственных крестьян по указу Петра I от 22 января 1719 года. В этом указе наряду с частновладельческими крестьянами упоминаются крестьяне «дворцовые и прочие государевы» [3], к которым относились однодворцы, татары и ясачные. Некрепостная мордва относилась, главным образом, к категории ясашных.

[1] Так, например, Краснослободский Спасско-Преображенский монастырь (основанный в 1655 г.) еще в XVIII в. уже имел 1477 десятин земли; Темниковский Санаксарский (основанный в 1659 г.)—706 дес. земли и многие рыбные ловли по Мокше и озерам; Пурдошанский (основанный в конце XVI столетия) имел в своем владении селения Большие и Малые Пурдошки, Такушево, Девичьи Рукава, Шалы, Бор, Дракино, Полумбор и Шигонь.

В 1705 году был основан Саровский монастырь, который во второй половине XVIII в. владел 24663 десятинами земли, леса и разных угодий. (Госархив МАССР, фонды монастырей).

[2] Количество и процент крепостной мордвы выведены по «Списку населенных мест Самарской губернии», составленному И. А. Протопоповым. Самара, 1900 г.

[3] ПСЗ, т. V, 3287, стр. 618.

В указе Петра I от 26 июня 1724 года, в так называемом «плакате» «О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей...», все «которые не за помещики», считались государственными крестьянами и облагались сверх подушного сбора «вместо помещичьего доходу» еще по четыре гривны (40 коп.) с души.

В реестре «с кого по указам его императорского величества определено брать по 74 копейки, и с которых сверх того по 40 коп.» говорится уже прямо, что « с государственных крестьян, то-есть, с однодворцев, с черносошных, с татар, с ясашных и Сибирской губернии пашенных прежних служеб, копейщиков, рейтар, драгун, солдат, казаков, пушкарей, затинщиков и засыльщиков и всякого звания людей, которые в поголовную перепись записаны и в раскладку на полки положены, не обходя никого, по 74 коп. с души, кроме астраханских и уфимских татар, и башкирцев, и сибирских ясашных иноверцев, которых переписывать и на полки раскладывать не велено.

Да с них же сверх того, вместо тех доходов, что платят дворцовые во дворец, Синодального ведения в Синод, помещиковы—помещикам, по 40 копеек с души»[1].

В дальнейшем правительство подтвердило свои ранние указы о категории государственных крестьян. В указе от 11 января 1728 года сказано, что кроме 70 копеек «четырех гривенные деньги велено брать только с одних государственных крестьян и с прочих им подобных, которые себе помещиков и никаких владельцев, кроме императорского величества, не имеют»[2].

Таким образом, мордовское ясашное крестьянство в своем большинстве стало собственностью царя, наряду со всеми категориями крестьян, не входившими в состав частно-помещичьих, дворцовых и церковно-монастырских. Они (т. е. ясашные крестьяне) стали в феодальной зависимости от государства и платили так же оброки, как и помещичьи дворцовые и церковные крестьяне.

По данным 10-й ревизии, государственных крестьян в Саранском уезде было 33,88%, в Инсарском — 52,17%, в Краснослободском — 73,65%.

[1] ПСЗ, т. VII, 4533, стр. 318, изд. 1830 г.

[2] ПСЗ, т. VIII, 2228, стр. 9.

Мордовское крестьянство в этих уездах в своем большинстве входило в состав государственных крестьян. Во всех уездах, вошедших полностью и частично в Мордовскую АССР, по данным 1857 года было мордвы:[1]

в Саранском уезде	16047	душ
в Инсарском „	25565	„
в Краснослободском у	27513	„
в Наровчатс ом уезде	10509	„
в Темниковском у. ок.	21700[2]	„
в Спасском уезде ок.	38749	„
в Ардатовском уезде	59372[3]	„
Всего	199459	душ об. пола.

Но граница, отделявшая государственных крестьян от помещичьих, была крайне непрочной. Государственные крестьяне путем высочайших пожалований могли быть легко превращены в крепостных.

Так, путем «пожалований» многие мордовские селения попадали в крепостную зависимость к дворянам (со всею землею и людьми).

Еще в 1603 году была отдана в поместье Агафону Лопатину мордовская деревня Досадина, бывшего Курмышского уезда[4].

Такой же, например, была судьба бывшей мордовской деревни Маскина (совр. Русское Маскино, Краснослободского р-на). По писцовым книгам 1620—1621 гг. деревня эта числилась ясачной, в ней было 11 мордовских и 16 русских дворов, а в 1646 году она была отказана в поместье темниковским мурзам Мамлеевым. Спустя 16 лет Маскино оказалось за новым владельцем — Венедиктом Хитровым, а через 8 лет снова была возвращена прежним владельцам, которые отдали ее в приданое за дочерью князю Василию Хилкову, а последний продал её владельцам железных заводов Миляковым. Крестьяне этой деревни вплоть до реформы 1861 года боролись против помещиков и оспаривали право помещиков на владение ими. В своих жалобах крестьяне писали: «И отцы и деды ведомы были в приказе Казанского Дворца с ясашными крестьяны и мордвою, а за татарскими де мурзами они не живали и их братьею мордвою помещики и вотчинники не влаживали»[1]. Жалобы крестьян не только не удовлетворялись, а, наоборот, жалобщиков часто подвергали наказаниям вплоть до ссылки на каторжные работы.

[1] Сталь, «Материалы для географии и статистики России» Пенз. губ. Спб., 1867, часть 1, стр. 325.
[2] Список населенных мест. Тамбовской губернии, Спб., 1866 г.
[3] Список населенных мест Симбирской губернии, Спб., 1863 г.
[4] А. А. Гераклитов, Арзамасск. мордва, Саратов, 1930 г., стр. 46.

В 1675 году «мордовская деревня Ермезенки со всеми угодьи и с бортными ухожьи отдана частью Семену Сверчкову на «будные станы» на поташное и смольчужное дело и «велено ему тою деревню со всеми угодьи владеть...»[2].

Согласно итогу, подведенному Киреевым в писцовой книге 1628 г., «в залесном стану (Арзамасского у.—И. К.) отдано в поместье и продано в вотчину боярам и окольничьим и отдано... в Сергиев монастырь и частью на поташное и смольчужное строенье десять деревень да три пустоши»[3]. Всего в этих деревнях по писцовым книгам 136 г. (1628 г.) считалось 150 дворов мордовских и 9 дворов русских бортников, владевших 3837-ю четвертями «в поле» пашни и сенных угодий на 11990 копен.

В 1678 году за помещиком Максимом Пестрым была записана мордовская деревня бывшего Алатырского уезда Кергуды, которая впоследствии обрусела[4].

В конце XVII столетия мордва Терюшевской и Лысковской волостей была пожалована имеретинскому царевичу Арчиллу Вахтанговичу и его сыну Александру. Мордва этих волостей не раз поднимала восстания против крепостников-эксплоататоров[5].

До 1791 г. крестьяне д. Акаево, бывшего Темниковского уезда, считали себя ясачными, а в 1791 году уже стали собственностью помещика князя И. Чермантеева. За этим же Чермантеевым было несколько человек мордвы из деревни Коломасовой[6].

В 1797 году мордовские селения Синдрово (современ. райцентр МАССР) и Колопино императором Павлом I были пожалованы в крепостное владение контрадмиралу Траверсе.

В 1808 году Александр I утвердил крепостной акт на эти селения и, несмотря на сопротивление крестьян, 377 душ села

[1] Исторические записки Академии наук СССР, т. 12, 1941 г., стр. 140—141.
[2] А. А. Гераклитов, Арзамасская мордва, Саратов, 1930 г., стр. 48.
[3] Там же.
[4] Документы и материалы по истории Морд. АССР, г. Саранск, 1940 г. т. II, стр. 87.
[5] Там же, стр. 208.
[6] Госархив МАССР, ф. 101, д. 136, лл. 139—140 и другие.

Синдрово и 123 души деревни Колопино, а всего 500 душ крестьян-мордвы из бывшего сословия государственных крестьян «по манию царя» были превращены в крепостных Траверсе[1].

По указу от 25 апреля 1797 года кавалергардского корпуса штабротмистру Третьякову Первому «пожаловано» 150 душ дворцовых крестьян мордвы деревни Инелеи (совр. Козловского района), Третьякову Второму — 66 душ из деревни Тургаковой (совр. село Турдаково, Ардатовского района) и 34 души из деревни Инелеи, Третьякову Третьему — 100 душ из деревни Инелеи же[2].

Всего по этому указу отдано в крепостное владение 350 душ мордвы.

В том же 1797 году по указу от 3 июня фельдмаршалу графу В. Н. Мусину-Пушкину было «пожаловано» 4 тысячи дворцовых крестьян, в том числе мордвы по Ардатовскому уезду 182 души крестьян села Парадеева (совр. Козловского района), 237 душ деревни Пилесева, 208 душ деревни Дубёнки (совр. Козловского района) и из 450 душ 177 душ села Киржеманы, а всего 804 души мордвы и 2053 десятины их земель были отданы в собственность этого графа Мусина-Пушкина[3].

Такого рода пожалования мордвы давались и другим «высокопоставленным» особам.

Мы не говорим о помещичьем захвате земель у государственных и удельных крестьян-мордвы путем разного рода «махинаций». Вопросы захвата земель у государственных и удельных крестьян мордвы помещиками и монастырями должны явиться темой специального исследования. В данном случае мы подводим некоторые итоги о степени помещичьего закрепления мордвы.

Итак, по мере продвижения границы Московского государства на юг и восток, стала «осваиваться» и южная территория, заселенная мордвой, но уже гораздо позже, когда почти вся прилегающая к Темниковско-Алатырской пограничной черте мордва была прикреплена для несения пограничной службы и для строительства этой черты. Таким образом, до середины XVIII века в южной части территории мордвы, пока имела значение пограничная укрепленная черта, мордва

[1] Госархив МАССР, ф. 24, д. 108, лл. 3—48.
[2] Госархив, МАССР, ф. 64, д. 235, лл. 1—30.
[3] Там же, д. 241, лл. 1 и следующие.

здесь не подвергалась столь сильному закрепощению, как это было в северных районах, т. к. и сами крепостники появляются здесь тогда, когда край был совершенно безопасен от вторжений внешних врагов — южных и восточных остатков татаро-монгольских орд (главным образом, крымских татар). Кроме того, в связи с развитием поташного производства и кораблестроения, начиная с эпохи Петра I, мордовское население также было приписано как к выделке поташа, так и вырубке и вывозке строительного леса.

Приписанная к поташному производству и корабельным лесам мордва менее подвергалась помещичьему закрепощению, и это явилось одной из причин того, что большая часть юго-восточной мордвы не была в помещичьем владении.

Помимо всего этого, мордва проявляла активную борьбу против своего закрепощения, и когда уже невозможно было противостоять ему, оставляла свои насиженные места и бежала еще дальше, на юг и юго-восток, в пределы Самарской и Саратовской губерний, оставляя свои дома и даже деревни «впусте».

В материалах XVII и XVIII веков часто упоминается запустение тяглых дворов и целых селений мордвы. Закрепощение мордвы усилилось, главным образом, после подавления крестьянского движения под руководством Разина. Но, как бы то ни было, в силу вышеуказанных причин, на территории Мордовии всё же крепостной мордвы было гораздо меньше, чем в районах, прилегающих к Мордовии с северной стороны.

Если по Нижегородской губернии крепостной мордвы было в среднем 74,77%, то в Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерниях крепостной мордвы было: [1]

в Пензенской губернии	5,83%	(7195	душ об. п.)
в Тамбовской „	20,88%	(15665	„)
в Симбирской „	8,67%	(12214	„)
в Самарской „	9,50%	(26038	„)

средняя цифра для этих губерний—10,65%.

Причем, в отдельных уездах как, например, в Шацком уезде Тамбовской губернии (22 селения при 10666 душах

Пензенский губ. Спб., 1869 г.,
Пензенский губ. Спб., 1869 г.
Тамбовской губ. по свед. 1862 г.,
Симбирской губ. по свед. 1859 г., Спб., 1863 г.,
Самарской губ. Самара, 1900 г.

об. п.) и Курмышском уезде, Симбирской губернии (9 селений при 3960 душ об. пола) вся мордва была крепостной. Причиной этого является близость этих уездов к центральным районам Русского государства, с ранним проникновением сюда помещиков-крепостников.

Процент крепостной мордвы на территории Мордовии был наименьшим в силу того, что эта территория сложилась в основном из уездов Пензенской губернии (Саранского, Инсарского, Краснослободского и части Наровчатского), сюда же вошли Темниковский и часть Спасского уезда, Тамбовской губернии, Ардатовский уезд и часть уездов Карсунского, Курмышского и Алатырского, Симбирской губернии, а также часть Лукояновского и небольшая часть Сергачского уездов, Нижегородской губернии. Эти уезды в XVII и начале XVIII вв. были наиболее удаленными от центральных районов Московского государства, к тому же по этой территории, как было указано, проходила имевшая большое стратегическое значение сторожевая засечная черта, требовавшая много служилого люда.

По данным 1859 года на территории Мордовии мордовских крепостных селений было 46, в них обоего пола—21811 чел., что составляло около 10% общего числа мордовского населения.

Естественно, что положение крепостной мордвы и на территории Мордовии было чрезвычайно тяжелым.

Из описания быта крепостной мордвы деревни Малого Маресева, бывшего Саранского уезда (современ. Чамзинского района), в 40—50-х годах XIX столетия, составленного прогрессивным писателем И. В. Селивановым[1], видно, что крестьяне этого села находились в тяжелом экономическом положении с неизбежными спутниками — культурной отсталостью, и, вследствие отсутствия какого-бы то ни было медицинского обслуживания, господствовали всякие болезни и особенно трахома. Крестьяне жили в ужасных бытовых условиях. Задавленные крепостническим гнетом, при исключительном трудолюбии, большинство крестьян села обречены были на постепенное вымирание. Несмотря на это, из среды крестьян мордвы, даже этого крепостного села, в связи с ростом товарно-денежных отношений, в 40 гг. XIX в. выделилась так же, как и в других селах, зажиточная верхушка.

[1] И. В. Селиванов, Мордва. 1. Прошедшее. 2. Настоящее.—Журнал землевладельцев, т. 2, № 8, отд. 66; т. 3, № 11, отд. 6, М. 1858 г.

Таким образом, мы приходим к выводу, что появление русских в мордовском крае началось задолго до татаро-монгольского завоевания, и оно продолжалось вплоть до XIX в. Это заселение происходило, во-первых, путем переселения сюда, так называемых «вольных переселенцев», бежавших от тяжелого крепостнического гнета из центральных районов России, к которым мордва не питала никакой ненависти, принимала их в свою среду, и, во-вторых, путем раздачи и «пожалований» мордовских земель с населением служилым поместным дворянам, боярам и детям боярским. Путем такого рода «пожалований» многие мордовские селения и сделались крепостными. Служилые дворяне-помещики переводили сюда своих крепостных русских людей и из центральных районов России, от чего увеличивалось в Мордовии число русского крепостного населения, которое также жестоко эксплоатировалось помещиками.

П. Д. Степанов,
кандидат исторических наук.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МОРДВЫ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

1

Вопрос, который нам предстоит разрешить, не новый. Его так или иначе пытались разрешить представители различных научных дисциплин—историки, лингвисты, этнографы, археологи и антропологи, но эти работы или устарели, или построенные на старых материалах, были часто тенденциозными. Они часто базировались на положениях официальной историографии, касающейся общей истории русского государства и потому давали неправильное освещение вопроса. Многие из указанных работ неправильно, порой извращенно, представляли исторический процесс вообще и историю мордовских и восточнославянских племен, в частности. Во многих работах прошлого нашли отражение господствовавшие ранее теории: теория миграции, теория заимствования и т. п.

Есть работы, рассматривающие взаимоотношения мордвы с восточнославянскими племенами как исключительно враждебные, обусловленные существовавшей будто бы национальной ненавистью и враждой. Есть работы, утверждающие, что имела место глубокая и широкая ассимиляция мордовских племен восточнославянскими племенами. Есть работы, утверждающие преобладание «финской» крови у великоруссов и т. п.

Можно, следовательно, сказать, что старая историческая, археологическая, этнографическая и лингвистическая литература, касающаяся мордвы, изобилует часто не научными суждениями и построениями.

Многие ошибочные суждения, несомненно, являются следствием отсутствия необходимых материалов, поэтому

наша оценка допущенных ошибок не может быть одинаковой, уравнительной. Чтобы избежать указанных недочетов в своей работе, мы обязаны использовать все то, что в настоящее время советская наука дала нового и, что является положительным в работах предшествующей эпохи. Начнем с характеристики состояния изучения восточнославянских племен.

Характерной чертой всех позднейших работ, касающихся восточнославянских племен, является утверждение автохтонности этих племен на занимаемой территории с древнейших времен. Раздвинулись исторические рамки Киевского государства, вопреки утверждению русских летописцев, до VIII в. н. э. Привлечение археологического материала, который устанавливал непрерывность исторического процесса в районе Дунай —Днепр, позволило раздвинуть исторические рамки еще глубже и, таким образом, включить в орбиту изучения историков, объединение антских племен, которые являлись, несомненно, восточнославянскими племенами, обитавшими в Поднепровье.

Исследование археологических памятников более северных племен, живших в районе юго-восточных берегов Балтики, позволило историкам утверждать, что венеды — также союз славянских племен, которые продвинулись несколько позднее в Поднепровье.

Таким образом, установлена необходимая преемственность и связь восточнославянских племен IX — X вв. с обитателями Поднепровья в докиевский, докняжеский период, т. е. в IV—VIII вв. н. э.

Углубление археологических изысканий позволило поставить на разрешение проблему Верхне-Волжских, Окских городищ, т. н. Дьякова типа. По мнению некоторых исследователей не вызывает сомнения принадлежность некоторых из этих памятников далеким предкам славянских племен, занимавших в I-м тыс. до н. э. районы по Верхней Волге, Оке и ее притокам[1].

Одновременно на юге развиваются культуры: скифские, сарматские, среди которых историки усматривают элементы культуры поздних восточнославянских племен — земледельцев и скотоводов («поля погребений»)[2].

---

[1] П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М. 1948 г., стр. 49—57.
[2] Там же.

Советские ученые далее устанавливают закономерность в распространении, т. н. «трипольской культуры», на грани неолита и эпохи бронзы, на той же территории, где впоследствии веками проживают славянские племена в широком смысле. При этом устанавливается не внешняя формальная, только территориальная связь, а внутренняя связь, как в области материальной культуры, так и в области социальной. Это был комплекс земледельческо-скотоводческой культуры.

Делаются попытки установить преемственную связь культуры восточнославянских племен с этими, чрезвычайно древними племенами, жившими во II тыс. до н. э. Данные советской археологии подтверждают указанную схему в значительной степени. Но не все еще в этой схеме бесспорно доказано и подтверждено соответствующими материалами. Есть еще разделы, слабо разработанные и не объясненные из соответствующих фактических материалов. К числу таких пробелов следует отнести раздел, включающий памятники эпохи бронзы.

На севере же устанавливается преемственная связь культуры населения городищ Дьякова типа с культурой «ямочно-гребеночной», по характеру неолитической. Это был комплекс охотничье-рыболовческой культуры.

Делаются попытки установить преемственную связь культуры восточнославянских племен и с этим лесным охотничье-рыболовническим комплексом. Но эти попытки, по нашему мнению, пока мало удачны.

Указанная выше концепция развития, формирования восточнославянских племен до времен летописных, чрезвычайно близка концепции формирования и развития мордовского народа. Здесь путь развития был, несомненно, тот же, т. е. от матриархальных родов и племен эпохи неолита, от охотничье-рыболовческого хозяйства, до родов и племен патриархальных, племен скотоводческих и земледельческих, собственно мордовских: эрзи, мокши, а также предположительные муромы, мещеры[1].

Помехой в правильном понимании славянской этногонии было то, что многие из последних работ советских ученых строились на данных т. н. «нового учения о языке» Н. Я. Марра, которое является не марксистским.

---

[1] П. Д. Степанов, К вопросу о происхождении мордвы. Записки № 3. 1940 г.

Тов. Сталин показал всю несостоятельность «нового учения о языке» Н. Я. Марра. В гениальном труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» имеется указание, каким путем следует разрешать проблему этногонии. Мы сошлемся на некоторые места работы т. Сталина, где говорится о необходимости изучения «групп (семей) языков» и где отрицается «скрещение» языков по-марровски, т. е. с появлением «третьего языка».

Имея ввиду эти и другие указания т. Сталина, а также помня, что восточнославянские племена относятся к одной системе языков, а древнемордовские племена — к другой, мы вправе искать уже в древности какую-то подоснову для образования тех и других племен, различную по своему характеру. Об этом как раз и говорят данные археологии. С одной стороны,—трипольцы-земледельцы и скотоводы, а с другой,—племена «ямочно-гребенчатой керамики»—племена лесных охотников-рыболовов. На широкой площади распространения первых, мы впоследствии видим семью славянских языков, а на широкой площади распространения вторых—семью финно-угорских языков, в том числе и мордовского.

Однако археологические материалы говорят не только о различиях культурных комплексов, но и о некоторых общих чертах быта. Чем это можно объяснить?

В дославянский и домордовский период общность культурных явлений обусловлена близостью условий существования и развития древних племен.

Этих общих черт в развитии никак нельзя забывать, когда мы решаем проблему о причинах общности культурных явлений у мордовских и восточнославянских племен. Несмотря на сравнительно большие этнические различия между теми и другими в наши дни, что обусловлено историческими обстоятельствами сложения и формирования восточнославянских и мордовских племен, мы находим в культуре тех и других значительное количество элементов близких друг другу, что обусловлено общностью черт развития в глубокой древности.

Но чем ближе к нашему времени, тем меньше наблюдается этой этнической общности между восточнославянскими и мордовскими племенами. Все больше и больше появляется национальных различий, которые в наши дни дали национально-русскую культуру и национально-мордовскую культуру.

Предстоит решить вопрос о начале этнической дифференциации древних племен, которая, по нашему мнению, началась

еще в эпоху бронзы, в связи с переходом к патриархально-родовому строю, к широкому развитию скотоводства и земледелия. Начавшийся в это время процесс уже дифференцировал древнейшие племена в отношении их этнического облика (культуры: Сейминская, Абашевская, Срубно-хвалынская, Средне-Днепровская, Фатьяновская и м. др.).

Нечто большее можно наблюдать в начальные века применения в лесной полосе железа, т. е. VIII—VII вв. до н. э.[1].

Археологические памятники этой эпохи — городища, получили весьма широкое распространение территориально и во времени. Территориально городища в восточной Европе распространены от Балтийского моря до Уральских гор и от Карелии до Кубани. Все речные системы этой громадной территории—Волги, Западной Двины, Немана, Западного Буга, Днестра, Днепра, Дона и Кубани имеют более или менее значительное количество памятников этого типа.

На указанной выше территории мы встречаемся с городищами, возникшими еще в начале железной эпохи, в первые века нашей эры и в конце 1-го тысячелетия н. э. Таким образом, около двух тысячелетий на территории Восточной Европы существовал этот вид памятников, меняя, правда, в деталях формы и меняя свое назначение, т. е. идя от больших городищ—укрепленных поселений до небольших крепостей, где укрывалось окрестное население в период опасности или до «детинцев», где проживал хозяин и владыка (феодал) данного населенного пункта.

Ясно, что принадлежали многие из указанных городищ предкам разных племен, в том числе предкам восточных славян и мордвы.

Археологические материалы позволили П. Н. Третьякову классифицировать часть указанных памятников по времени и территориально. В результате у него получилось 10 локальных групп на начало нашей эры, которые можно объединить в группы: Верхне-Днепровских, Окско-Верхне-Волжских, Окско-Средне-Волжских и группы Южную и Западную. Из этих групп Верхне-Днепровская или «северно-сарматская» тесно соединялись с юго-запада со второй группой — Окско-Верхне-Волжской. Как та, так и другая объединяли племенные группы, имевшие некоторые различия, которые, по словам П. Н. Третьякова, послужили основой для деления на группы

[1] П. Н. Третьяков, Некоторые вопросы этногонии восточн. славянства. Краткие сообщения в. V. М-Л. 1940 г., стр. 12.

северных восточнославянских племен, с одной стороны, и мордовских, муромских, мерянских,—с другой. Третья группа, которую мы назвали Окско-Средне-Волжской включала группу мордовских и других племен Среднего Поволжья. Несомненно, что такое многообразие памятников и «локальных» групп свидетельствует о дальнейшей племенной дифференциации.

Если мы возьмем племена Дьяковцев и Городецких, жившие по соседству, то и о них мы должны будем сказать, что они отличились одни от других не только культурным комплексом, о чем непреложно говорит археологический материал, но, видимо, и языком.

Указание т. Сталина, что развитие идет «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей», подтверждает наш тезис о племенной дифференциации. В другом месте у т. Сталина говорится: «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»[1]. В применении к мордовскому или русскому языку это значит, что они имели различия и своеобразие уже в тот период, когда господствовал племенной строй с племенными языками.

Процесс формирования языков, а также племен и народностей не был односторонним—только в сторону дробления. Имели место и факты консолидации, слияния, скрещения. Для нас важно было подчеркнуть наличие дифференциации.

Теперь перейдем к установлению фактов общения о чем говорят многочисленные однородные вещи у племен Средне-Волжских, в том числе и мордовских и Поднепровских, т. е. восточнославянских.

Значительная общность культуры у племен указанной территории, которые характеризуются П. Н. Третьяковым как «лишь недавно вступившими в период варварства»[2], свидетельствует о единстве процесса общественно-экономического развития. Но общность культурного комплекса могла быть и была также результатом общения этих племен. Об общении лесных и скифских племен говорит Геродот, отмечая, что у некоторых из этих племен были «скифские обычаи». Об объединении лесных племен со скифами также говорит Геродот, повествуя о совместной борьбе с войсками персидского завоевателя Дария.

[1] И. В. Сталин, Относительно марксизма в языкознании, стр. 23.
[2] П. Н. Третьяков, Краткие сообщения V, стр. 15.

Имеются следы общие и в материальной культуре. Как на городище «Ош Пандо»[1], так и в памятниках т. н. «зольничной культуры»[2] в левобережьи Днепра, мы имеем близкие вещи в виде «рогатых кирпичей» или грубых грушевидных пряслиц.

Каков характер общения этих племен? Общение могло быть враждебное, о чем свидетельствуют укрепления на городищах, но могло быть и дружественное. О последнем говорят однородные предметы у тех и других племен, торговые связи, отмечаемые Геродотом, объединения для совместной борьбы с общим врагом[3].

По нашей классификации это был первый период — 1-е тыс. до н. э.—общения, правда, не очень ясный, с небольшим количеством конкретного материала, но все же позволяющий ставить вопрос об общении предков древнемордовских племен с предками восточнославянских племен.

Таким образом, отвечая на основной вопрос своей темы, мы можем сказать, что еще в очень отдаленное время (1 тыс. до н. э.) существовало тесное взаимообщение между предками мордовских и восточнославянских племен.

II.

История племен и народов, населявших Восточно-Европейскую территорию в начале 1-го тысячелетия н. э. чрезвычайно многообразна и богата событиями. В это время многие народы и племена активизировались в сторону большей консолидации, в сторону образования более крупных союзов племен или с целью нападения на соседей, или с целью обороны против агрессивных действий соседей. В это время на территории Восточной Европы возникают такие объединения племен, как антский союз восточнославянских племен, ведущий усиленную борьбу с Византией. В это же время возникает и кратковременно существует неопределенная готская держава Германариха, временное и непрочное военно-административное объединение, к которой приложимо определение т. Сталина: «конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»[4]. В это время проникают в южнорусские

[1] П. Д. Степанов, Материалы раскопок. (Не опубликовано).

[2] И. И. Ляпушкин, Поселения зольничной культуры (скифов — пахарей)... Советская Археология. XII. М-Л. 1950 г., стр. 41.

[3] В. В. Латышев, Известия древнейших писателей о Скифии и Кавказе. т. 1. СПБ. 1890 г., стр. 46.

[4] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950 г., стр. 10.

степи гуннские орды Атиллы, захватывая в своем движении на запад ряд одних и сдвигая со своих мест ряд других племен. Это было время формирования новых этнических образований, часть которых является прямыми предками современных народов, живущих в пределах Советского Союза, «племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались» — как говорит товарищ Сталин[1]. В это время фиксируются в литературных источниках многие новые наименования народов, ставшие впоследствии их постоянным наименованием, таковы: „Mordens“ и „Merens“.

Следствием всех этих передвижек, перемещений, объединений, разгромов было то, что возникает примерно то размещение народов на Восточно-Европейской территории, которое мы отраженно наблюдаем у древнерусского летописца.

Восточнославянские племена, современные ученые считают уже существующими в самом начале н. э., правда, еще в виде «антов», расположившихся в Среднем и Нижнем Поднестровье и Поднепровье, на тех же местах, где древние авторы указывали скифов—пахарей и в виде «венедов», живших в Прибалтике.

Проф. Б. Рыбаков, опираясь на археологические материалы, хорошо обосновывает не только близость, но и преемственность антской, — фактически восточнославянской, — культуры, от этих скифских земледельческих племен. «Чем внимательнее вглядываешься в быт, хозяйство, язык, религию и искусство скифов-пахарей среднего Поднепровья и славянских племен этих же мест, тем больше и больше открывается сходных черт, свидетельствующих о глубоких родственных связях русского населения Киевщины, Переяславщины, Полтавщины в X—XIII вв. с земледельческими племенами скифов. В глубокой древности на плодородных берегах Днепра закладывались основы той культуры, которая у позднейших авторов получила название славянской. Усиление связей с соседями на западе и на северо-востоке привело к значительному расширению области этой культуры, языка и бытовых черт»[2].

Выводы проф. Рыбакова принимаются, как вполне обоснованные, в работах акад. Б. Д. Грекова и акад. И. С. Державина.

[1] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950 г., стр. 22.

[2] Б. Рыбаков, Ранняя культура восточных славян. Историч. журнал № 11—12, 1945 г., стр. 74.

Последние достижения советской исторической науки позволяют нам включить в научный оборот новые материалы и по-новому осмыслить многие старые, которые старой историографией увязывались с так называемой «готской культурой».

Характерно то, что древности т. н. «готского стиля» имеют наибольшее распространение как раз в Среднем Поднепровье, т. е. на территории исконно славянской.

Благодаря исследованию Б. Рыбакова нам известно, что некоторые типы предметов рассматриваемой категории—треугольные ажурные фибулы, лунницы, встречаются только в Среднем Поднепровье, главным образом, близ Киева, где они развились из римской провинциальной фибулы II—III вв. т. н. «венедского типа»[1].

Наиболее важно для нас утверждение автора, что «в небольшом количестве эти вещи проникали с берегов Днепра на север, в бассейн Оки и Верхней Волги»[2].

Далее выясняется, что предельная дата эмалей—V в., «когда они исчезают по всей Европе», что «область их распространения прилегает к северной границе Римской империи и совпадает с зоной широкого распространения римских монет».

И последнее, что констатируется: «Ни в одном из так называемых «готских» комплексов «выемчатые эмали не встречены, и связывать их с готами у нас нет решительно никаких оснований»[3].

Мы уделили внимание антскому и «готскому» вопросу потому, что без его уяснения, без знакомства с новыми материалами и новыми толкованиями по этому вопросу нет возможности правильно оценить взаимоотношения мордовских и восточнославянских племен в 1-м тысячелетии н. э.

До сего времени т. н. «готские вещи», находимые в древнемордовских могильниках, использовались как документирующий материал для подтверждения легенды Иордана о том, что „Mordens" —мордва, входила в состав империи Германариха, т. е. мордва будто бы поддерживала теснейшие взаимоотношения с «готами». Рассуждения подобного рода мы находим не только в работах старых историков, но и некоторых новых.

Теперь есть все основания для того, чтобы говорить твердо и определенно о теснейших связях мордовских племен, обитавших в Окско-Волжском районе, не с «готами», а со славянскими племенами, обитавшими в Среднем Поднепровье и имевшими свои населенные пункты в верховьях Оки, Донца и Дона[1]. Между славянскими и мордовскими племенами не было других разобщающих народов, лишь одна природная обстановка их разделяла в 1-м тысячелетии н. э.

[1] Б. Рыбаков, Ранняя культура восточных славян. Историч. журнал № 11—12, 1945 г., стр. 76.
[2] Там же.
[3] Там же.

Ввиду отсутствия документальных письменных данных, мы не имеем возможности подробно и конкретно говорить о формах общения или о столкновениях мордовских и восточнославянских племен в 1-м тысячелетии н. э., но факты взаимообщения нашли свое отражение в вещевом материале, который археологи во множестве находят в древнемордовских могильниках.

Здесь нельзя обойти молчанием тот факт, что восточнославянские и мордовские племена пережили, по определению Б. Рыбакова, «римский период» (II—IV в. н. э.). Это значит, что обе группы племен подвергались воздействию римской культуры. Для славянских племен Б. Рыбаков отмечает факт заимствования у римлян меры сыпучих тел[2]. Для мордовских племен это—время проникновения к ним отдельных вещей римского типа, например, фибул. В Окский район доходили также в значительном числе и римские монеты. У д. Кулишейки, Рузаевского района, МАССР были найдены 2 римские серебряные монеты Фаустины старшей и Марка Аврелия[3].

Позднее, видимо, к мордовским племенам поступают вещи из Среднего Поднепровья от восточнославянских антских племен, о которых Б. Рыбаков говорит: «Вещественные памятники свидетельствуют, что культура, созданная в VI столетии антскими племенами, послужила основой для Киевского государства, для богатой и яркой Руси...»[4].

Посмотрим как размещались восточнославянские и мордовские племена, чтобы яснее представить условия и обстановку общения и связей.

Предварительно определим границы распространения мордовских племен, на основе учета археологических памятников I тысячелетия н. э. П. П Ефименко в своей работе «К истории

[1] Древнерусские поселения на Дону. Мат. и иссл. по археол.СССР. № 8. М. 1948 г.
[2] Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси. М. 1948 г., стр. 43.
[3] Отчеты имп. арх. ком. за 1897 г.
[4] Б. Рыбаков, Ранняя культура восточных славян. Историч. журнал № 11-12, 1945 г.

западного Поволжья в первом тысячелетии н. э.»[1] утверждает, что главная масса ранних могильников «расположена по среднему течению Оки». Но часть памятников лежит за пределами Окской долины и Окского бассейна—это Кошибеевский могильник; Кадомский могильник на р. Цне и Мокше; Сергачский и Иваньковский могильники на нижнем течении р. Суры и Армеевский могильник на верховьях р. Суры.

В указанный выше перечень могильников следует включить и два бытовых памятника: Армеевское селище и городище «Ош Пандо», находящиеся на р. Суре.

П. П. Ефименко далее указывает, что древнемордовские могильники «До течения Дона не доходят» и «на Оке к западу от впадения в нее р. Москвы», также не заходят.

Что касается нижнего течения р. Оки, то здесь, по словам Ефименко, могильники появляются не ранее VII в. и уходят в более близкие к нам столетия.

Внутри очерченной нами территории: на западе—течение р. Оки до впадения в нее р. Москвы; на севере — р. Клязьмы и устье р. Оки; на востоке—течение р. Суры; на юге—верхнее течение р. Суры и р. Цны, мордовские древности имеют некоторую группировку, отмеченную еще в работах Ефименко. Он, например, выделяет особую группу «Рязанских могильников—Борковский, Кузьминский, Курманский, Шатрищенский и другие; группу Муромских могильников: Максимовский, Новленский, Корниловский, Подболотьевский и другие; группу Тамбовских могильников: Кошибеевский, Серповский, Кадомский и другие. Мы выделяем группу Сурских могильников: Армеевский, Сергачский, Иваньковский, сюда же «Ош Пандо» — городище.

Несмотря на некоторые различия в вещевом материале всех указанных памятников, что может объясняться не только некоторыми этническими различиями, но хронологическими рамками, они имеют много общего, как в характере захоронения, так и в значительной части вещевого материала. Это говорит о принадлежности всех этих памятников однородной группе племен, которую мы называем мордовской.

Вещевой материал из древнемордовских могильников чрезвычайно богат количественно и разнообразен по качеству. Особенно богаты вещами женские могилы. При костяках в боль-

[1] П. П Ефименко, К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. Совет. Археолог. № 2, 1937.

шом количестве встречаются вещи, относящиеся, главным образом, к одежде и украшениям. И здесь мы встречаемся со множеством вещей, которые были широко распространены в Поднепровье у антских—славянских племен[1].

В альбоме «Древности мордовского народа» представлены наборы вещей из древнемордовских могильников бассейна реки Оки и Цны. В сопровождающем рисунки тексте неправильно говорится о «готском типе» некоторых вещей, которые на самом деле были славянскими.

В Борковском и Кузьминском могильнике мы находим целый ряд вещей, пришедших к мордве со стороны, главным образом, юга и юго-запада. Например, табл. XIV—№№ 4, 9, 6, 8, 14, 15 содержит рисунки фибул — застёжек; табл. XV № 2 лунница и № 5 сюлгама—застежка с выемчатой эмалью красного, зеленого цвета; табл. XVI №№ 4, 5, 6, 7, 9, 11, 14, 15,—поясные бляжки табл. XX № 9 фибула, №№ 12, 13, 15, 16—пряжка; табл. XXI № 16 пряжка того же типа: табл. XXII № 4 фибула, № 1, 3, 6, 9, 12 — пряжки того же типа. Указанные вещи не единичны.

Эта группа могильников является наиболее ранней, следовательно, наиболее близкой по времени, существованию антского союза, восточнославянских племен и наиболее западной, следовательно, наиболее близкой территориально к антской территории.

О путях и способах связи между мордовскими и восточнославянскими племенами мы скажем ниже. Сейчас же посмотрим, какое положение с вещевым материалом в более восточных мордовских могильниках древнейшего периода.

В Кошибеевском могильнике в ряде могил также обнаружены славянские вещи. «Все поясные пряжки, найденные в мужских и женских погребениях Кошибеевского могильника, принадлежат к этому типу»[2].

Тоже следует сказать о золоченых бусах из этого могильника, которые имеют аналогию также на юге среди древностей Северного Кавказа. На табл. VII № 5 изображена фибула, найденная в мужском погребении № 75, аналогичная вещь, но железная, найдена при погребении № 79.

На табл. IX № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 18, 12, 17 — фибулы. На табл. XI № 2, 3, 4, 7, 9, 10, 17, 18, 12, 8, 14, 15 такого же

[1] Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси. 1948 г.
[2] Древности мордовского народа, стр. 66.

типа вещи. На табл. XIII миллефиорные бусы близки южным древностям. На табл. XII № 26, 21—фибулы.

В самом юго-восточном древнемордовском могильнике — Армеевском, мы также имеем немало славянских вещей. Среди нагрудных блях, найденных при погребениях №№ 50, 56, 127, 70, также имеются формы близкие южным. Поясные пряжки, которые обнаружены в могильнике в количестве более 50 штук, все относятся к типичным «позднее — сарматским», они имеют параллели на юге.

Фибул в Армеевском могильнике найдено всего 1 экземпляр, но и тот является типично славянским. Интересны параллели к трапецевидным подвескам, найденным во многих могилах Армеевского могильника.

Аналогично положение с найденной в могильнике пирамидальной подвеской. Такого же типа вещи были найдены на юге в Приднепровье и в Мощинском кладе на Оке.

Следующий предмет, найденный в Армеевском могильнике в количестве 5 штук, —лунница, ведет нас прямо к славянским древностям, правда, более поздним. Поэтому можно думать о проникновении этого типа вещей не от славян к мордве, а наоборот, или же об одновременном проникновении этого типа вещей из сарматского мира к восточнославянским и мордовским племенам.

Вновь открытый нами памятник—городище «Ош Пандо» в восточной части МАССР, датируемый VI—IX вв. н. э., дал немало вещей южного и юго-западного происхождения. Был найден обломок т. н. «перекладчатой» фибулы с эмалью, которые типичны для Поднепровья и были распространены там в IV в. н. э. Некоторые найденные пряжки близки пряжкам из Перещепинского клада с Днепра. Было найдено много пряжек из бронзы и железа, аналогичных Армеевским.

Вещи с этого памятника представляют очень большое значение для выяснения истории древнемордовских племен, но работа по изучению их только еще начата.

Среди вещей Иваньковского могильника, открытого на нижней Суре, так же были найдены вещи в виде пряжек, шейных гривн и т. п., знакомых Приднепровских типов.

Таким образом, говоря о 1-м тысячелетии н. э., мы можем утверждать, что между восточнославянскими и мордовскими племенами существовало тесное общение, следствием чего является проникновение многочисленных вещей восточнославянского типа к мордовским племенам, обитавшим в непосредственной близости от территории этих племен по рекам Оке, Цне, Мокше, Суре. Значительное количество находок указанных вещей в древнемордовских могильниках можно объяснить только как следствие мирного общения, как следствие обмена, осуществлявшегося по Окско-Днепровской и Окско-Донской водной системе [1] и сухопутным путям.

Племена Поднепровья, в силу ряда исторических причин, имевшие в это время более высокое развитие производительных сил, более высокую технику производства, имели полную возможность снабжать своей продукцией лесные охотничье-скотоводческие мордовские племена Окско-Сурского бассейна.

Связь шла по пути с Днепра на Оку, который с давних пор был известен тем и другим племенам и им же впоследствии пользовались булгарские купцы.

Таким путем мы считаем: Днепр, Десну, Сейм, Свапу, Самодуровское озеро и реку Оку. Этот же путь и его значение устанавливал С. Соловьев[2] в своей работе. Путь этот имеет много положительных сторон и в том числе главную—то, что суда не нужно было переправлять через волок. Большую роль играло Самодуровское озеро, откуда брали начало реки: Спа, впадающая в Сейм из Днепровской системы и р. р. Очка—верховье Оки, Снова и Сновка — из Окской системы[3].

В районе указанного выше водного пути, близ с. Тездилова Фатежского у., Курской губ., были найдены арабские диргемы 772 гг. и 703 года. Возможно, что из этого же района происходит римская монета Фаустины (ум. в 174 г. н. э.).[4]

Было бы, однако, большой ошибкой говорить о связях мордовских племен только с восточнославянскими в 1-м тыс. н. э. Несомненно, что в этом тысячелетии мордовские племена поддерживали тесные экономические связи с югом—с Приазовьем, с Хозарской державой, от которой одно время древнемордовские племена находились в зависимости и даже считались, как и некоторые восточнославянские племена, в составе этой державы.

---

[1] См. карты в работе Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси».
[2] С. М. Соловьев, Ист. русск. гос. т. 1, стр. 28. Изд. общ. «Польза».
[3] А. Орлов, Истоки рек Оки, Свапы, Сновы и Сновки — Труды, Курск. губ. уч. арх. комис. в. 1, Курск., 1911 г., ч. 1, стр. 134.
[4] Там же, стр. 136 — 137.

Поход Киевского князя Святослава, несомненно, освободил не только вятичей, но и мордовские племена от Хозарского владычества.

Из вещей, найденных на городище «Ош Пандо», некоторые имеют прямые аналогии среди вещей Северно-Кавказских памятников (Чми, Кумбулта и др.). Мы имеем ввиду нагрудные бляхи, височные привески и другие предметы.

Вышеизложенные обстоятельства заставляют нас говорить о том, что в 1-м тысячелетии н. э. мордовские племена были обращены, если можно так сказать, лицом к югу, к центру того государственного объединения—хазарами в составе которого они находились, одновременно поддерживая тесные сношения с восточнославянским миром.

Длительный срок, к которому относятся все указанные нами памятники, подтверждающие наличие связей и общения не позволяют утверждать, что на всем протяжении столетий между восточнославянскими и мордовскими племенами были одинаковые, ровные, мирные отношения. Были, несомненно, и столкновения, но это не повело к порабощению мордовских племен. Причин этому несколько. Во-первых, когда у восточнославянских племен продолжал господствовать племенной строй, не могло быть речи о завоевании и порабощении. В эти периоды возможны только грабительские походы, которые иногда вели к истреблению мужчин и захвату женщин. Могли быть походы за пленниками, которых затем могли продавать в страны рабовладельческие. Но как в первом, так и во втором случае условия борьбы были равны — выступало племя против племени.

Во-вторых, как восточнославянские племена, именно Поднепровская группа, с которой больше всего было связей у мордвы, так и мордовские племена находились в зависимости от Хазарского кагана и входили в состав Хазарской державы. Общая зависимость, несомненно, порождала общее стремление тех и других племен к освобождению от ненавистного ига хазарских владык. Восточные славяне осуществили дело освобождения путем объединения племен и создания затем государства — Киевской Руси, а мордва позднее была освобождена от Хазарского владычества победоносными походами Святослава.

Однако победы Святослава над хазарами не означали порабощение для народов, входивших когда-то в Хазарскую державу и свидетельство недатированной части «Начальной

летописи», где говорится об уплате дани мордвой киевским князьям, не соответствует действительности и является позднейшей вставкой.

Культурно-бытовой комплекс, характеризующий восточнославянские и мордовские племена, имеет чрезвычайно много общего, например: способы захоронения, в частности трупосожжение; общий характер вещевого материала; религиозные верования—Перун—бог грома у славян, Пургине—бог грома у мордвы и т. п.; общественный строй — родовой быт в тех формах, что пережиточно отмечен в русских летописях—«Живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим»[1] и т. п. О значительном количестве параллелей говорит С. М. Соловьев в своей «Истории России» (т. 1, кн. 1, СПБ).

Но описываемые племена вместе с тем отличались формами погребения. Если у племен, оставивших городища Дьякова и Городецкого типа, погребальный обряд, повидимому, был приблизительно таким, как его рисует русская летопись, т. е. «на столбах», «на путях», от которых до нашего времени ничего не сохранилось, поэтому мы и не имеем погребений, относящихся к эпохе городищ, то в начале 1 тысячелетия н. э. у мордовских племен мы имеем уже «рядовые» могильники.

Резюмируя сказанное, мы можем, следовательно, сделать вывод о том, что в докиевский период между восточнославянскими и мордовскими племенами существовало теснейшее общение дружественного характера, оставившее следы взаимовлияния в древней материальной культуре.

Об этом периоде можно сказать, что вещевой комплекс мордовских племен ярок, богат, разнообразен и во многом не уступает комплексу восточнославянских племен. Но экономика восточнославянских племен и их социальный строй были развитее. Земледелие и скотоводство — основа жизни восточнославянских племен, дали возможность им подняться на более высокую ступень экономического и социального развития, чего мы не наблюдаем у мордовских племен, оставшихся по-старому охотниками, бортниками, рыболовами, скотоводами и, отчасти только, ставших земледельцами.

III.

Третий период взаимоотношений восточнославянских и мордовских племен падает на IX—XII вв. н. э., когда сла-

[1] «Повесть временных лет». ч. I. М-Л, 1950 г., стр. 12.

вянские племена образуют древнерусское государство—Киевскую Русь, а мордовские племена входят в состав Хазарского царства, и позднее в состав Булгарского царства.

Новые политические объединения—государства с феодальной основой, возникшие на территории Восточной Европы, определили особый характер дальнейшей истории мордовских племен. Характерными чертами этой эпохи является не только процесс возникновения и развития феодальных отношений, но и возникновение и развитие новых этнических образований. Происходит процесс межплеменной консолидации восточнославянских племен, скрещение культурных комплексов в пределах определенных феодальных территорий, ассимиляция или вытеснение некоторых племен. На этнографической карте этого периода исчезают как племенные территории восточнославянских племен, так и территории некоторых соседних племен, нашедших место лишь у летописца «Повести временных лет» в вводной части — мери, муромы, мещеры и других.

Эти общие характерные черты эпохи мы должны иметь ввиду при решении поставленной нами проблемы. Характер взаимоотношений и взаимосвязей будет совершенно иным по сравнению с предыдущими эпохами, но остальное, что мы установили для ранних периодов, а именно—тесное общение мордовских племен с восточнославянскими—остается в прежней силе, хотя и появляются количественные ограничения, обусловленные нахождением мордовских племен Мокшанско-Сурского междуречья в подчинении Камских булгар.

Археологические памятники этой эпохи у славянских и у мордовских племен различны. Начнем с захоронений. У славянских племен применяется часто трупосожжение, но есть и трупоположение, причем погребаемый кладется часто на землю и сверху насыпается курган. Иногда остатки сожжения кладутся на земляное возвышение и сверху осыпаются курганом. У мордовских племен употребляется по преимуществу трупоположение в неглубоких могилах на родовых кладбищах, без насыпки курганов, но есть и трупосожжение. Это различие в приемах захоронения позволяет нам отчетливо обрисовать границы распространения тех и других племен в эту эпоху.

Одним из основных документов для установления границ размещения племен в это время является русская летопись. Однако большое значение имеет размещение археологических памятников, что прекрасно корректирует неполные и часто общие указания летописей.

Для своей работы мы воспользуемся данными о размещении славянских племен—соседей мордовских племен (эрзи, мокши), оставляя в стороне другие, более далекие территориально племена. Таким образом, нас должно интересовать размещение вятичей и кривичей. Однако это не значит, что мордовские племена общались только с этими двумя племенами. Вещевой материал мордовских могильников уводит нас параллелями ко многим другим славянским племенам. Но наибольшие следы общения, естественно, предполагать у непосредственно соседящих племен.

На карте № 3, приложенной к «Истории СССР» т. 1 вятичи располагаются на территории по верхнему течению р. Оки и южному берегу среднего течения Оки от впадения р. Москвы до поворота Оки к северу. Кривичи показаны обитающими на верховьях реки Москвы и по р. Клязьме до нижнего течения р. Оки. На низовьях Оки они показаны чересполосно с Муромой. Следовательно, оба эти восточнославянские племени показаны в непосредственном соседстве и даже в проникновении на земли мордовских племен. Сюда эти два летописных племени проникли, видимо, довольно рано. Можно думать, что их продвижение началось в VIII—IX вв., когда по словам П. Н. Третьякова, началось «движение северных и восточных племен в восточном и южном направлениях... особенно энергично протекавшее в VIII—IX стол...»[1].

Никаких документальных данных, характеризующих взаимоотношения вятичей и кривичей с мордовскими племенами не сохранилось, поэтому у нас нет оснований утверждать или отрицать факты враждебных столкновений. Документально известно одно, что по Оке кроме собственной мордвы жила «мурома» и «мещера», — вероятно так же мордовские племена, которых позднее мы не знаем. Археологи имеют возможность говорить о принадлежности археологических памятников VIII — IX вв., найденных на нижнем течении р. Оки, Мурома, но нет никаких видов памятников, которые можно было бы связать с мещерой. Оба эти племени не имеют живых представителей в числе народов СССР, следовательно, можно говорить об их полном исчезновении. Но куда могли исчезнуть целые племена? И какова причина исчезновения этих племен?

---

[1] П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства. Изв. Ак. Наук СССР. Серия ист. и фил. Москва, 1945 г., т. II, стр. 166.

Последнее обстоятельство послужило основой длительного и острого спора между отдельными учеными, которые занимались вопросами этногенеза русского населения Владимиро-Суздальского, а затем Московского княжества. Спор велся о происхождении великоруссов.

В работе Д. К. Зеленина «Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности»[1] говорится о том, что финны не участвовали в образовании великорусской народности и, что «обрусение» отдельных «финских» племен—явление позднейшего времени. В заключительной части работы автор говорит: «Все выше сказанное не решает, конечно, полностью вопроса о взаимоотношениях финнов и русских.

Но для нас теперь ясно, что ходячее мнение об обрусении целого ряда финских племен на самой заре русской истории создано нашими старыми историками без достаточных оснований на почве неудачного объяснения факта внезапного исчезновения со страниц летописи нескольких финских национальных племен. Никаких других, более серьезных доводов в пользу раннего массового обрусения финнов никем пока не представлено. Ни великорусская диалектология, ни великорусская этнография не находят в общевеликорусском говоре и быте сколько-нибудь значительных финских элементов»[2].

Взаимоотношения восточнославянских племен со своими восточными соседями автор расценивает как завоевательные. «...Мирная колонизация финского северо-востока русскими,— это легенда, созданная историками, не знавшими, как объяснить внезапное исчезновение племен мери, муромы и веси. Против такой легенды красноречиво говорят уже те многие десятки битв и войн, которые происходили между русскими и разными финскими племенами, вплоть до XVI в. включительно. Победа в этих битвах и войнах, за редким исключением, оказывается на стороне русских, и побежденные финны очень часто бегут, уступая свою страну победителям»[3].

Нам кажется, что автор здесь слишком сгустил краски и сделал обобщение, касающееся всех восточных соседей восточнославянских племен, хотя исторические факты не позволяют делать этих обобщений. К тому же никак нельзя оценивать как равноценные факты взаимных столкновений, например,

[1] Сборник Ленинград. об-ва исследов. культ. финно-угорских народн. (Лоикфун). 1, Ленинград, 1929 г.,
[2] Там же, стр. 96.
[3] Там же, стр. 105.

XII, XIV и XVI вв., ибо слишком различно существо Киевской, Ростовско-Суздальской Руси и Московского централизованного национального государства.

Совершенно противоположного мнения придерживался М. Н. Покровский: «финны не только были когда-то на территории будущей Великороссии—они там и остались, (подчеркнуто нами П. С.) и нельзя даже говорить об их «обрусении», как одностороннем процессе: они в достаточной степени финизировали своих поработителей»[1].

К сожалению, это суждение автора не подкрепляется никакими материалами, т. к. смехотворна ссылка автора на утверждение Любавского, с одной стороны, и нерусские наименования рек, речек и озер на указанной территории, с другой. Не это ли «финнизация поработителей»?

Далее у автора дается также совершенно неприемлемая интерпретация летописных сказаний о взаимоотношениях русских и мордвы в XII—XIII вв. Автор договаривается до того, что утверждает существование «мордовской федерации» в XIII в. и «политической самостоятельности» в XVI в.[2]

Все эти суждения—следствие недостаточно глубокого изучения фактического документального материала и тенденциозность автора, старавшегося показать не существующую на деле враждебность русских к своим соседям. На самом деле, взаимоотношения восточнославянских племен, позднее русских, с мордовскими племенами, носили совершенно иной характер. При этом не исключена возможность взаимного проникновения отдельных культурных черт с той и другой стороны, так же как не исключаются отдельные враждебные столкновения у отдельных групп. Но никакие документы не говорят нам о самостоятельной борьбе мордовских племен с русскими, так же как русские князья чаще ведут борьбу с камскими булгарами, а не с мордвой, как таковой.

Рассмотрим фактические данные, археологические в первую очередь. Выше мы остановились на вопросе о размещении восточнославянских племен вятичей и кривичей. К востоку от

[1] Сборник Ленинград. об-ва исслед. культ. финно-угорских народн. (Лоикфун). 1, Ленинград, 1929 г., стр. 107.
[2] М. Н. Покровский, Сборн. Историч. наука и борьба классов в. I. М-Л, 1933 г. Статья «Возникновение Московского государства» и «великорусской народности», стр. 271.

указанной выше территории находятся многочисленные мордовские могильники—муромские по нижнему течению Оки и мокшанско-эрзянские по р. р. Цне, Мокше, Пьяне. Коренные различия в характере захоронений позволяют четко установить границы распространения тех и других, а факт одновременного существования различий в похоронном обряде позволяет нам утверждать, что в это время национальные различия были чрезвычайно велики и ни о каком «обрусении» или «финизации» не может быть речи.

Что касается отдельных групп вещей, то здесь наблюдают тесное взаимовлияние, обусловленного тесным общением и, возможно, сожительством в пределах одного и того же феодального образования. Например П. Н. Третьяков, говоря о существовании на Оке в XI—XII в. «вятичского» феодального образования, утверждает, что «в состав его несомненно входило население, составлявшее в предшествующую эпоху не только вятичей, но и часть мордовских и мещерских племен»[1]. Как подтверждение этому он берет параллели в формах вятичских украшений, которые исторически увязывает с мордовскими, мещерскими и муромскими X — XI вв. Сюда относятся семилопастные «вятичские» привески, происшедшие из муромских височных подвесок; «вятичские» ажурные перстни, связанные с муромскими и мордовскими ажурными перстнями.

Мы только не можем согласиться с автором в том, что такая близость указанных типов вещей является следствием сожительства двух групп племен обязательно внутри одного, вновь образовавшегося феодального образования. Если теоретически это вполне верно, то конкретно видимо, следует сделать оговорку.

Дело в том, что согласно весьма глубокому исследованию П. П. Ефименко о Рязанских могильниках, население, оставившее эти могильники, примерно в VII—VIII вв., неожиданно и неизвестно куда изчезает с р. Оки. Тогда откуда, спрашивается, у П. Н. Третьякова в районе Рязани в X—XI вв. появляются мордовские и мещерские племена? Ответа на этот вопрос мы пока не имеем, если не считать гипотез о том, что эти жители ушли с занимаемых мест и присоединились к уграм, прошедшим, как известно, в VIII—IX вв. по южным степям на запад в современную Венгрию. Нам кажется, что

[1] Третьяков, Расселение древнерусских племен, стр. 45.

более вероятно другое объяснение исчезновения населения с Рязанского течения р. Оки.

Река Ока представляла в то время главный путь проникновения булгарских купцов в земли мордвы, находившейся в подчинении у камских булгар. Она же служила путем сообщения между Киевским Поднепровьем и Прикамьем. По Оке же стали затем продвигаться к востоку славянские племена вятичей. Здесь же происходили столкновения у киевских князей с вятичами, а затем и с племенами, входившими в состав булгарского царства. Можно думать, что булгары вынудили переселиться часть мордовских племен с угрожаемой территории за Оку к востоку, вглубь территории, подчиненной им. Это произошло отнюдь не мирным путем. Об этом возможно и говорится у арабских писателей IX в.[1]. Наше предположение о таком историческом факте, как выселение мордвы к востоку, не нашедшем отражения в документах, базируется на том, что многие древнемордовские могильники (Погибловский, Перемчалкинский, Кулеватовский—у г. Моршанска, Серповский, Лядинский, Томниковский) и Муромские могильники (Максимовский, Муромский и др.) расположены как раз или в глубине, или на окраине территории, подчиненной булгарам, все датируются не ранее VII века.

Чрезвычайно важно отметить такую деталь, как особую близость многих вещей Максимовского могильника, расположенного на нижнем течении Оки на Муромской территории, с вещами Лядинского могильника, расположенного далеко к югу, на верхнем течении р. Цны. Эта близость может объясняться двояко: племенной общностью или единством источника происхождения вещей, т. е. единством ремесленно-торгового центра.

У нас нет оснований отказывать булгарам в значительной доле активности как завоевателям. К тому же то был период, когда Камское булгарское царство проходило стадию формирования и размежевания с Хозарией и Русью. В последующие же столетия мы видим не меньшую активность булгар, нашедшую выражение в многочисленных столкновениях и войнах с русскими рязанскими, муромскими, владимиро-суздальскими князьями. Борьба велась за обладание водным Окским путем

[1] Д. А. Хвольсон, Известия о хазарах, буртасах... СПБ, 1869 г., стр. 19—21.

и прилегающей территорией. Следствием такой политики булгар было то, что все могильники мордвы,— основного населения долины р. Оки, оказались к востоку от р. Оки.

Характер зависимости мордвы от булгар был такой, что на мордовской культуре он сказался не очень сильно. Могильники мордвы этого периода попрежнему богаты вещами и очень разнообразными при этом. Среди вещевого материала лишь в самом небольшом количестве встречаются булгарского типа вещи и много вещей близких вещам восточнославянских племен.

Территория размещения указанных выше могильников позволяет нам утверждать, что в двух точках Приокского района мордовские племена имели непосредственно общение со славянскими племенами IX—XII вв., а именно: на нижнем, Муромском течении р. Оки, и на юге, в верховьях р. Цны и Воронеж. В районе нижнего течения Оки общение было с населением Владимиро-Суздальского и Муромского княжества, населенных главным образом кривичами, а на юге—с населением Рязанского и Черниговского княжества — населенных главным образом вятичами и отчасти северянами.

Какие же следы общения этих племен сохранили нам археологические памятники? В Лядинском могильнике (IX—XI вв.) найдены перстни, браслеты, лунницы, привески, топоры[1] таких же типов, какие встречены были у вятичей[2]. В Максимовском могильнике мы также имеем ряд вещей—височные привески, перстни—близкие русским[3]. Этот могильник интересен тем, что здесь мы рядом с мордовскими могилами встречаем могилы русских, что говорит о сожительстве тех и других.

Сократившееся количество вещей общих русским древностям Окского района и мордовским Окско-Сурского района находит себе объяснения в существовавшем отрыве мордовских племен от общения со своими западными соседями. И виновниками этого отрыва являются не русские или мордва, а Камские булгары. Это они в течение 2-х столетий, а, может быть, и больше борются за обладание р. Окой и ее притоками. Река

[1] Древности мордовского народа, табл. II-11, XIII-12, 14, 8, табл. III-8, табл V-7, табл. XIII-6.

[2] А. В. Арциховский, Курганы вятичей, стр. 28, № 19, стр. 75, № 58, 59, 60.

[3] Древности мордовского народа, табл. XXIV-4, табл. XXV-7.

Ока была нужна им как путь в пределы Киевской Руси, так и в пределы мордовских земель. Следы пребывания булгар мы можем проследить, как указывалось выше, до самого Киева по этому пути. На городище ст. Рязани в 1874 г. был найден клад арабских монет[1] и много единичных в разное время. Арабские монеты найдены в Лядинском могильнике, а также ведерко с арабской надписью.

Таким образом, мы констатируем отрыв мордовских племен от плодотворного русского культурного влияния, нанесший, несомненно, большой ущерб не только самим взаимоотношениям мордвы и русских, но повлекший за собой снижение культурного уровня мордовских племен. При всем кажущемся высоком уровне культуры Камских булгар, они не могли и не хотели, как победители, дать мордовским племенам, зависимым от них, тех необходимых культурных навыков, которые были у русских, и которые были гораздо ближе мордве, чем степная культура бывших кочевников—булгар.

Вследствие порабощения мордовских племен Камскими булгарами, экономика мордвы не получила дальнейшего развития и она осталась, несомненно, на уровне лесных скотоводческих, охотничьих племен, поставлявших «Буртасье»—меха лесных зверей, мед и воск своим поработителям, которые этот мех, мед и воск сбывали на далеких рынках юга и востока. В частности, не получило должного развития земледелие у мордвы, которое видимо, и в XII в. продолжало быть подсечно-мотыжным, а не пашенным.

Соответственно не получили должного развития и формы общественных отношений.

Первобытно родовой строй распадался, но еще не создана была материальная база для возникновения и развития той формы общественного строя, который стал господствующим у восточнославянских племен в Киевском государстве. Мы имеем в виду феодальные отношения.

Однако несмотря на то, что мордовские племена оказались более отсталыми в области общественных отношений, они были многочисленны, с твердо оформившимися этническими особенностями в области материальной культуры, в области

[1] А. А. Мансуров, «Древнерусские жилища». Исторические записки 1941 г., № 12, стр. 60.

языка и потому могли оказывать длительное и упорное сопротивление завоевательным тенденциям русских князей и эксплоатации Камских булгар.

Тов. Сталин говорит о большой устойчивости и колоссальной сопротивляемости языка «насильственной ассимиляции». Как раз один из примеров, подтверждающих это положение, мы видим у мордвы, которая не поддалась насильственной ассимиляции Камских булгар и хотя в лексике мордвы мы обнаруживаем ряд тюркских слов, язык мордовский от этого не потерял свой грамматический строй и основной словарный род.

Начавшийся отрыв мордовских племен от общения с русским заокским населением ещё более усилился в эпоху татаро-монгольского владычества над мордвой, когда была в корне подорвана экономика мордвы и последняя была порабощена надолго политически. Но документальные источники этого времени говорят нам о постоянном стремлении мордовских племен к общению с русскими для объединения усилий, чтобы сбросить ненавистное иго татаро-монгольских завоевателей. Это было осуществлено окончательно с середины XVI в.

Таким образом, можно считать, что многовековая история мордовских племен, нашедшая отражение в археологических памятниках разных эпох, содержит многочисленные факты то более тесного общения с восточнославянскими племенами в более отдаленные времена, то факты, говорящие о противоположном, т. е. об отрыве мордовских племен от общения с восточнославянскими племенами (русскими), что было не следствием вражды или собственного желания мордвы, а как следствие принуждения со стороны волжско-камских булгар, и затем татаро-монголов. Следствием этого отрыва явилась культурно-хозяйственная и социальная отсталость мордовских племен, которая позднее поддерживалась царским самодержавием, устранить которую мордовский народ получил возможность в результате Великой Октябрьской революции, как равноправный член великого Советского государства—СССР.

И. Д. Воронин,
кандидат филологических наук, доцент.

САРАНСКАЯ СТОРОЖЕВАЯ ЧЕРТА И ГОРОД САРАНСК В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Возникновение крепости, а затем города Саранска, ныне столицы Мордовии, связано с постройкой пограничной юго-восточной оборонительной черты Московского государства.

Современник Петра Первого Иван Кириллов, руководствуясь сенатскими архивами, датирует построение Саранска 1641 годом[1], что подтверждается и дошедшими до нас архивными документами об отводе новопоселённым в Саранске казакам и стрельцам земли в 1642 году[2], а земля, как жалование, служилым людям вновь построенной крепости обычно отводилась в первую весну после основания крепости.

В связи с разгромом казанских ханов и присоединением в 1552 году Казани к России местность, где теперь расположен Саранск, вошла в состав Московского государства.

В период нашествия татаро-монголов, аборигены-старожилы саранского края—мордва под ударами татаро-монголов вынуждена была отойти несколько к северо-западу и прижаться к лесам в районах Кадома, Темникова, Арзамаса, ибо удерживаться на открытых местах инсарской долины ей в обстановке постоянных набегов кочевников было чрезвычайно трудно, к тому же в инсарской долине перекрещивались старинные большие дороги, по которым и производили чаще всего свои набеги татаро-монголы на мордовские земли.

Естественно, что старинные дороги имели большое значение в истории Мордовии, они с древнейших времен связывали мордву с её соседями, на этих дорогах происходили бои с

---

[1] И. Кириллов, «Цветущее состояние всероссийского государства». Москва, 1831 г., книга вторая, стр. 21.

[2] См. нашу статью «Первые поселенцы Саранска», «Записки» № 1 Мордовского научно-исследовательского института. Саранск, 1949 г.

татаро-монгольскими захватчиками, а по мере завладения этими дорогами Московским государством они стали большим стимулом в экономическом развитии края, наконец, с учетом этих старинных дорог строились и оборонительные сооружения против крымских и ногайских татар.

Учитывая столь большое значение старинных дорог в истории Мордовии, мы попытаемся на основании архивных документов, печатных источников и сохранившихся местных названий воспроизвести линии этих старинных дорог, существовавших в нашем крае еще до построения города Саранска и Саранской сторожевой черты.

В те отдаленные времена, вплоть до первой половины XVII века, территория современной Мордовии более чем на ⅔ была покрыта вековыми лесами, за исключением небольших безлесных промежутков. Вдоль рек, проходивших степью, тянулись непроходимые кустарниковые заросли, лишь изредка сменяясь лугами и пашней, в степных местах были большие участки «диких (непаханных) полей», заросших ковылём, поэтому и места для дорог было выбирать тогда не легко. Дороги, как правило, проходили по водоразделам рек, безлесными промежутками-коридорами; для переправ через реки выбирались обычно их верховья или же неглубокие места, менее заросшие и заболоченные; в населенных местах через речки устраивались перевозы или же на дно реки настилался камень-булыжник, и это место именовалось обычно каменным бродом. В ненаселенной местности обозы и военные отряды проходили через речки вброд.

Эти дороги, естественно, заростали травой и кустарником и для того, чтобы не сбиться с них впереди торговых обозов или военных отрядов обычно шли специалисты-знатоки дорог, так называемые вожи.

Необходимо учесть еще и то, что жители юга, кочевники, выросшие в степных просторах, не знали леса и страшно боялись его, это в свою очередь заставляло их искать для проезда безлесные промежутки.

На безлесном промежутке по долине реки Инсары был построен гор. Саранск. Этот промежуток с древнейших времён имел продолжение на юг, вдоль левого берега реки Суры, в район современного города Пензы и дальше соединялся с большими степными просторами юга, на север он простирался, то расширяясь, то сужаясь, в направлении к Нижнему Новгороду, на восток от инсарского безлесного коридора шли степные языки к Суре, в район современного села Большие

Березники и Сурск (бывшее Промзино городище) и далее за Суру к Симбирску и Казани; на запад шли степные языки от современного города Рузаевки к Шишкееву и от современного с. Инсара к Темникову. По этим безлесным коридорам и перешейкам и проходили старинные буртасские, ногайские, посольские и другие дороги.

Через Мордовию с древнейших времён проходила дорога из Прикаспийских степей на Москву. Эта дорога шла по левую сторону верхнего течения Суры, через район современного города Пензы, затем водоразделом между Сурой и Мокшей в район современного села (в прошлом города) Инсара,— потом на Темников, Кадом, Елатьму, Касимов[1] и через Владимир на Москву. По этой дороге проезжали послы из Москвы в Астрахань и в Заволжье, в Ногайскую орду и за ней закрепилось название Старой, или Большой посольской дороги. Отметим некоторые пункты этой дороги на территории Мордовии.

Построенный на этой дороге г. Инсар надолго сохранил ее название: «Базарная улица в Инсаре, в старину называлась Посольской»[2]. О том, что в районе города Инсара проходила Посольская дорога, и «под город Инсар отведена земля деревни Паевой по обе стороны Посольской дороги», свидетельствуют и архивные документы[3]. При постройке крепости Инсар, одни из ворот этой крепости были названы Посольскими[4], в знак того, что они поставлены были на Посольской дороге.

Поскольку эта дорога связывала Москву с Ногайской ордой, в некоторых старинных документах она именовалась Ногайской дорогой. Так, например, через речку Шукструй (современный Атюрьевский р-н) существовал «Ногайский брод» «по Ногайской дороге»[5].

Дальше Большая посольская дорога, она же Ногайская, шла через «Стрельниковские росстани»[6] (с. Стрельниково,

---

[1] П. Черменский, Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Тамбов, 1926 г., стр. 21.

[2] «Заметки об Инсаре». Архив историко-юридических сведений, относящихся к России, издаваемый Николаем Калачевым, книга вторая, половина первая. Москва, 1855 г., стр. 40.

[3] Рукописный фонд Мордовского Н. И. И. Материалы Темниковской приказной избы, собранные А. И. Яковлевым, лл. 14, 15, 16.

[4] Г. Петерсон, Исторические сведения о г. Инсаре и его уезде, стр. 5.

[5] Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского ин-та. Материалы Темниковской приказной избы, л. 116.

[6] Госархив Морд. АССР, ф. 100, д. 44, лл. 43—52.

Атюрьевского р-на), через «Ногайские ворота»[1] они же «Бабеевские ворота»[2] (с. Бабеево, Темниковский р-н), затем «Посольская дорога»[3] шла к «Чижовским воротам и к Чижиковскому перевозу на речке Мокше»[4] (с. Чижиково, Темниковского р-на) и в Темников, затем «Посольская дорога... у Мокши... Санаксарский перевоз»[5] на Кадом.

Ногайские (Бабеевские) и Чижиковские ворота — это проезды через старую засечную черту, проходившую с Темникова на Кадом. В архивных материалах часто упоминаются «сторожа ногайских ворот»[6], служившие в районе Темникова. «Чижиковские ворота»[7] были также и в стенах крепости Инсара, что свидетельствует о перенесении названия выездных ворот со старой Темниковской засеки на новую сторожевую засечную черту — Инсарскую.

В некоторых документах описанная дорога называется еще и «Большою табунною дорогою», ибо ей «ездят из Астрахани и из Саратова... к Москве станичные головы с табунами»[8].

По этой же дороге проходили в Москву обозы с солью из района озера Эльтон. Старожил села Инсар, Чумаков Сергей Иванович, передавая свое семейное предание, сообщает, что «по месту, где теперь Инсар, проходила большая дорога, мои предки были чумаки, возили соль из Эльтона в Москву и делали остановки при впадении реки Инсарки в Иссу, здесь они кормили лошадей, хорошие были удобства: луга, две речки; это место им понравилось и они поселились здесь, а потом уже стал строиться город Инсар[9]. О перевозке соли по данной дороге сообщает и П. Черменский в книге «Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии»[10].

---

[1] Госархив Морд. АССР, ф. 100, д. 44, лл. 43—52.
[2] Там же, л. 39.
[3] Там же.
[4] Там же, лл. 43—52.
[5] Там же, ф. 171, д. 17, л. 25.
[6] Там же, ф. 100, д. 44, лл. 43—52.
[7] Г. Петерсон, Исторические сведения о городе Инсаре и его у. стр. 5.
[8] А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в XVII веке, М.Л. 1948 г., стр. 318.
[9] Воспоминания С. И. Чумакова мной записаны с его слов в с. Инсаре в июне 1948 года.
[10] П. Черменский, Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Тамбов, 1926 г.

Участок описанной дороги от верховьев Суры до современного с. Инсара в некоторых документах называется еще и Сурской дорогой[1], ибо здесь дорога шла сурско-мокшанским водоразделом.

По этой дороге была организована ямская служба. В 1591 году в Темникове был построен Ям с гоньбой до Саратова, Терка и Астрахани[2].

Километрах в трех восточнее современного села Инсара описанная Большая посольская дорога пересекалась другой Большой дорогой, идущей из Крыма в Булгарское, позднее Казанское царство, называемая в некоторых документах Крымской. Из района Инсара эта дорога шла к реке Суре, далее через современный город Корсун и в район современного города Ульяновска, куда летом прикочевывала Ногайская орда из Прикаспийских степей. Эта дорога именовалась также и Посольской, потому что здесь проезжали послы из Москвы в район летнего кочевья Ногайской орды. Вот некоторые учтенные нами пункты данной дороги на территории Мордовии и граничащих с ней районов.

Проходя через район современного города Нижнего Ломова, эта дорога далее шла по правую сторону реки Инсарки — притока Иссы, затем через Каменный брод в районе современного села Каменный брод (Иссинский р-н, Пензенской области), через реку Иссу, южнее современной Пайгармы («Полгома» старое название) и по правую сторону реки Инсары (притока Алатыря) в район современного села Шебдас, (старое название «Шинподача») Рузаевского района: «На диком поле, что от Полгомы едучи за рекою за Инзорою по большой Посольской дороге до Шинподачи»[3], далее через речку Карнай в районе современного села Монастырское, Саранского района, через «Каменный мост» на речке Каменной, в районе современного села Макаровки, в район с. Атемара, где и теперь сохраняется родник, именуемый «Крымским колодцем», в котором по преданию старожилов с. Атемара, проезжавший крымский хан утопил свою золотую

---

[1] См. датиров. выше произв. Н. Калачева. стр. 56, П. Черменского, стр. 21, А. Новосельского, стр. 235 и А. Хвощева, Очерки по ист. Пенз. края. Пенза, 1922 г., стр. 41—42.
[2] Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института. «Материалы Темниковской приказной избы».
[3] Госархив Морд. АССР, ф. Саровского монастыря, д. 222, лл. 16—26.

шапку[1]. Кстати сказать, что в селе Атемаре до сих пор существует улица «Большая дорога», построенная на старинной большой дороге.

Далее Крымская дорога шла в район вершины речки Атемарки через безлесный промежуток, называемый и теперь «перешейком», через высокий голый мар, в район сёл Павловки и Косогор к реке Суре, несколько ниже современного села Большие Березники. В районе впадения речки Аргаш в Суру существовал «Самоязов перевоз»[2] через Суру. В этом же районе существовал «Козлов брод»[3] через Суру.

Дальше Большая посольская (Крымская) дорога шла в район современного города Корсуна, Ульяновской области: «Крымская дорога» в районе «речки Корсуновой от речки Барыша вверх идучи» рядом с районом «Мерды орды», невдалеке от «Мамаевой вотчины» и «вотчины князя Кугушева»[4]. Далее дорога шла к речке «Вешка Пичингилея» (вероятно, Вещкайма—И. В.): «от Каргашина бору подле бору до Крымской дороги... да по Крымской дороге до речки до Вешка Пичингилея»[5]. Далее, в районе Корсуна, дорога разветвлялась, один путь шёл на Казань и другой — в район современного Ульяновска.

Как видно из приведенных материалов, в районе речки Корсуновой — притока Барыша, по Крымской дороге, в начале XVII века существовал ряд татарских поместий вплоть до орды (Мерда-орда). Вероятно, и имя речки Корсуновой дали крымские татары по аналогии с древним городом Крыма Ферсонесом. Вновь построенный в XVII в. город Корсун (ныне Ульяновской области) получил название уже от названия речки Корсуновой.

Описанная выше Большая посольская (Крымская) дорога в некоторых архивных документах называлась и Буртасской, так, например, применение этого термина прослеживается в районе между современным Инсаром и Рузаевкой: «Буртасская дорога по речке Урлидим»[6], «Земля деревни Мураевки-Мортляй тож (теперь Муравьевка — И. В.) в Темниковском уезде, за речкой Инсарой по Буртасской дороге, по обе стороны»[1]. Далее—между современным селом Большие Березники и городом Корсуном от Крымской дороги шло ответвление на север. Этот путь также именуется Буртасской дорогой. Он шёл через Суру по «Каменному броду»[2], что юго-восточнее современного села Енгалычево[3], километрах в 10 от данного села, далее «Буртасская дорога» шла вдоль речки Чебирчина[4] в район между современными селами Сайнино и Сурском[5] и за пределы Мордовии. Название речки Буртас в бывшем Керенском уезде, Пензенской губернии, возможно, также связано с проходившей здесь Крымской (Буртасской дорогой).

В районе современного села Монастырского, Саранского района, что южнее Саранска в 8 километрах, описанная выше Большая посольская (Крымск.) дорога пересекалась Астраханской дорогой. Этот путь шёл через реку Инсару по «Ахматкину броду» (невдалеке от устья речки Карнай)[6], далее в район современного Саранска, через речку Саранку, (где теперь мост на Московской улице), через современную Ленинскую улицу, затем в район современного села Лямбирь на село Никитино, через Пузские ворота, Пузской засечной сторожевой черты и в направлении к Мурому и Нижнему Новгороду.

Указанная дорога через Саранск на Муром именуется в некоторых архивных документах Московской или же Большой, а в некоторых Сурской. «Московская дорога» на поле, что северо-западнее современного Саранска, которое отведено было в 1642 г. саранским стрельцам[7], в другом документе эта же дорога на том же стрелецком поле именуется «Большой»[8], наконец, в районе самого Саранска еще до его постройки она именовалась также Большой и Московской

[1] Данное предание мной записано со слов старожила с. Атемар Лифанова Павла Дмитриевича в июне 1949 года.

[2] Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского ин-та, д. 479, «Книга письма и меры Дм. Пушечникова да подьячего Афанасия Костяева 132 (1624), 133 (1626) гг. Алатырского уезда...», л. 32.

[3] Там же, л. 34.

[4] Там же, л. 10.

[5] Там же, л. 9.

[6] Рукописный фонд Мордовского научно-исслед. ин-та, д. 209, лл. 170—177.

[1] Там же. До образования Саранского уезда указанный район входил в Темниковский уезд.

[2] Цитир. выше «Книга Пушечникова», л. 79.

[3] Это место у Суры и поныне называется «Каменным бродом».

[4] Цитир. выше «Книга Пушечникова», стр. 79.

[5] Старожилы села Сайнино, Дубенского р-на и сейчас указывают место километрах в 4-х восточнее данного села, где по преданию их предков проходила Буртасская дорога (Буртазонь ки по-мордовски).

[6] Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института д. 269, л. 22.

[7] Пензенский облархив, ф. 132, д. 4, лл. 1—7.

[8] Там же, д. 2, л. 15.

дорогой, ибо одна из старейших улиц Саранска, ныне Ленинская, вплоть до наших дней называлась жителями города Большой или же Московской улицей, потому что она построена была на Большой Московской дороге[1].

Параллельное название этой дороги—«Сурская», мы находим в челобитной Кулдымской мордвы от 1658 года, где упоминается «Сурская дорога» в районе речки Рудни, невдалеке от деревни Ингиняр (современное село Ингенер-Пятина, Мельцанского района — И. В.)[2].

Московской указанная дорога называлась потому, что через Муром она шла на Москву, а Сурской — потому, что шла от верховьев Суры, Большой — потому, что являлась важнейшим сухопутным путём, шедшим из Прикаспийских степей на Нижний Новгород.

С постройкой города Саранска направление данной дороги в районе самого города несколько изменилось. До этого она шла прямо на север, следы ее сохранились в названии Никитинской горы, Никитинского оврага, Никитинской дороги, что за консервным комбинатом, т. е. дороги, идущей на село Никитино. В связи с постройкой города дорога была здесь перенесена километра на 3 западнее и прошла через лес, в котором сделан был прорубь (в связи с большой потребностью лесоматериала для нужд нового города).

С проведением Большой дороги по новому месту был достигнут лучший профиль ее, т. е. обойдена крутизна Никитинской горы. В этом новом направлении дорога сохранилась до наших дней (Большая дорога на село Лямбирь).

Из района современного Саранска также еще до постройки города шло ответвление на одно из старейших сёл нашего края—Ладу, что сохранило следы до наших дней в названии Ладской горы и Ладской дороги (Ладская гора на северо-восточной окраине Саранска). От Лады эта дорога шла к засечной Темниковской—Пузской—Алаторской черте и через Гуляевские ворота этой черты проходила в пределы Нижегородского края на Мурашкино и Макарьев несколько восточнее Московской, Большой, Астраханской, Сурской дорог.

На Большой, Московской, Сурской дорогах, проходивших через район Саранска так же, как и на Большой посольской

[1] Так, например, в одном из документов 1807 г. указано, что в Саранске сделано три гати «на улице Большой Московской дороги». Госархив Мордовской АССР, ф. 20, д. 51, л. 34.

[2] Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института, д. 201, л. 19.

дороге, проходившей через Темников была организована ямская служба, что отражено в архивных материалах и в местных названиях. Так, например, правый берег речки Саранки, где теперь Саранское музыкальное училище (на Первомайской улице, в старину назывался «Ямом» или «Ямкой». Это название сохранялось вплоть до второй половины XIX века. В этом районе «Ямкой» назывался питейный дом и мост через овраг. («Мост, именуемый Ямка, на углу улицы Первой Успенской, вблизи приходского мужского училища, через безымянный овраг, впадающий в речку Саранку»)[1].

Точно датировать возникновение указанных больших дорог на территории Мордовии довольно трудно, однако, некоторые предположения можно высказать. Наличие ряда параллельных названий одних и тех же дорог, несомненно, свидетельствует об их древности. Возникновение того или иного названия дороги связано с определенным историческим периодом. Названия «Буртасская дорога» и «Сурская дорога» возникли, вероятно, еще до татаро-монгольского периода, названия «Крымская», «Казанская»—возникли несколько позже, очевидно, в середине XV века. Наличие в районе «Крымской дороги» «Мамаевой вотчины» свидетельствует о большом значении этой дороги еще в XIV веке (как называлась эта дорога в XIV веке, мы пока не знаем). Названия дорог «Посольская», «Ногайская», «Табунная» возникли, вероятно, во второй половине XV века, название «Большая Московская дорога»[2] возникло, как следует полагать, еще в татарский период, «Ахматкин брод», по этой дороге, несколько южнее Саранска, существовал, вероятно, со времени Ахмата, последнего хана Золотой орды, т. е. со второй половины XV века.

Как видно из приведенного здесь описания старинных дорог, они образовывали в юго-восточной части Мордовии и прилегающих к ней районах ряд значительных узлов: в районе современных села Инсара, города Саранска, города Корсуна, в районе современного села Атемара был проход через гряду присурских лесов. С учётом этих старинных дорог и узлов и построены были в Мордовии оборонительные сооружения и в частности крепость и город Саранск.

Система оборонительных сооружений на территории Мордовии и в прилегающих к ней районах организована была по

[1] Госархив Мордовской АССР, ф. 20, д. 354, л. 49.

[2] Одна из дорог, проходивших через Саранск, называлась Ерусалимской. Госарх. МАССР, ф. 20, д. 51, л. 27.

замыслу Ивана Грозного в первые же годы после присоединения к России Казани и Астрахани.

Естественно, что присоединенные к Московскому государству новые области, находившиеся в дотоле в течение трех веков под властью татарских ханов, могли быть закреплены в составе Московского государства только при хорошо продуманной и правильно организованной системе оборонительной военно-сторожевой службы, ибо ханы крымской и ногайской орд не могли смириться с продвижением Московского государства на юго-восток и поэтому долгое время и после присоединения Казани к Москве с большей яростью нападали на юго-восточные окраины Московского государства и в частности на «темниковские и алатырские места».

Поэтому в мордовском фольклоре, дошедшем до нас, ногайские орды представлены как орды захватчиков, грабителей, сжигавших мордовские поселения, уводивших в полон и истязавших там мордву.

В целях укрепления юго-восточной границы Московского государства в связи с присоединением к нему Среднего и Нижнего Поволжья вначале были выставлены в степь так называемые временные посты-сторожи и станицы. Это высылаемые на юг из существовавших тогда городов Темникова, Арзамаса, Алатыря и др. небольшие военные отряды для несения сторожевой оборонительной и «проведывательной» службы. В отряды входили служилые люди из мордвы, русских и, принявших Московское подданство татар.

Еще при Иване Грозном сторожевой службой охвачена была вся территория от линии Темников—Алатырь—Тетюши до районов современного Саратова и среднего Дона. Как видно из боярского приговора от 1571 года, самая южная линия сторож проходила от Волги (несколько севернее современного Саратова) и к Дону. «Пригоже быти,—указывается в приговоре,—на поле четырем головам (начальникам сторож—И. В.), первой голове стоять на Волге под Караманским лесом (лес в 30—40 километрах севернее Саратова—И. В.) из Казани, а другой голове стояти из Шацкого (г. Шацк) на Дону, на ногайской стороне, в Вешках, выше Медведицы и Хопра...»[1]. При голове, который возглавлял сторожевую службу под Карамановским лесом, было 135 человек «детей боярских и

[1] А. Гераклитов, История Саратовского края в XVI — XVIII вв. Саратов, 1923 г., стр. 124.

казаков, и татар, и чуваш, и мордвы»[1], в числе которых из Казани и из Свияжска 40 человек, из Алатыря 26 человек, из Темникова, Кадома и Шацка—54 человека, из Ряжска 16 человек. При Вешковской голове находилось служилых людей 120 человек, из Шацкого 9 человек детей бояр, да 20 человек казаков; из Рязского 6 чел. детей бояр, да 10 казаков, из Донкова 6 чел. детей бояр из Темникова да из Кадомы 20 чел. татар, да 20 чел. мордвы, из Олатыря 8 чел. детей бояр, да 20 казаков»[2].

Вторая линия сторож располагалась значительно севернее. Согласно того же приговора от 1571 года, по росписи мещерским сторожам—первая сторожа этой линии стояла на речке Корсанаеве (Корганаеве), притоке Барыша (что в районе современного города Корсуна). Эта сторожа высылала разъезды между Барышем и Сурой, вниз по речке Корсонаевой до реки Барыша на 15 верст и вверх до Сурского леса и охраняла узел дорог (Крымской, Посольской, Буртасской), что в районе современного города Корсуна. Данная сторожа состояла из 6 человек алаторцев[3].

Вторая сторожа стояла на реке Шокше (Шукше)—притоке Суры, что километрах в 30-ти севернее современного города Пензы.

Эта сторожа высылала разъезды вверх по Шукше до Мокшанского леса, что в верховьях реки Мокши, до речки Киси, до устья речки Кивлея—20 верст[4]. Стало быть, шукшинская сторожа охраняла Большую посольскую, Сурскую дорогу. Эта сторожа состояла из 12 человек (из Кадома, Темникова и Алатыря—по 4 человека).

Третья сторожа была расположена в верховьях речки Ломова[5], что несколько южнее современного города Нижнего-Ломова и охраняла Крымскую дорогу. Ломовская сторожа состояла из 9 человек, куда входили 3 человека из Кадома и 3 из Темникова.

Кроме того, как видно из Боярского приговора от 1586 года, под 1580 годом отмечено наличие «арзамасских ста-

[1] А. Гераклитов, История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов, 1923 г., стр. 125.
[2] Там же, стр. 125.
[3] А. Хвощев, Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922 г.
[4] Там же, стр. 29.
[5] Там же, стр. 29.

ниц», которые охраняли алатырские, арзамасские и мещерские места, верхнемокшанскую и цненскую мордву[1]. В несколько позднейших документах мы находим и более точные указания о местах базирования «арзамасских станиц».

Арзамасские начальники в 1613 году писали царю, что подчиненные Арзамасу «Пузские засеки головы Гаврило Хохлов да Федор Старосетской посылали в проезжую станицу станичников пузских сторожей и мордву до дальних урочищ до Данматы реки и до Шокши и до Большие Анбурды»[2].

Таким образом, арзамасские станицы обслуживали район от речки Данматы (Домаги), левый приток Суры, что в районе современного села Большие Березники и до речки Шокши (Шукша), также левый приток Суры, что километрах в 30-ти севернее современного города Пензы, т. е. до района деятельности Шукшинской сторожи.

В районе речки Домаги арзамасские станичники наблюдали за Самоязовым перевозом через Суру по Крымской дороге и далее по этой же дороге за районом от верховьев Большой Аморды (Амбурды), что в районе современного Атемара, до Ахматкина брода, что в районе современного города Саранска и далее до речки Шукши по Сурской дороге.

Как видно из боярского приговора от 1571 года, упорядоченная в соответствии с данным приговором сторожевая служба в описанных выше районах была организована гораздо раньше, ибо станичники и сторожа, отмеченные данным приговором «преж сего езживали лет за десять или за пятнадцать»[3], т. е. с 50 гг. XVI века—со времени присоединения к Московскому государству Казани и Астрахани.

Поэтому и предания некоторых потомков служилых людей Саранской сторожевой черты, построенной в 40-е годы XVII века, связывают появление их предков в районе данной черты со временем Ивана Грозного, и в частности со временем походов его на Казань.

Старожил села Атемара 76-летний колхозник Иван Иванович Залогов по преданию своих предков сообщает: «Когда

[1] А. Гераклитов, История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов, 1923 г., стр. 130.

[2] Документы и материалы по истории Морд. АССР, т. 1, Саранск, 1940 г., стр. 228.

[3] А. Гераклитов, История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов, 1923 г., стр. 120.

была война Ивана Грозного с татарами, после этой войны здесь остались солдаты и образовался Атемар»[1].

Старожил села Посопа (Инзерского острога) 70-летний Михаил Николаевич Ерин сообщает, что «через место, где теперь город Саранск, проходили войска Ивана Грозного. Крест с орлом, который стоял на Саранском соборе—это подарок Ивана Грозного»[2]. Аналогичное предание бытует до сих пор и в самом Саранске. Оно было записано еще в конце прошлого века саранским врачом и краеведом Г. П. Петерсоном и опубликовано в сборнике Пензенского губернского статистического комитета в 1899 году. «В городе Саранске, — писал Г. Петерсон,—существует предание, по которому Медный Орел, находящийся и до ныне под Крестом колокольни, недавно разрушенного Саранского старого собора, будто бы был подарен городу царем Иоанном IV Грозным во время его похода под Казань...»[3].

Этот крест с орлом сохраняется в настоящее время в г. Саранске, в Мордовском краеведческом музее.

Бытует также предание, что старинная посопская церковь, которая стояла несколько восточнее ныне существующей, имеет свою историю со времен Ивана Грозного. Уроженец села Атемара, ныне житель г. Саранска, Федор Павлович Пакшин, сообщил об этом следующее: «Мне говорил дедушка, что через Посоп шла дорога на Казань и что войскам Ивана Грозного во время похода служили обедню в маленькой церкви на Посопе»[4].

Следует сказать также, что некоторые потомки служилых людей Саранской сторожевой черты, вал, проходящий через Саранск, Посоп и Атемар, называют Казанским, хотя, как известно, он на Казань не проходит, а проходит на Ульяновск.

В приведенных здесь преданиях, естественно, много неточностей, но из этих преданий можно сделать определенные выводы. Во-первых, со времени присоединения на-

[1] Предание И. И. Залогова мной записано с его слов в с. Атемаре в июне 1949 года.

[2] Предание М. Н. Ерина мной записано с его слов в с. Посопе в июле 1949 года.

[3] Г. Петерсон, Краткий очерк достопримечательностей г. Саранска и Саранского уезда. Сборник пензенского губернского статистического комитета, вып. IV, П., 1889, стр. 33—49.

[4] Предание мной записано со слов Ф. П. Пакшина в г. Саранске в августе 1949 года.

шего края к Московскому государству в районе современных Саранска, Посопа и Атемара появились служилые люди, вначале как временные станичники и дозорники, а затем образовавшие и постоянные небольшие поселения; во-вторых, часть войск Ивана Грозного во время похода на Казань прошла через район современных Саранска, Посопа и Атемара. Этой частью войск был, повидимому, полк князя Курбского[1], который минуя Мещерского леса и мог к Суре, в район устья Барыша, пройти только лишь описанной выше Крымской дорогой, другого пути для него здесь не было. Курбский мог оставить здесь в районе узлов старинных дорог дозорное охранение, он также мог в знак присоединения новых районов к Московскому государству приказать оставшемуся дозору построить по одну сторону большой дороги часовню, на которой поставить крест с короной, врученной от имени царя Ивана Грозного. Полковой же поп по приказу Курбского мог отслужить молебен и «благославить» место по другую сторону этой дороги для постройки церкви.

Описанные выше линии сторож, выдвинутые далеко в степь, естественно, имели постоянную связь с городами, откуда они высылались, т. е. промежуточные пункты. Прекрасный знаток древних архивов Н. Калачев еще в середине прошлого века писал: «На степной стороне были учреждены подъезды, станы и сторожи. В подъезд посылались служилые люди из города... в степь для «проведывания вестей про неприятельских воинских людей». Иногда отправляема была с той же целью станица, т. е. несколько человек вместе. Место, где они обыкновенно останавливались для собирания сведений, называлось станом или также станицей, отчего и самые служилые люди назывались иначе станичниками. Напротив того сторожи были такие пункты или возвышенные места, где постоянно находились сторожа, наблюдавшие за всем, что проходило в степи. Известно, что такие сторожа были расставлены не в далеком расстоянии один от другого, так что сообщение вестей о неприятелях передавалось чрезвычайно скоро, посредством извещения ими друг друга, а

[1] Автор диссертации «Восточные походы Ивана Грозного» Г. Я. Меркушкин, изучая вопрос движения полка князя Курбского на Казань, пришел к тому же выводу, что этот полк прошел через район современного Саранска. (См. указ. диссертацию Г. Я. Меркушкина. Рукоп. фонд Мордовского научно-исследовательского института).

ближайшим к городу сторожем самого городского начальства...»[1].

Как видно из описания расположения сторож и станиц, для них выбирались места вблизи узлов или важнейших пунктов старинных дорог, проходивших по безлесным промежуткам, чтобы держать эти места под контролем и при появлении противника давать знать ближайшим городам, в которых сосредоточивались более крупные военные горнизоны, чтобы те были готовы к выступлению против врага. Места сплошных лесов сторожами не охранялись, но главные стоянки сторожи располагались, как правило, «под лесом», т. е. на опушках леса, где можно было укрываться от противника. Личный состав сторож систематически сменялся по расписанию через две недели, а в некоторые годы и в некоторых местах срок стоянки доходил до сорока пяти дней. Отстоявшие свою очередь отправлялись в город их высылавший, а вместо них прибывала из того же города новая смена и в том же количестве, как и предшествовавшая. В главных пунктах стоянок сторож делалось временное жилье, а впоследствии в ряде этих пунктов образовались постоянные поселения. В ближайших к городам пунктах эти поселения возникали раньше, более отдаленных—значительно позднее. Станичники должны были для передвижения иметь «добрых лошадей» и быть хорошо по тому времени вооруженными.

При всей важности временных сторож и станиц, однако, они не могли гарантировать безопасность, ибо их предупреждения и донесения в ближайшие города часто запаздывали и противник прорывался не только через сторожи, но и в местах между городами. Поэтому при царе Федоре Ивановиче у московского правительства начинает обнаруживаться стремление защитить юго-восточную окраину более основательно, путем постройки засек, валов и рвов и в первую очередь между существующими городами, при сохранении, конечно, сторожевой и станичной службы на юг и юго-восток от этих городов.

С 1578 года на территории Мордовии и прилегающих к ней районов начинает прокладываться первая засечная черта[2].

[1] Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым. Книги второй, половина первая. Москва, 1855 г., «Заметки об Инсаре и его уезде», стр. 69.

[2] А. Хвощев, Очерки по истории пензенского края. Пенза, 1922 г. стр. 30. А. Гераклитов в цитированной выше книге «Ист. Саратов. края» пи-

Эта черта соединила Темников с Алатырем. Она прошла лесной полосой от Кадомской засеки, через Темников, затем лесом же вдоль реки Алатыря. По этой линии были сделаны лесные завалы между пнями ссеченных деревьев; эти пни были вышиной почти в рост человека. Таким образом, созданная засека становилась трудно проходимой.

Вдоль засеки была организована сторожевая служба между городами. Небольшие безлесные промежутки этой линии служили воротами через черту, они были соответственно укреплены рвами и надолбами и охранялись значительными по тому времени отрядами вооруженных сторожей.

Темниковская засека начиналась от Кадомского леса и кончилась в Саровском лесу за Темниковом.

В Мордовском Госархиве сохраняется описание Темниковской засеки[1]. Она имела двое ворот—Бабеевские или Ногайские и Чижиковские.

Далее от Саровского леса к востоку и затем вдоль реки Алатыря до впадения в нее речки Инелей, что несколько северо-западнее современного села Кемли, тянулась Пузская засека с двумя воротами: Пузскими и Гуляевскими. О Пузской засеке, Пузских и Гуляевских воротах имеются данные в документах конца XVI и первой половины XVII вв.[2]

От речки Инелей также вдоль реки Алатыря, дальше к востоку до города Алатыря шла Алатырская засека с Ардатовскими воротами[3], которая еще дальше соединялась с Тетюшской засекой и шла к Волге.

Через Бабеевские (Ногайские), Чижиковские, Пузские,

сал: особенно отчетливое стремление Московского правительства к замене временных сторож и станиц постоян. укрепл. в Поволж. относ. ко врем. царств. Фед. Ив. стр. 132. На чертеже сына Бориса Годунова отмечена засека, сост. из лесных завалов и валов (окопов), устр. царем Федором Ивановичем против вторжения крымских татар». Она направляется по южной окраине лесов, обитаемых мокшанскою и сурскою мордвою...» Ф. Чекалин, «Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века». Саратов, 1892 г., стр. 49. Указанный схематический чертеж сына Бориса Годунова, воспроизведенный в 1614 г. Гесселем Герардом приложен Н. Устряловым к 3-й части его «Сказ. соврем. о Дм. Самозванце», издание 2-е, СПБ, 1837 г.

[1] Госархив Мордовской АССР, ф. 100, д. № 44, лл. 43—52.

[2] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 1, Саранск, 1940 г., стр. 228, 230, 231.
Труды Пензенской уч. арх. комис. кн. I, Пенза, 1903 г., мат. для истор. Пензы, стр. 14.
Московск. арх. древн. акт. Белгород. столб. № 197, лл. 222 — 223.

[3] Рукописный фонд Мордовского научно-исслед. ин-та, ф. 344, стр. 25.

Гуляевские и Ардатовские ворота пропускались послы и обозы с товарами, при нападении же военных отрядов ногайцев и крымцев, ворота закрывались и защищались военными гарнизонами засечной черты.

В связи с организацией военных сторож, а затем созданием Темниковской, Алатырской засечной черты, под прикрытием военных охранений от ногайских и крымских орд, со второй половины XVI века начинается продвижение мордвы (с постоянным поселением из районов, прилегающих к Темникову, Арзамасу и Алатырю) на юго-восток, в места своих старинных земель и бортных ухожаев, в районы, откуда мордва была оттеснена к северу и северо-западу татаро-монголами, вследствие чего юго-восточная часть территории Мордовии до второй половины XVI столетия была малозаселенной. Это продвижение идет, главным образом, вдоль рек Суры, Мокши, Инсары, Рудни, Сивини, Иссы в направлении к верховьям этих рек. Вместе с потоком мордвы в этих же направлениях выдвигаются и поселяются и русские люди, военные казаки, станичники, сторожа, а также беглые люди от тяжелого гнета помещиков внутренних уездов Московского государства (крестьяне, бортники и ремесленники); сюда же продвигается и некоторая часть татар, осевших ранее в районах, прилегающих к Темникову и Алатырю. Так на значительном расстоянии, южнее Темниковско-Алатырской засечной черты, появляются новые населенные пункты: Шугурово, Пермись—в долине Суры; Лада, Костяшево, Аксеняр, Мортляй (Мураевка)—в долине Инсары; Коровяково, Лемдяй, Кулдым—в бассейне Рудни; Шайгово, Летки, Акшино—в бассейне Сивини; Паево, Адашево, Тумола—в долине Иссы; Троицк—в долине Мокши и др.

Однако жизнь этих населенных пунктов была далеко не безопасной. Архивные документы и печатные источники свидетельствуют, что Ногайские и Крымские орды продолжали производить опустошительные набеги на деревни и села Мордовии, прорываясь даже иногда и за Темниковско-Алатырско-Тетюшскую засечную черту.

В 1607 году «Ногайцы... Проникли через засеку в Тетюшевский уезд, напали на находившиеся тут мордовские деревни и так их погромили, что они через 12 лет все еще были пустовыми деревнями» [1].

---

[1] Г. Перетяткович, «Поволжье в XVII и в нач. XVIII вв.» Одесса, 1882, стр. 30 или А. Гераклитов, «Материалы по истории мордвы» М. 1931 г., стр. 116.

В 1612 году «приходили ногайские люди на Арзамасские и на Алатырские места»[1]. В этот приход «за неделю до Оспожина дня... крымские и ногайские люди... Пузскую засеку проломили и ворота, высекли и сторожей товарищев их, побили и дворы выжгли...»[2].

Начавшиеся сразу же после присоединения Казани и Астрахани большие работы по укреплению юго-восточных границ Московского государства и особенно широко развернувшиеся в 70, 80 и 90-е годы XVI века, в начале XVII века, в период польско-шведской интервенции (1605—1612 гг.) были в значительной степени сокращены, а на некоторых участках прекращены совершенно, ибо все внимание Московского государства сосредоточено было в эти годы на защиту западных границ и Москвы. Значительная часть воинских людей, с проходившей по Мордовии Темниковско-Алатырской черты была снята и переброшена для борьбы с польско-шведскими захватчиками.

И только после разгрома польско-шведской интервенции были в прежних масштабах возобновлены работы по укреплению юго-восточных окраин Московского государства. Гарнизоны крепостей Темниковско-Алатырско-Тетюшской засечной черты были пополнены служилыми людьми, а также вдоль Суры, Инсары и Мокши, в направлении к тем местам, где стояли сторожи еще во второй половине XVI века.

В целях увеличения гарнизонов крепостей, существовавших по Темниковско-Алатырской черте, а также увеличения налоговых сборов с населения в Мордовии правительством был проведен поголовный учет населения. Так появились писцовые книги — Темниковская Степана Хрущева от 1621—22 годов и Алатырская Дмитрия Пушечникова от 1624—25 годов. Эти книги представляют большой интерес для историка, ибо в них впервые было дано описание земельных угодий, бортных ухожаев (пчеловодство), рыбных ловель и указаны существовавшие тогда населенные пункты почти всей территории, вошедшие ныне в Мордовскую АССР.

Первая книга охватывала западную, мокшанскую часть Мордовии, т. е. тогдашний Темниковский уезд, простиравшийся до реки Инсары с некоторыми отклонениями от этой реки

[1] Архив князя В. И. Баюшева, т. 1, Казань, 1882, № 51. или А. Гераклитов, «Материалы по истории мордвы», М. 1931, стр. 22.

[2] Арзамасские поместные акты 1578—1618 годов под ред. С. Б. Веселовского, М. 1915, стр. 514—515, или А. Гераклитов, цит. книга, стр. 94

к востоку; вторая—восточную, эрзянскую часть Мордовии, входившую в Алатырский уезд, от Инсара до Суры, в среднем течении последней, с некоторыми отклонениями в восточную сторону от Суры.

Книга Дмитрия Пушечникова дошла до нас, книга Степана Хрущева погибла во время пожара в Москве; из нее сохранились лишь отдельные выписи, находимые сейчас в различных архивах: архиве Саровского монастыря, Темниковской приказной избы, Саранской воеводской канцелярии и др.

В 30-х годах XVII века встал вопрос о выдвижении постоянной сторожевой—засечной черты, дальше на юг, в связи с тем, что к этому времени появилось большое количество новых населенных пунктов на южной стороне от Темниковско-Алатырской засечной черты, которые часто опустошались набегами ногайцев и крымцев. Так, например, «в 1627 году, 6 июня татары по старой ногайской дороге появляются в районе Темникова»[1], «в 1636 году татары направились по реке Суре, а другие к верховьям Мокши по ногайской дороге»[2] и т. д., а также и с тем, что Московское правительство решило еще более капитально, чем до этого времени укрепить юго-восточные границы государства.

Указом царя Михаила Федоровича от 1636 года[3] было предписано: «...для защищения святых божьих церквей и целости и покою христианского от бусурманских татарских безвестных приходов на поле построить черту... от реки Псла к реке Дону до Воронежа на 377 верст, а от Воронежа... вверх по реке Воронежу к Козлову и Тамбову на 205 верст, а от Тамбова до реки Волги на 374 версты, всего на 956 верст, и по черте построить городы, а промеж городов по полям земляной вал и рвы, и остроги, и надолбы, а в лесах засеки и всякие крепости, чтобы на его, государевы, украйны теми местами татарского приходу не было»[4].

На основании этого указа царя, с 1638 года[5] было приступлено к сооружению новой сторожевой засечной черты на

[1] А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М. Л. 1948 г., стр. 155.

[2] Там же, стр. 235.

[3] Г. Перетяткович, Поволжье в XVII и начале XVIII в., Одесса, 1882 г. стр. 73.

[4] Выписка 1681 г. в «Разряде о построении новых городов и черты». М. А. М. Ю. Цитирую по А. Хвощеву «Очерки по истории Пензенского края» Пенза, 1922 г., стр. 38.

[5] Рукоп. фонд Мордовск. научно-исследоват. института, рукопись К. А. Коткова, стр. 19.

территории Мордовии, в направлении от Сурского острога на Атемар, Саранск и до Шишкеева. Главным пунктом этой черты вначале был город Атемар, и поэтому черта в первые годы ее существования называлась Атемарской, а затем была переименована в Саранскую.

Почему именно при осуществлении плана строительства новой сторожевой черты в первую очередь в нашем крае был взят участок от Суры до Шишкеева? Опять-таки потому, что здесь запирались от набегов крымских и ногайских татар сразу две большие дороги: Крымская (из Крыма на Казань) и Сурская (из Прикаспия в Нижний Новгород). Характеризуя деятельность Атемарского воеводы Богдана Хитрово в 1647 году, приказ большого Казанского дворца отмечает, что он (Б. Хитрово) находился в то время в районе «самых великих степных татарских проходов»[1].

Хотя Атемар и имел в середине XVII века большое стратегическое значение, как опорный военный пункт и центр нового уезда в юго-восточной окраине Московского государства, однако, в печатных источниках этому городу посвящено немного страниц, не уточнено было даже до сих пор время его основания.

Ближе всего к истине в этом вопросе—высказывание А. Хвощева, который писал: город—крепость Атемар, тотчас ставший административным центром особого уезда и особой церковной десятины выстроен до 1642 года»[2]. Профессор А. Любимов постройку Атемара датирует 1642 годом[3]. Оба эти определения, однако, нуждаются в уточнении.

Датирование постройки новой Атемарской засечной черты и г. Атемара мы обосновываем следующими данными. В 1640 году в Атемаре, как во вновь построенной крепости и городе, сосредоточена была уже администрация нового центра, которая ведала уже значительной территорией, прилегающей к Атемару. В архивах Москвы и Мордовской АССР сохранились документы, свидетельствующие о начале функционирования с 1640 года нового Атемарского уезда, в который вошла южная часть территории Алатырского и восточная часть Темниковского уездов.

---

[1] И. Юркин, Материалы для истории города Корсуна и его слобод. Корсун, 1908 г., стр. 16—17 (док. из архива Вотчин. коллегии гор. Казани, дела мал. лет., кн. 61, д. 3, лл. 73—74.).

[2] Хвощев, Очерки по истории Пензенского края, г. Пенза, 1922 г., стр. 42.

[3] Пензенская область, Пенза, 1939 г., стр. 36.

В 1640 году Атемарский писец Семен Вельяминов описывает уже территорию, отведенную для управления из Атемара. Так, например, им описаны были в 1640(148) году земельные и другие угодья по речке Саре[1], что северо-западнее Атемара в 50—60 километрах. С этого же 1640 года описанные Семеном Вельяминовым земли и другие угодья ведаются уже в Атемарском уезде[2], тогда как в 1637 г. этими местами по речке Саре ведал еще воевода Иван Пушкин[3]. Иван Пушкин — это Алатырский воевода [4]. Алатырский воевода Иван Пушкин ведал этими местами еще и в 1639 г. (147) году [5].

В это же время, т. е. в 1640 (148) году, Темниковский воевода Сергей Левашев дает «отдельную выпись», согласно которой отделяются из Темниковского уезда и переходят в ведение к Атемару земли и луговые угодья, что в 20—25 километрах северо-западнее Атемара, т. е. в современном Лямбирском районе [6]. На этих землях в то время селились 40 человек темниковских служилых татар и мурз, поверстанных в казачью службу на Атемарскую сторожевую черту. Им были отведены четыре усадища: «под Оксярнинским лесом, по обе стороны речки Талославской, на Чермисеве починке» (теперь село Чермишево—И. В.)[7] 16 человекам; «Под лесом юрня помрою на речке Нярбенской» (теперь Нярбек-Яр—И. В.)[8] 10 человекам (современное село Щербаково—И. В.); «под Оксярнинским лесом, под Кужнелангою на вершине Кочке (сухой—И. В.) Пензы»[9] 10 человекам (теперь село Лямбири—И. В.); «Юртище под Тюменбула помрою на пензенской вершине (т. е. на вершине речки Пензы—притока Инсары, теперь село Пензятка—И. В.) смежно с канаковскою мордвою»[10] 4 человекам.

Все 40 человек, новопоселяющихся в указанных местах татар получили казачий надел земли «дикого поля на па-

---

[1] Речка Сара—левый приток реки Суры.

[2] Рукописный фонд Мордовского научно-исслед. ин-та, арх. мат-лы XVII в., д. 259, стр. 77.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 84.

[5] Там же, стр. 85.

[6] Там же, материалы Темниковской приказной избы, лл. 154—155.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же.

шню» по 20 четей в поле, «а в двух потомуж» и по 40 копен «сенных покосов» каждый.

С 1640 года указанные выше земли и луговые угодья (совр. Лямбирский район) ведаются в Атемарском уезде.

Приведенные выше документы подтверждают, что начало самостоятельной жизни Атемара, как города и уездного центра, относится к 1640 году.

О большом стратегическом значении Атемара, как опорного и сборного пункта на юго-восточной окраине Московского государства в середине XVII века, свидетельствуют документальные источники того времени. Так, например, в дворцовых разрядах за 1646 год отмечается: «На Алатыре воеводы князь Лев Александров сын Шляховской, да князь Василий Богданов сын Приимков-Ростовский, а по вестям (о татарских набегах — И. В.) стояти им на Отемаре... в Темникове стояли воеводы: Богдан Матвеев сын Хитрой (Хитрово—И. В.), да Григорий Иванов сын Борняков, а по вестям велено им быть в сходе на Атемаре, с воеводою с князем Львом Шляховским»[1]. В 1647 году Богдан Хитрово, как видный по тому времени военоначальник и руководитель строительством крепостей, переводится из Темникова в Атемар, что также свидетельствует о большом для того времени стратегическом значении Атемара и Атемарской сторожевой черты.

В Атемаре до сих пор сохраняется земляное основание бывшей крепости. Степень сохранности этого основания крепости наилучшая по сравнению с остатками всех других бывших крепостей на территории Мордовии (Инсара, Шишкеева и др.).

Атемарская крепость — острог занимала квадратную площадь, длина каждой стороны—100 сажен, со всех четырех сторон она была укреплена валами и рвами, на каждом углу—земляное возвышение высотой до четырех—пяти сажен, округлой формы,—это основания или, как их называют атемарцы, быки, на которых возвышались наугольные деревянные башни, высотой до 6 сажен. Крепость имела трое ворот, т. е. в каждой стене, кроме южной,—над воротами стояли проезжие башни, на земляных валах были построены деревянные стены. Внутри крепости было воеводское управление и помещения для вооружения, следы порохового погреба видны и теперь.

Место для постройки крепости было выбрано удачно. Она

[1] Дворцовые разряды, т. III, СПБ, 1852 г., стр. 29.

была построена на горе с северной стороны от речки Атемарки, в районе Крымской дороги, вблизи прохода через гряду присурских лесов и запирала этот проход, вместе с тем с горы можно было наблюдать большую площадь степи к югу по долине речки Атемарки и за речкой Тавлой.

Свое имя город Атемар получил от названия речки Атемар (Атемарки), на берегу которой он был построен. Название же речки, вероятно, происходит от мордовского слова «Атямар», т. е. дедов мар, холм, мар стариков. У истоков речки Атемарки и сейчас находится высокий мар, по конфигурации похожий на древнее городище, где, вероятно, было древнейшее поселение мордвы. Этот мар, как указано выше, находится в безлесном узком перешейке, через который проходила старая Крымская дорога. С приходом татаро-монголов это место, вероятно, мордвой было оставлено, но память о нем сохранилась в названии речки, а затем города Атемар. Во время организации сторожевой службы, еще до постройки атемарской крепости, указанный мар использовался для наблюдения за Крымской дорогой из района базирования Большеамордской станицы.

В состав гарнизона Атемарской крепости вошли люди, образовавшегося здесь ранее небольшого поселения, о чем свидетельствует не только приведенное выше предание, но и сохранившееся до наших дней название одной из улиц Атемара «Деревушка»[1] или «Выглядовка», жители которой, как гласит предание, выглядывали, следили за врагом еще до постройки атемарской крепости. Выглядовцы, по тому же преданию,—самые старинные вояки[2]; большая же часть гарнизона Атемарской крепости набиралась, главным образом «по Курмышскому набору»[3], т. е. из населения Курмышского уезда, который узкой полосой проходил вдоль правого берега Суры от города Курмыша на юг. В Атемаре и до сих пор проживает несколько семейств Курмышкиных—потомков курмышан. В Атемаре есть улица Барышская, т. е. заселенная переведенцами из района реки Барыша, тогдашний Курмышский уезд, но в Атемаре есть и потомки свияжцев (из Свия-

[1] Культурный слой с керамикой более древнего происхождения, чем XVII век, обнаружен был в р-не Атемара археологической экспедицией Мордов. гос. музея в 1940 г. Записки Мордов. научно-исслед. ин-та, № 6, 1946, стр. 73 и 87.

[2] Предание записано мной со слов старожила с. Атемара 75-летнего колхозника Т. Ф. Мещерякова в октябре 1949 года.

[3] См. Атемарские десятни. Рус. ист. б-ка, т. 17, СПБ, 1898 г.

жского уезда)—Свиязовы—старая фамилия Пакшиных[1], и потомки холмогорцев (Комлогоровы) и мещеряков (из Мещерского уезда)— Мещеряковы. Значительное количество атемарцев было поверстано и в Алатырском уезде, т. н. пушкари, как гласит предание, пришли со Штырмы[2] (речка Штырма в старом Алатырском уезде, ныне Б. Березниковский район, Мордовской АССР), часть атемарцев пришли, вероятно, из-под села Лады (теперь районный центр Мордовской АССР), ибо по преданию вплоть до начала 20 века атемарцы владели землей (250 десятинами) в районе между с. Пушкиным, Ладского района и с. Козловкой, Ромодановского района.

В числе первых поселенцев Атемара были и мордва, о чем напоминают фамилии некоторых атемарцев, как, например, Ведяшины и др.

Гарнизон Атемарской крепости состоял из казаков, стрельцов и пушкарей. Из Атемара высылались в степь на юг и юго-восток сторожи и станицы—«Атемарские и Корсунские дальние сторожи»[3], «Аргашская застава»[4] и др. Вокруг крепости-острога располагались слободы — Казачья, Стрелецкая, Пушкарская и небольшая Посадская слобода (ремесленники и торговцы); о существовании в Атемаре Посадской слободки напоминает название посадского поля. Была также в Атемаре и Посопная слобода, населенная крестьянами, платившими посопный хлеб[5]. Одна из улиц Атемара и сейчас называется Посопом. По данным второй переписи (1747 год) в Атемаре было 531 душа мужского пола пахотных солдат (казаков, стрельцов и пушкарей), Посопной слободы дворцовых крестьян 33 души мужского пола и Посопной слободы разнопомещиковых крестьян 6 душ мужского пола[6], а всего около 1000 душ.

---

[1] Проживающий ныне в г. Саранске Ф. П. Пакшин слышал от своего деда, что они в старину писались не Пакшины, а Свиязовы.

[2] Предание мной записано в с. Атемаре в июне 1949 года со слов потомка атемарских пушкарей 70-летнего колхозника Максима Григорьевича Марковичева.

[3] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 1, стр. 309.

[4] Атемарская десятня. Русск. историч. библ. т. XVII, Спб. 1898 г., Десятни Пензенского края, стр. 145.

[5] В 1696 г. из Атемара было переселено 90 дворов служилых людей в Азов (А. Хвощев, Оч. по ист. Пенз. кр., стр. 113). На освободившейся при этом переселении земле и возникла Посопная слобода в Атемаре.

[6] Москов. госархив древних актов, материалы 2-й ревизии по Саранскому уезду.

Во время генерального межевания (1782-89 гг.) Атемар характеризуется следующими данными: «Пригород Атемар с слободами Стрелецкою, Казачьею, Пушкарскою, Посопною и с отхожею землею называемою казачьею, пахотных солдат, ясашных и дворцовых крестьян с выделенною церковною землею 3 305 десятин. Пригород с слободами... подле старинного земляного валу, при коих три церкви, первая Соборная... (все) деревянные и старинное земельное укрепление с четырью по углам бастионами, земля на суходоле, земля чернозем и белоглиняная, урожай хлеба средственен, а травы худ, лес дровяной, крестьяне и пахотные солдаты на положенном казенном окладе»[1].

Явившись важным стратегическим пунктом в середине XVII века и центром уезда, Атемар, однако, не получил большого экономического развития в последующее время, а по мере удаления границы Московского государства на юго-восток утратил и военное значение. Старая Крымская дорога на Казань была в связи с расчисткой лесов спрямлена, перенесена из района Атемара несколько северо-западнее и прошла через более интенсивно, развивающийся Саранск, минуя Атемар. Около 1680 года был упразднен и Атемарский уезд[2], с пе-

---

[1] Московский госархив древних актов. Материалы генерального межевания по Саранскому уезду. Экономические примечания, пар. 38.

[2] Отметим некоторые документы, в которых упоминается Атемар. уезд. 1640 г.—Атемарский уезд (Рукописн. фонд Мордовск. науч. иссл. ин-та, д. 259, стр. 77.)

1644 г.—Атемарский уезд—земля в вершине Сухой Пензятки (Госархив Мордовской АССР, ф. 15, д. 29, л. 112).

1644 (152) года — Атемарский уезд (Московск. архив древних актов, Белгород. стол, столбц. № 197, лл. 222—223).

1646—47 гг. — Атемарский уезд (А. Хвощев, Очерк. по истории Пензенского края. П. 1922, стр. 143—144).

1649 (157) года—Атемарский уезд за речкой за Рудней (смотреть со стороны города Темникова) Известия Тамбовск. уч. арх. комис., вып. XIV 1901 г., стр. 100—110).

1649—Атемарский уезд (Госархив Мордовской АССР, ф. Шишкеевского у. суда, д. 258, л. 6.)

1670 г.—Атемарский уезд (документы и материалы по истории МАССР, т. 1, Саранск, 1940 г., стр. 345).

1676 г.—Атемарский уезд (Госархив. МАССР, ф. Шишкеевск. у. суда, д. 258, л. 6).

1680 г.—Атемарский уезд (Рукописный фонд Морд. науч. иссл. ин-та, материалы Темниковской приказной избы, стр. 46.)

1680 г.—Атемарский уезд часто встречается в Атемарской десятне 1619—1680 гг. (Атемарская десятня. Русск. историч. библиот. т. XVII, СПБ 1898. Десятни Пензенского края). Упоминаний Атемарского уезда в документах, относящихся ко времени после 1680 года, нами не найдено.

редачей его территории Саранскому уезду, а сам город Атемар был переведен в разряд пригородов, т. е. городов, с сокращенным штатом учреждений и самих подчиненных ближайшим городам.

В Госархиве Мордовской АССР сохраняется описание пригорода Атемара от 1727 г., с пришедшей к этому времени уже в ветхость и утратившей былое значение крепости, где указывается, что в «городе три башни дубовые, четвертая липовая, а оные башни ветхие и стены и острог весь упал, да проезжая Никольская большая на валу упала... семь стволов ружейных, чепь (цепь) с стулом, витиль 6 сажен... а в том городе (т. е. в самой крепости, окруженной валами—И. В.) хоромного строения: две горницы с сенми... сгорели сего 1727 года... баня ветхая, изба скотная, ветхая, две лачуги, погребища, сарай, а все ветхие..»[1].

Пригородом Атемар числился еще в начале нашего века, хотя выглядел уже типичным большим селом с населением около 5 тыс. человек. В конце XIX века в Атемаре был упразднен и базар. О былом военном значении Атемара напоминали лишь его казачье, стрелецкое и пушкарское крестьянские общества и названия полей этих обществ.

Одновременно с строительством Атемара, т. е. с 1638 года, приступлено было к строительству и Саранской крепости—острога. Но Саранский острог строился несколько медленнее, чем Атемар, ибо Атемар был главным пунктом новой сторожевой черты, и его строительству было уделено больше внимания. Поэтому Саранский острог был завершен строительством на год позже, чем город—крепость Атемар, а именно в 1641 году.

Слово «острог» в значении — «крепость» связано в своем происхождении со словом «осторожать» (сторожить, охранять), вместе с тем оно связано и со словом «острога», ибо ограждение крепости состояло из частокола набитых в землю бревен, заостренных вверху.

Несмотря на то, что Саранский острог строился как подчиненный Атемару, однако, по размерам занимаемой территории, по вооружению и по количеству состава гарнизона он был с самого начала примерно равен Атемарскому острогу,

[1] Госархив Мордовской АССР, ф. 2, д. 16, д. 218.

тогда, как другие остроги, например, Шишкеевский или Инзерский (современное село Посоп, Саранского района) были значительно меньшими, чем Атемарский и Саранский.

Объясняется это тем, что Саранский острог был поставлен в районе большого узла дорог—Крымской (из Крыма в Казань) и Сурской (из Прикаспийских степей в Нижний Новгород) и, естественно, что для контроля над этим узлом требовались серьезные крепостные сооружения.

В имеющихся статьях о Саранске до сих пор не было дано документально обоснованного описания плана Саранской крепости—острога, расположения стен, рвов и т. д., ибо во время написания статей, в которых были сделаны попытки описать эту крепость (преимущественно вторая половина XIX века) земляное основание самой крепости уже не существовало, если не считать малозаметных остатков, которые без старинного чертежа не могли служить надежными ориентирами. Земляное основание Саранской крепости начало стираться еще в конце XVIII века в связи с интенсивной застройкой центра города и почти совсем стерлось уже в XIX веке.

Поэтому авторы статей о Саранске определяли конфигурацию бывшей Саранской крепости лишь приблизительно. Так, например, Г. Петерсон в своей работе «Краткий очерк достопримечательностей г. Саранска и Саранского уезда» писал: Саранская «крепость стояла на левом возвышенном берегу р. Саранки, там где теперь находится Казанская церковь (остатки стен этой Верхне-Казанской церкви находятся во дворе теперешнего здания Областной партийной школы, несколько южнее самого здания школы—И. В.), женская прогимназия (находилась там, где теперь здание Дома Советов, с юго-восточной стороны от этого здания—И. В.), собор (находился метрах в 20 северо-восточнее теперешней 6 школы—И. В.), полицейское управление (находилось в том здании, где теперь Министерство финансов Морд. АССР — И. В.) и тюрьма с находящимися около нее на горе домами» [1] (здание бывшей тюрьмы, переоборудовано в жилой дом—И. В.).

Как видно из приведенного описания, Г. Петерсон размещал Саранскую крепость на очень большой территории левого берега речки Саранки, начиная от того места, где теперь

[1] Г. Петерсон, «Краткий очерк достопримечательностей г. Саранска и Саранского уезда», Сборник Пензенского губернского статистического комитета, вып. IV, II. 1899, стр. 33—49.

Областная партийная школа (бывший Комвуз) и почти до трансформаторной будки, что рядом с детской поликлиникой. На самом же деле Саранская крепость занимала значительно меньшую территорию, чем это указано у Г. Петерсона.

В Московском архиве древних актов сохраняется план г. Саранска от 1782—89 гг., где вычерчены границы сохранявшегося еще тогда земляного основания Саранской крепости [1].

На основании этого документа мы и попытаемся описать месторасположение Саранской крепости, построенной в 1641 году.

Саранская крепость имела четыреугольную, почти квадратную форму. Северная и южная стороны ее равнялись ста десяти саженям каждая, восточная и западная—ста двадцати пяти саженям каждая. На всех четырех углах были, так же как и в Атемаре, земляные возвышения, быки, основания, на которых стояли деревянные наугольные башни.

В примечаниях к плану 1782—89 гг. указано: «в том городе (Саранске) старинная четвероугольная крепость, обнесенная с трех сторон земляным валом, местами ныне уже обвалившаяся, с четвертой укрепляется речкою Саранкою»[2].

До наших дней сохранились некоторые ориентиры, помогающие определить довольно точно три угла бывшей Саранской крепости.

Северо-западный угол ее, как это видно из плана 1782—89 гг., находился в 30-ти саженях южнее юго-восточного угла усадьбы Саранского монастыря. Это же подтверждается и другими данными. Автор статьи «К истории упраздненных монастырей пензенской епархии» А. Х. еще в 1903 году писал, что Саранский «Ильинский монастырь стоял, как это видно из документов, «на посаде», «за городом» (за крепостью — И. В.), «расстоянием от того города в 30 саженях», «при реке Саранке и не в отдаленности от реки Инзеры»[3].

[1] Московский архив древних актов. Материалы по генеральному межеванию. План г. Саранска с поселенными при нем слободами (по генеральному межеванию Пензенск. губернии 1782—89). Копия этого плана снята автором данной статьи в 1946 году. Печатается как приложение к данной статье.

[2] Московский архив древних актов. Материалы по генеральному межеванию. План г. Саранска с поселенными при нем слободами (по генеральному межеванию Пензенской губернии 1782—89 гг.) Экон. примеч.

[3] Пенз. епарх. ведом. 1903 г., № 7—8 «К ист. упразд. монаст. Пенз. епархии» А. Х., стр. 284. По монастырю наз. и ул. Ильинской (теперь Большевистская, ее часть от Советской до Коммунистического переулка).

Саранский Ильинский монастырь, переименованный в 1764 году в Петропавловский[1], стоял на том месте, где теперь здание гостиницы и четырехэтажный дом на углу ул. Советской и Ленинской.

Таким образом, земляное возвышение северо-западной наугольной башни Саранской крепости и сама башня стояли на том месте, где теперь проезд между зданием Горсовета и Министерством финансов Мордовской АССР, рядом с юго-западным углом здания горсовета. Остатки этого земляного возвышения башни заметны и теперь, хотя оно не раз срывалось, а земля оплывала под гору к речке Саранке.

Юго-западный угол крепости, как это видно из того же плана, находился саженях в пятнадцати южнее русла Саранки, на правом берегу оврага—притока Саранки, что идет из Пушкинского парка. На месте земляного возвышения юго-западной наугольной башни крепости стоит теперь дом, в котором проживает ветеринарный врач Сущинский. Остатки подбашенного земляного возвышения здесь более заметны, чем в проезде между зданием Горсовета и Министерства финансов.

Остатки земляного подбашенного возвышения юго-восточного угла крепости видны теперь под домом № 56, на Красной улице[2], что саженях в тридцати южнее русла Саранки.

Земляное подбашенное возвышение северо-восточного угла крепости, находившегося саженях в двенадцати к западу от входа в теперешнее здание Дома Советов, не оставило следов. Это земляное возвышение было срыто несколько десятилетий тому назад.

Наугольные башни крепости высотой до 6 сажен с их массивными земляными основаниями были соединены земляными валами высотой до трех сажен, а рядом с валом с наружной стороны крепости были рвы глубиной до двух сажен. На валу был острог, т. е. деревянное ограждение крепости снаружи, ввиде частокола из бревен, к острогу изнутри на валу же примыкали деревянные крепостные стены с приспособлениями для обороны крепости, для ходьбы по ним и для подачи на них вооружения.

Крепостные валы и стены размещались, как указано было выше четырехугольником и шли от современного здания гор-

[1] А. Масловский, Город Саранск (историко-статистическое описание). Пензенские епархиальные ведомости. 1880 г., № 19, стр. 23.

[2] Это дом П. А. Ионова, пятый дом по Красной улице к востоку от Московского моста через Саранку.

совета (от его юго-западного угла) на восток, вдоль теперешнего двора Министерства финансов и там, где теперь парк Дома Советов, до наугольной башни, что была на месте теперешней асфальтовой площадки перед Домом Советов; затем от башни вниз к речке Саранке, через речку до второй наугольной башни, что была на месте теперешнего дома № 56 по Красной улице, оттуда на запад по правому берегу речки Саранки, к третьей наугольной башни, что стояла в районе современного дома, в котором теперь проживает ветеринарный врач Сущинский. На Первомайской улице на правом берегу оврага—притока Саранки, идущего из Пушкинского парка, эта башня, как указывает историк Костомаров, называлась «Крымкой»[1], а затем крепостной вал и стена шли через речку Саранку по западному краю усадьбы, теперешней первой школы и к четвертой наугольной башне, что стояла в теперешнем проезде между зданием горсовета и двором Министерства финансов. Остатки рва с западной стороны крепости заметны и теперь. Это углубление по проезду на Осторожной горе сверху вниз к Саранке между зданием бывшей тюрьмы и жилым домом (Советская ул. № 28), что несколько лет тому назад был домом пожарного двора.

Название «Острожная гора»—единственное из сохранившихся в этом районе местных названий, напоминающее о бывшей здесь крепости — остроге.

Кроме четырех наугольных башен в Саранской крепости было две проезжих башни: нижняя и верхняя, которые возвышались над проезжими воротами в стенах крепости. О въездах в крепость напоминает сохранившаяся на том же месте дорога по горе на Московской улице. Нижняя проезжая башня стояла саженях в 10-ти юго-западнее современного моста через Саранку по Московской улице, верхняя — между зданием горсовета и парком Дома Советов.

Одна из башен Саранской крепости сохранялась до начала 80 гг. XVIII века, о ней в архиве Саранской воеводской канцелярии имеется следующая запись: «Башня дубовая, старинная, срублена из бревен, осьмиугольная, покрыта тесом, на ней колокола Спасского собора и казенные часы, железные, ветхие»[2].

[1] См. исторический роман Костомарова, «Сын», стр. 5.

[2] Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского ин-та, д. 247, материалы собранные Н. П. Руткевичем, лл. 71—74.

Речка Саранка, таким образом, была внутри крепости, а имевшийся на ней пруд (также внутри крепости) был водохранилищем на случай осады крепости и на случай пожара. Возвышение южного берега речки Саранки служило вместе с тем и основанием для южной крепостной стены. На это естественное возвышение, саженях в 10—25-ти южнее русла речки, была произведена дополнительно насыпь земли ввиде вала[1], а за валом с южной стороны вырыт ров, на валу же были обычные острог и крепостная стена. Внутренний склон этого вала, а также и внутренняя сторона крепостной стены были уступчатые, т. е. террасированы для удобства подъема на них и обороны, поэтому южный вал и стена крепости назывались просто «террасами» или «тарасами», поэтому и возникшая здесь позднее улица, как построенная на месте бывших «террас» («тарас») внизу под горой называлась вплоть до наших дней «Нижними тарасами», теперь улица Красная.

Таким образом, на территории бывшей Саранской крепости теперь находятся здания Наркомфина Мордовской АССР, Первой женской школы имени А. И. Полежаева и Шестой женской школы. В XVII веке здесь находились приказная изба (а потом воеводское управление), соборная церковь, склады и погреба для вооружения, винный погреб, пушки, конские стойла и др. крепостные и управленческие постройки. Постройки были деревянные, покрытые лубком, окна небольшие—слюдяные. Когда Саранск стал городом, то крепость стала именоваться не только острогом, но и городом, т. е. огороженным местом, именовалась она вплоть до XIX века еще и кремлем.

Гарнизон саранской крепости состоял из казаков, стрельцов и пушкарей. Вначале этот гарнизон имел около 250 человек, а потом увеличивался. И казаки и стрельцы и пушкари служили «с земли», т. е. им дана была на пашню «для кормления» земля. Крепостью управлял воевода. Во главе стрельцов, казаков и пушкарей были головы пятидесятники и десятники. Пятидесятники и десятники выбирались и назначались, как правило, на год[2].

Гарнизон крепости обязан был «строить городовое и засечное дело», т. е. содержать в порядке и ремонтировать са-

[1] Русло речки Саранки здесь извилистое, некоторые изгибы русла приближались к южной стене крепости, некоторые отдалялись, поэтому, мы указываем расстояние 10—25 саж.

[2] Г. Перетяткович, Поволжье в XVII в. и начало XVIII века, Одесса, 1882 г. стр. 133.

мое крепость и сооружения прилегающей сторожевой засечной черты, высылать сторожей и станичников «для проведывания неприятельских людей», как вдоль черты, так и в степь, держать наготове вооружение крепости: пушки, пищали и т. п., а при нападении противника «жить с великим бережением» и «татар через засеку и мимо засек на русскую сторону не пропускать».

Кроме того в обязанность гарнизона входили такие работы, как окашивание травы вдоль засеки во избежание пожара в сухое время, расчистка снега во избежание размыва валов при полой воде, а вместе с тем добывать себе хлеб на пропитание, т. е. пахать землю и убирать урожай.

В крепости находились пушки железные, пушки медные, пищали затинные, пищали стрелецкие, мушкеты, карабины и пр. Часть пушек помещались на башнях, часть у ворот крепости, пушечные ядра, порох, свинец, пушечное зелье помещались в амбарах и погребах.

Саранская крепость, как видно из приведенного ее описания, возвышалась на довольно высоком холме, откуда хорошо просматривалась территория за валом на юге, т. е. возвышение за рекой Инсарой на правой стороне, где проходила Крымская дорога, а также район Ахматкина брода и путь от него к Саранску по левой стороне Инсары, т. е. путь, ответвляющийся от Крымской дороги на Муром и Нижний Новгород.

Свое имя город Саранск получил от небольшой речки Саранки, протяженность которой всего лишь 8 километров, хотя рядом с городом проходит более значительная река Инсара. Но поскольку острог—крепость строилась на самой речке Саранке, то ее именем он и был назван.

Следует заметить, что если во время построения крепости и в последующие годы в документах воеводской канцелярии речка называлась Саранкой, то в некоторых церковных документах вплоть до XVIII века она называлась Сарой[1], причем попы и монахи это название и связывали с библейской Сарой и утверждали, что это «святая речка»[2]. Новый острог в

[1] Рукописный фонд Мордовского научно-исслед. ин-та, д. 803, стр. 26—27. (Из летописи Саранской Верхне-Казанской церкви).

[2] Историк Костомаров в своем историческом романе «Сын» называет эту речку «Иквой». Возможно, что это третье параллельное название речки, не употреблявшееся в официальных документах и до нас не дошедшее. Два назван. имеют некотор. речки Мордовии и теперь, например, Левжа, Ривза (Саранский р-н).

первые, годы его существования назывался и Саранским, и Саранчинским, и Саренским. Жители окружающих сёл и теперь ещё говорят: «поехал в Саранский», а не в Саранск. Эта неустойчивость в названии острога, а потом города отразилась даже и в столичных документах XVII века, так, например, в Московских дворцовых разрядах за 1672 год указано: «В Саранеск (воевода) Григорей Касагов»[1].

После 70 г. XVII в. в официальных документах отклонений при написании слова «Саранск» уже не встречается. Следовательно, возобладала народная традиция, воспроизводящая название города от слова «Саранка».

Откуда же произошло название речки, давшей имя городу? Г. Петерсон высказал предположение, что «имя города — Саранск — происходит от татарского слова «Саре» — жёлтый. «Жёлтою», — писал Петерсон, — саранская местность могла быть названа от множества жёлтых цветов, которые и ныне изобильно покрывают низменность по берегам рек Тавлы и Инсары около Саранска, но есть и другое татарское слово, в котором более явственно слышится имя города: это «заран», что значит зловредный. Если имя города произошло от этого слова, то, вероятно, потому, что низменная и болотистая местность, примыкающая к городу в старину, особенно славилась жестокими и упорными лихорадками[2].

Это высказывание Г. Петерсона было повторено и некоторыми другими краеведами, например, С. Вернером.

Однако утверждение, что слово «Саранск» произошло от татарского названия речки «Сара», не выдерживает критики. Оно научно не обосновано.

В статье о Суре и Инсаре мы уже приводили данные, свидетельствующие о том, что топонимика (т. е. местные названия) Саранского края сложилась ещё до прихода сюда татаро-монголов, а аборигенами данного края, как известно, была мордва, она и дала названия речкам и урочищам. В абсолютном большинстве эти названия сохранились до наших дней и только кое-где они заменены русскими названиями, или же не имевшие названия по своей малозначительности овраги и ручьи названы вновь по-русски.

Изучение архивных материалов и топонимики местного края позволило, как нам кажется, найти разгадку происхож-

[1] Дворцовые разряды. СПБ, 1852, т. III, стр. 885.

[2] Г. Петерсон, Краткий очерк достопримечательностей г. Саранска и Саранского уезда. Сборник Пензенского губернского статистического комитета, выпуск IV, П., 1899 г., стр. 33—49.

дения названия и речки, давшей имя города Саранска. Два притока Саранки, теперь в самом городе — ключ, идущий из Пушкинского парка, и ручей, идущий из Детского парка, до второй половины XIX века имели явно мордовское название «Верхляй»: «Мост через овраг Верхляй на Успенской площади, вблизи мясных рядов против церкви Успения»[1], «мост через овраг Верхляй на Успенской площади, против «улицы Планской»[2], мост «в Посацской улице на вражке, называемом Верхляйка»[3].

«Верхляй» — по-мокша-мордовски значит речка — ручей (ляй), идущий из лесов (Вирьхть). В старину, до постройки Саранска, эти два ручья действительно вытекали из леса на Венечной горе, где теперь шоссе на Рузаевку по Проломной улице. Впоследствии этот лес, образовывавший как бы венец на степном пригорке[4], был расчищен, о чём напоминает сохранившийся до наших дней «перелесок» между Саранском и Николаевкой, который составлял ранее продолжение перелеска на Венечной горе.

Наличие мордовских названий, притоков речки Саранки натолкнуло автора этих строк на мысль, что и объяснение названия самой речки нужно искать в мордовском языке. Но одного предположения недостаточно. Нужно было найти документ. После долгих поисков такой документ найден. Этот документ от 1621—22 гг., восходит же он в смысле названий речек и урочищ к 1485 году. Частично он был процитирован в нашей статье о Суре и Инсаре, где характеризовалась топонимика в районе к северу и северо-востоку от современного села Ключерёва к Саранску по речке Пелелейке и на северо-запад от её вершины.

Некоторые из перечисленных в указанной статье урочищ (бортные ухожаи) этого района хотя и принадлежали в XV и XVI вв. темниковским татарским мурзам Кутыевым, но все эти урочища сохраняли ярко выраженные мордовские названия, сложившиеся здесь ещё до прихода татар.

В XVI и начале XVII веков эти владения темниковских мурз Кутыевых граничили с южной стороны—«рубеж от Инзеры реки деревни Конаковы с мордвою с Шиндяем Анкиным и

[1] Госархив Мордовской АССР, ф. 20, д. 354, л. 48.
[2] Там же, л. 49.
[3] Рукописный фонд Морд. научно-исслед. ин-та, д. 247, лл. 71—74.
[4] Отсюда названия «Венечная гора» и «Венечная дорога» в окрестностях Саранска с юго-западной стороны, сохранившиеся до наших дней.

братьею, а с другой стороны (т. е. с западной — И. В.) — рубеж от Вишерпомры, деревни Мемеевы с мордвою с Агеем Мемеевым, а с третью сторону (т. е. с севера — И. В.) — рубеж Сарзымкуртом (в др. варианте «Саразымкшртом» — И. В.) деревни Суховы с Араслоном мурзою Сююшевым, а с четвертою сторону (т. е. с востока — И. В.) — речка Инзера, от усть Полелея (Пелелейки) речки вверх по речке Инзере»[1].

Деревни, указанных здесь владельцев урочищ (бортных ухожаев) Шиндяя Анкина, Агея Мемеева и Араслана Сююшева, находились в начале XVII века на сравнительно далеком расстоянии от их владений в районе реки Инсары и речки Пелелейки. Населенный пункт с названием Конаково существует и теперь (мордовское село Подгорное Конаково, Темниковского района), мордовской деревни Мемеевой теперь нет, но она была еще в 1645 году в Темниковском уезде, в Краснослободском присуде[2], где-то недалеко от современного села Колопино (Синдровского района), татарское поселение Сухово существует и теперь (д. Сухово, Темниковского района).

В 1642 году, когда селились служилые татары д. Пензятки (теперь с. Пензятка, Лямбирского р-на), приписанные тогда к Атемарской сторожевой черте, рядом с ними несколько южнее было уже мордовское поселение, а земля Пензятских татар «на пензенской вершине (на вершине речки Пензы — И. В.) была смежной с Конаковскою мордвою»[3].

Стало быть, часть мордвы деревни Конаковой из-под Темникова к тому времени уже переселилась в район своих старинных владений, несколько южнее современного села Пензятки и образовала здесь поселок. Затем, как сообщают сторожилы села Пензятки[4], «мордва перешла южнее, т. е. на речку Перхляй» (перьф—вокруг, ляй—речка). Таким образом, первые поселенцы с. Перхляя были выходцами из д. Конакова, из-под Темникова, затем в Перхляй подселились несколь-

[1] Госархив Мордовской АССР, ф. I (фонд Саровского монастыря), д. 7, лл. 13—26. др. вариант, там же, д. 95, лл. 91—100.
[2] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. III, Саранск, стр. 150.
[3] Рукописный фонд Мордовского научно-исслед. ин-та, материалы Темниковской приказной избы, лл. 154—255.
[4] Указанное предание мной записано в селе Пензятке в июле 1948 г. В Пензятке до сих пор один из мостов называется Мокшанским, а невдалеке от села есть место, называемое «Кереметь», здесь было старое мордовское мольбище. Все это подтверждает правильность предания, о том, что рядом с Пензяткой было мордовск. поселение.

ко человек из мордовской деревни Коровяковой[1], стоявшей в районе современного с. Говорова, Мельцанского района.

Перхляй — мокшанское село, но в топонимике, окружающей это село, сохранились остатки названий, которые звучат по эрзянски: название речки Ривзи (ривезь — лиса, по мокшански лиса—келась) и урочища Ривезьарамки (лисьи стоянки), хотя в районе Перхляя явно преобладает мокшанская топонимика. О том, что перхляйцы выселились из Конакова, из-под Темникова, напоминает и фамилия Шиндясовых, живущих ныне в Перхляях (см. Шиндяй из Конакова).

Из деревни Мемеевой, Краснослободского присуда, часть мордвы в первой половине XVII века, вероятно, еще до постройки Атемарской черты, выселилась и образовала поселок на своей земле, где теперь Русская Свербейка, Саранского района. Несколько позднее эта земля в Свербейке именуется уже «покидной мордовской землей»[2], а затем она была отдана помещику и заселена русскими крепостными крестьянами.

Из татарской деревни Сухова, из-под Темникова, вероятно, во время строительства Атемарской сторожевой черты выселилась часть татар и образовала на своей земле деревню Татарскую Свербейку (рядом с Русской Свербейкой). Татарская Свербейка существует до сих пор (дер. Татарская Свербейка, Лямбирского района).

Из приведенных выше данных выясняется, что ко времени постройки Саранской крепости, на юг и юго-запад от нее, по левую сторону реки Инсары находились преимущественно владения мордвы-мокши Темниковского уезда. Здесь стали появляться уже небольшие поселения мордвы—Перхляй, мордовское поселение на месте нынешней Рус. Свербейки и др. Южнее Перхляя также были владения мордвы Темниковского уезда, где впоследствии образовались мордовские поселения Сузгарье, Левжа, Мордовская Пишля. Вместе с тем здесь также были и владения татар Темниковского уезда. Но топонимика (названия рек, урочищь и т. д.) была здесь сплошь мордовской как в мордовских владениях, так и в татарских. И вот среди этой мордовской топонимики, сложившейся здесь

[1] Рукописный ф. Морд. Н. И. И., д. 269, лл. 25—28.

[2] Рукописный ф. Морд. Н. И. И., Материалы по истории Мордовии XVII — XVIII веков, собранные С. Вернером, стр. 18.

до прихода татар, мы и находим название, давшее имя речке Саранке, а затем и городу Саранску. Это процитированное выше название урочища «Саразкурт»[1], что значит по-мордовски сборище тетеревов, тетеревятник («Вирь сараз» — лесная курица—тетерев, «курт»—сборище).

Указанное урочище, как видно из приведенной цитаты, находится как раз на том месте, где берет свое начало речка Саранка. В вершине Саранки, в березовой роще, и теперь еще водятся тетерева, куда ходят за ними охотиться саранские охотники. В ближайших русских поселениях (в Блохине, Ключереве) и теперь это место называют тетеревятником[2]. Несколько подальше, к с. Перхляй, находится еще одно мордовское название, близкое к интересующему нас — «Сараз эши» (куриный колодец).

Как известно, названия многих речек Мордовии связаны с названиями той местности, по которой они протекают или откуда берут начало[3]. Так и Саранка получила свое имя от названия урочища, откуда она берет начало — «Сараз курт».

Таким образом, в районе речки Саранки, так же, как и в прилегающих к ней с южной и юго-западной стороны районах, была сплошь мордовская топонимика: несколько выше ее истока «Сараз эши» (куриный колодец), у истоков—«Сараз курт» (сборища лесных кур—тетеревов), затем несколько ниже по ее течению «Ривезень варят» (теперь лисьи норы), еще ниже приток — (Вирьхть ляй) ручей, идущий из лесов и еще ниже второй приток того же названия[4].

Все это подтверждает правдоподобность нашего заключения о мордовском происхождении слов «Саранка» и «Саранск».

Не менее важен также вопрос о том, было ли на месте нынешнего Саранска какое-либо поселение до постройки крепости, т. е. до 1641 г.

Старые краеведы высказывались на этот счет положительно. Они допускали возможность существования населенного пункта на месте нынешнего Саранска до его постройки. Так, например, Г. Петерсон писал: «Распространение русской коло-

[1] «Сарзымкуртом», «Саразымкуром» творит. падеж.

[2] Записано мной со слов жителей указанных селений в июне 1949 года. Шмонькин, А. А., и Ермашкин И. В. (с. Ключерево). Церковнов П. Н. (с. Блохино.)

[3] Примеры — см. нашу статью «Первые поселенцы Саранска», Записки № 11 Мордовского науч.-иссл. ин-та.

[4] Кстати сказать, и параллельное название Саранки—Иква, приводимое Костомаровым, также мордовское название (Иква—Передняя).

низации в XVI веке не успело еще достигнуть до речки Инсары с ее притоками, поэтому становится возможным допустить, что... на месте нынешнего Саранска возникла татарская селитьба, вероятнее, «Крепь» (крепость) и, конечно, для того, чтобы служить оплотом против русской колонизации...»[1].

Однако это и подобные ему высказывания не выдерживают критики, ибо, как показано было выше, сразу же после разгрома Казанских ханов, Саранский край вошел в состав Московского государства и никакого оплота (крепости) татаро-монгольские ханы здесь, конечно, строить не могли.

Изучение архивных документов, топонимики и сохранившихся преданий позволяют сделать вывод, что на месте нынешнего Саранска не только не было никакой татарской крепости, но и не было вообще никакого татарского населенного пункта. Приведем некоторые данные в подтверждение этого вывода.

При описании атемарским писцом Семеном Вельяминовым земель и угодий района Саранского острога во время его постройки не было зафиксировано наличие здесь татарских владений, а прямо указано, что служилым людям саранского гарнизона—казакам и стрельцам отводится земля на пашню[2]. Если же постройка крепостных сооружений производилась на земле каких-либо владельцев, не имеющих непосредственного отношения к новостроющейся крепости, то обычно в писцовых книгах писалось, что эта земля «отошла за вал»[3], т. е. отошла под вал, или крепость.

В числе жителей Саранска при его основании татар не было[4], а если допустить, что они жили здесь ранее и при постройке крепости были переведены куда-то в другое место, это было бы зафиксировано в документах при отводе земли служилым людям саранского гарнизона.

[1] Г. Петерсон, Цитир. выше Краткий очерк достопримечательностей г. Саранска и Саранского уезда.

[2] Пензенский облархив, ф. 132, оп. 2., д. 4, лл. 1—7.

[3] Так о земле и лесных угодьях татарского князя Девлег Кильдеева, в районе, прилегающем к с. Перхляю с востока, тем же Атемарским писцом Семёном Вельяминовым прямо указано, что эта земля и лесные угодья «отошли за Атемарский вал».

Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. XIV, 1901 г. стр. 100—101. О татарской земле д. Паевы, отошедшей под постройку крепости и города Инсар, так же отмечено было в писцовых книгах. Рукописн. фонд Мордовского научно-исследовательского института. Материал Темниковской приказной избы, лл. 14—16.

[4] Татарских фамилий среди первых поселенцев Саранска нет. (См. нашу ст. «Первые поселенцы Саранска») Зап. № 11 Мордов. Н. И. И., 1949 г.

Более правильным будет утверждать, что до постройки Саранской крепости здесь было русское поселение. На этот счёт имеются веские доводы.

В состав Саранского гарнизона, как мы указывали в статье «Первые поселенцы Саранска»[1], были также переведены служилые люди с Темниковско-Пузской-Алатырской засечной черты, а также поверстаны («прибраны») вновь из сёл и деревень южной окраины Горьковского края. В состав гарнизона было поверстано несколько человек мордвы, абсолютное же большинство русских. В настоящее время мы имеем новые данные, уточняющие и пополняющие наши сведения о первых поселенцах Саранска. Нами разыскан наиболее ранний документ о заселении Саранска—Выпись из Атемарских писцовых книг 1642 и 1643 гг. на землю саранских казаков. Из этого документа видно, что в 1642 году, вероятно, весной, в Саранском острожке селилось 63 семьи новополковых конных казаков, в числе их 10 человек темниковцев, 5 ядринцев, 3 курмышца, 2 арзамасца, 1 лысковец, 1 казанец, 1 юрьевчанин, 1 алатырец, 1 владимирец, 1 касимовец, 1 из Перми и 36 человек без указания о их прежнем местожительстве[2]. Населённый пункт на месте Саранска был, вероятно, небольшим по количеству дворов, ибо он не мог укомплектовать гарнизон крепости, в котором в первый год её существования было всего немногим более двухсот человек.

Известно также, что задолго до постройки Саранской крепости здесь была церковь Ивана Богослова, вначале деревянная, а потом, когда уже был построен Саранск, с 1693 года[3]—каменная. Эта церковь сохранилась до наших дней. Она стоит на Демократической, бывшей Богословской улице, рядом с городской поликлиникой.

В Саранске бытуют предания, что это самая старейшая церковь, возникшая тогда, когда ещё не было здесь крепо-

[1] Первые поселенцы Саранска. Записки Мордовского научно-исслед. ин-та, № 11, г. Саранск, 1949 г.

[2] Выпись из Атемарских писцовых книг 1642 и 1643 гг. на казачью землю Саранского города полковых конных казаков, прибранных на службу и устроенных пашнею в Саранском уезде. Подлинник хранится в рукописном фонде Мордовского научно-исследовательского института, до 1950 года хранился в Куйбышевском краеведческом музее. Документ печатается как приложение к данной статье.

[3] Госархив Мордовской АССР, ф. 2, д. 143, лл. 129—131.

сти. Это предание подтверждается и документально. В прошлом веке в указанной церкви был найден антиминс, датированный 1600 годом, о чём были публикации в местной печати. «В 1873 г... — писал А. Масловский,— по случаю снятия с престола (Ивано-Богословской церкви) одежды, в престольной доске найден антиминс толстого русского холста, помеченный 1600 годом без патриаршей подписи. Из этого видно, что церковь Ивана Богослова началась стройкою ранее 1600 г. Кроме того, есть икона благовещения богородицы с надписью: «Написана сия икона 1600 года» [1].

Стало быть, строилась церковь Ивана Богослова до 1600 года, в XVI веке, за 40 с лишним лет до постройки Саранской крепости. В селе Блохине, которое находится в 10 километрах северо-западнее Саранска, существует предание, что со времени поселения Блохина оно было приходом в Богословской церкви [2], а заселение Блохина происходило несколько раньше постройки Саранской крепости. Так, по отдельной грамоте Темниковского воеводы Сергея Левашева от 1640 года в Блохине значилось уже «атемарских запищиков 50 человек» [3].

Следует отметить также, что в преданиях старожилов Саранска и окружающих селений указывается, что верхний лес, примыкающий теперь к Саранску с западной стороны, когда-то доходил до теперешней Богословской церкви, а вместе с тем достоверно известно, что при постройке Саранской крепости в этих местах уже леса не было, о чём свидетельствует наличие здесь земляного вала. Если бы был лес, то вал, разумеется, не строили бы, а строили бы лесную засеку. Стало быть, лес в указанных местах был расчищен обитавшими здесь жителями ещё до постройки Саранской крепости.

Что же за населённый пункт был здесь до постройки Саранской крепости? Приведём на этот счёт существующие предания.

Старожил села Б. Елховки, Лямбирского района, 82-летний Барабанов Я. Е. сообщает: «После войны Ивана Грозного,

---

[1] А. Масловский, Город Саранск, историко-статистическое описание. Пензенские епархиальные ведомости, 1880 г., стр. 15.

[2] Предание мной записано со слов блохинских старожилов Ф. Д. Гурова и др. в июне 1949 г.

[3] Известия Тамбовской учёной архивной комиссии. Вып. 45, 1901 г., стр. 100—110.

там, где теперь Саранск, завели монастырь, там лес был»[1].

Группа старожилов с. Блохина, Саранского района передает, что «Саранский монастырь построен был в лесу». Это предание сообщила блохинским крестьянам игуменья Саранского монастыря, когда они нанимались на работу в данном монастыре.[2]

Старожил с. Посопа, Саранского района 70-летний М. Н. Ерин сообщает следующее: «Саранск старше Посопа. Когда города Саранска не было еще, было село Иваново, где теперь церковь богослов, и окружено лесом было, или Иван-город. Поселение маленькое было. Дома были покрыты полубами»[3].

В самом Саранске бытует предание, что до постройки крепости и города здесь было село Богословское и находилось оно там, где теперь церковь Ивана Богослова[4].

В связи с этим следует заметить, что пять улиц (целый район Саранска), примыкавших к богословской церкви, назывались до Октябрьской революции Богословскими: 1-я Богословская (теперь Демократическая), 2-я Богословская (теперь Пролетарская), 3-я Богословская (теперь Халтурина), 4-я Богословская (теперь Карла Либкнехта) и 5-я Богословская (теперь Дмитрова).

Из приведенных данных можно сделать вывод, что, вероятно, еще во время царствования Ивана Грозного на месте нынешнего Саранска, там где теперь Ивано-Богословская церковь, тогда на опушке леса, в связи с организацией сторожевой службы нашего края возникло небольшое поселение, названное по имени царя Ивановом, одновременно с этим, вероятно, здесь появились и монахи, построившие себе одну, а может быть, и несколько келий.

К концу XVI века в Иванове построили Иваново-Богословскую церковь, которая и получила в 1600 году указанный выше антиминс. Крест с короной, находившиеся здесь со времени похода князя Курбского, вероятно, были перенесены с часовни на построенную церковь, а позднее, когда уже в Са-

---

[1] Предание мной записано со слов Я. Е. Барабанова в с. Елховке в июле 1948 г.

[2] Записано мной со слов группы пожилых колхозников с. Блохина в июне 1949 г.

[3] Записано мной со слов М. Н. Ерина в с. Посопе в июне 1949 года.

[4] Данное предание довольно широко распространено в Саранске. Мной оно записано со слов старожила Саранска, потомка первых поселенцев казаков г. Саранска, Ф. И. Елховикова в мае 1947 года.

ранске построен был собор, они были перенесены на колокольню этого собора.

Первые поселенцы Иванова имели богатейшие угодья: тучные черноземы, лес, заливные луга вдоль Инсары и богатые рыбные ловли. Вместе с тем, будучи на опушке леса, они могли укрываться в нем во время набегов ногайцев и крымцев, а наличие узла больших дорог позволяло иметь некоторые и дополнительные доходы, ибо проезжающие из Прикаспийских степей на Нижний Новгород торговые люди делали здесь остановки, как в крайнем в то время к степи населенном пункте по большой дороге.

С постройкой церкви Иваново стало именоваться селом Иваново-Богословским, а потом просто Богословским. Во время сооружения Саранской крепости—острога мужское население села Иваново-Богословского вошло в состав гарнизона этой крепости.

О том, что на месте нынешнего Саранска был еще в XVI веке сторожевой пункт и русское поселение высказывали предположение и некоторые краеведы еще в прошлом веке: А. Масловский[1], А. Любимов[2] и др. О том, что здесь «был сторожевой кордон», сохранились предания даже в сравнительно отдельных от Саранска пунктах, например, в с. Инсаре[3].

Косвенное доказательство существования населенного пункта на месте нынешнего Саранска еще до постройки крепости—острога мы можем усматривать и в сохранившихся до наших дней названиях дорог и гор Никитинской и Ладской на северной окраине Саранска, которые связывали этот населенный пункт непосредственно без промежуточных селений с с. Ладой и с. Никитином, а Никитино и Лада, как известно, являются старейшими русскими поселениями нашего края. Так, например, в 1607 г. Лада была уже дворцовым селом со значительным количеством населения[4]. Возникла же Лада гораздо раньше, чем 1607 год.

---

[1] Пензенские епархиальные ведомости, 1880 г., № 18, г. Саранск (историко-статистическое описание), стр. 11.

[2] Пенз. губ. ведом. за 1898 г., № 276, «г. Саранск (ист. справка)».

[3] Записано в с. Инсаре в 1948 году.

[4] Рукописн. фонд Морд. Н. И. И. Мат-лы, собр. К. Котковым (Саранск и Саран. у.) стр. 17, «Арзам. акты 1578—1618 гг.» в тч. им. общ. ист. и др. Рос. при Мос. ун., 1916 г., кн. 1, стр. 324—325. А. Хвощев, Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922 г., стр. 31.

Наряду с Атемаром и Саранском по Атемарской черте были построены и менее значительные крепости—остроги: Шишкеевский и Инзерский.

Инзерский острог (современное село Посоп) строился одновременно с Саранском, т. е. с 1638 по 1641 год.

К 1642 году постройка Инзерской крепости была уже закончена, ибо весной этого года для гарнизона крепости была отведена земля. В Атемарских писцовых книгах Семена Вельяминова от 1642 года было записано: «Инзерского острогу сту человеком сторожем, которых впредь приберут дикого поля на пашню добрые земли 1500 четвертей (750 десятин) в поле, а в дву потому ж, сена 3000 копен (300 десятин, по 15 четвертей, сена по 30 копен человеку... а межа Инзерского острогу почен от земленого валу рекою Инезерою, живым рубежом до устья реки Сухой Пензы и тою речкою Сухою Пензою вверх же живым рубежом до земли Шечкеевского острогу, направе земля Инезерского острогу, а налеве земля Саранского острогу...»[1].

Остатки земляного основания Инзерского острога сохранились до наших дней. Он стоял на высоком холме, справа, невдалеке от берега речки Тавлы (теперь южная часть села Посопа, вблизи от здания Райкома партии и Райисполкома), откуда открывается вид на юг по долине реки Инсары на 15—20 километров. Эта Инезерская долина и контролировалась острогом, почему он и назван Инзерским.

Территория Инзерской крепости была в четыре раза меньшей, чем территория Саранской или Атемарской крепостей. Инзерская крепость была четырехугольной, каждая стена в 50 сажен длиной. На углах крепости было четыре наугольных башни, с северной стороны был въезд в крепость. Гарнизон крепости состоял из стрельцов и сторожей в количестве около двухсот человек, хотя в Инзерском остроге была и казачья служба. Так, например, казачью службу по Инзерскому острогу несли мордва деревни Елховки[2] (современная Малая Елховка: в то время здесь была мордовская деревня).

Когда в конце XVII века Инзерский острог стал утрачивать военное значение, значительная часть служилых людей этого острога, в количестве 90 дворов[3], была переведе-

---

[1] Рукописный фонд Мордовского Н. И. И., д. 257, стр. 1—7.

[2] Там же.

[3] А. Хвощев, Очерки по истории Пенз. края. Пенза, 1922 г., стр. 113.

на в 1696 году в Азов, а земля инзерцев, переведенных в Азов, а также луга и кустарник вдоль реки Инсары по правую сторону этой реки, на север от острога, были переданы вновь поселяющимся здесь крестьянам, которые образовали рядом с слободой оставшейся части служилых людей Инзерского острога Посопную слободу[1], т. е. поселение крестьян, которые обязаны были платить посопный хлеб для содержания военных гарнизонов Москвы, Саратова и др. городов. Отсюда и название Посопная слобода, а потом село Посоп.

В Госархиве Мордовской АССР сохраняется документ, позволяющий датировать образование рядом с Инзерским острогом Посопной слободы 1704 годом, когда по указу Петра Первого казанский разборщик Александр Сергеев переселил беглых крестьян-бобылей из г. Саранска мордвина новокрещена Игнатия Иванова и др. во вновь заселяющуюся в том году Посопную Инзерскую слободу[2].

В преданиях, сохранившихся в с. Посопе, происхождение названия села воспроизводится от слова «пособлять» (пособлять городу в войне против татар). Это предание близко к истине, но оно не точно передает смысл значения слова «посоп». Прилагательное «посопный», как утверждает историк Н. Калачев в своей «Заметке об Инсаре», «по всей вероятности, происходит от слов посоп, посп, пасн, процент, ибо хлеб, получаемый казною от наемщика, есть действительно процент, который он платит за пользование землей».

В 1708 году Инзерский острог отнесен был так же, как и Атемар в разряд пригородов, но пригородом он был всего лишь 11 лет, до 1719 года.

По первой переписи (1719—25 гг.) в Инзерском остроге было мужских душ: солдат (стрельцов) 81 человек, бобылей 21 чел., отставной 1 чел., всего 103 чел[3]. В 1763 году в Инзерском остроге уже было 1494 души мужского полу[4]. Часть

[1] В Посопе до сих пор сохранилось название одной улицы «Ладская». Это свидетельствует о том, что некоторая часть поселенцев Посопной слободы были выходцами из села Лады.

В Посопе бытует предание, что Посопная слобода или «Пособка» заселялась ссыльными людьми, в числе которых были не только русские но и мордва. Предание записано мной в с. Посопе в 1949 г. со слов старожила данного села С. Г. Пескова.

[2] Госархив Мордовской АССР, ф. 2, д. 9, л. 314.

[3] Московский архив древних актов. Материалы первой рев., д. 3009, л. 512.

[4] Там же, Матер. 2-й по саранскому уезду.

крестьян Посопной слободы в первой половине XVIII века были дворцовыми крестьянами, а часть их были розданы монастырям: Спасову монастырю, Прилуцкому, Ипацкому, Симонову, Вознесенскому, а также помещикам: Трегубову и др.[1].

При генеральном межевании в 1782 — 89 гг. пахотным солдатам Инзерского острога было отмежевано земли 1460 десятин, Посопной слободе—2455 десятин[2]. К этому времени монастырские крестьяне Посопной слободы вышли из-под ведения монастырей и числились «ясашными и экономическими крестьянами» и были «на положенном казенном окладе», часть же крестьян Посопной слободы оставалась крепостными, ими владели помещики Потолов, Василевский и Беклемишев и находились они «на помещичьем оброке»[3].

Несколько позднее эта часть крестьян была отписана от указанных помещиков.

В XIX веке инзерские стрельцы уже писались казенными крестьянами, бывшие монастырские Посопной слободы — экономическими, т. к. они после секуляризации монастырских земель (1764 г.) ведались в государственной коллегии экономии, а бывшие помещичьи — отписными, т. к. они были отписаны от помещиков задолго до реформы 1861 года.

Инзерский острог и Посоп в XIX веке слились в один населенный пункт, ставший центром Инзерско-острожской волости, крупным селом с населением до 4 тыс. чел.

О прошлом военном значении Инзерского острога в это время напоминали лишь названия одного из сельских обществ с. Посопа — «Инзерское» и улица «Стрельцы».

Шишкеевская крепость — острог (теперь село Шишкеево, Рузаевского р-на) строилась одновременно с другими крепостями Атемарской сторожевой черты в 1638 — 41 годах, а не в 1644 году, как это указывалось в статьях некоторых краеведов.

В 1642 году гарнизону Шишкеевской крепости, как уже построенной, отведена была земля.

В Атемарских писцовых книгах Семёна Вельяминова этого года записано следующее: «в Шечкеевском острожке селятся новополковые казаки Ивашка Васильев сын ситник с товарищи и с теми, которых впредь приберут 250 человек, дикого по-

[1] Московский архив древних актов. Материалы 2-й ревизии по Саранскому уезду.

[2] Там же, Материалы генерального межевания по Саранскому уезду.

[3] Там же.

ля за ними на пашню добрые земли по обе стороны речки Шечкеевки вниз речки Сивины 3000 четвертей в поле, а в дву потому ж, сена по речке Шечкеевке вниз поль по вражкам 6000 копен, да... в додачу отхожие земли... 550 четвертей в поле, а в дву потомуж, сена меж поль по вражкам 1100 копен, да меж речек Вердоула и Мурзолей в пустоши Кордабе дикого поля на пашню 280 четв. в поле, а в дву потому ж, сена по речке Рудне и Вердоула и по речке Мурзалей и меж поль по вражкам 560 копен, да им же полковым казакам в додачу дано и попримерено у Монтелея мурзы Байбарсова с товарищи, что было на оброке за Пурдышевским монастырем вниз по речке Рудне и по правую сторону дикого поля на пашню добрые земли 670 четвертей в поле, а в дву потому ж сена по речке Рудне и меж поль по вражкам 1340 копен, да им же в додачу дано вверх по речке Рудне против деревни Кулдымовы... дикого поля... 800 четв. в поле, а в дву потому ж, сена по речке Рудне... 1600 копен, а всего Шечкеевского острогу казакам 250 человекам... отмерено дикого поля на пашню 5300 четвертей в поле, а в дву потому ж, сена 10600 копен...»[1]

Из приведенного отрывка архивного документа видно, что гарнизон Шишкеевской крепости был по тому времени довольно значительным. Только в самом остроге было поселено 250 казаков, а земля шишкеевцев тянулась на север от острога километров на 20, до окрестностей современного села Ингинер Пятины, Мельцанского района. Кроме 250 казаков в Шишкеевском гарнизоне несли службу и стрельцы (современное с. Стрелецкая Слобода, рядом с Шишкеевом), были в Шишкеевском гарнизоне и пушкари, о чем напоминает улица «Пушкарка» в современном Шишкееве. По Шишкеевскому гарнизону несли также казачью службу и татары.

В той же атемарской писцовой книге Семена Вельяминова от 1642 года было указано: «Опричь Шечкеевского острожку полковым же казакам отхожие татарские слободы, слобода татарская на левой вершине речки Пензы на правой стороне, что писалися в службу в Шечкеевский острожек в полковые казаки, селятся ново Танашка Ишьев с товарищи пятьдесят человек, и тое татарской слободы полковым казакам отмерено дикого поля добрые земли 1060 четвертей в поле, а в дву потому ж, сена 2120 копен, пятидесятнику 40 четвертей, сена 80 копен, четырем человекам десятникам по 30 четвертей, сена

[1] Госархив Мордовской АССР, ф. 2, д. 18, лл. 230, 231 и 236.

по 60 копен, рядовым казакам по 20 четв., сена по 40 копен, потому, что близко Шечкеевского острожку против государева указа дикого поля не стало»[1].

В этом отрывке писцовой книги речь идет о казаках д. Пензятки, где при самом начале строительства Атемарской черты поселилось 4 человека, а в 1642 году сюда еще подселено было 46 человек.

По Шишкееву же служили казачью службу татары д. Мельцапина[2] (теперь село Мельцапино, Лямбирского района). Казачью службу служили по Шишкееву и мордва той же деревни Мельцапина[3]. Мордва также были и в числе шишкеевских пушкарей.

Часть пушкарей были поверстаны в Шишкееве из мордовской деревни Кулдым[4]. По Шишкееву несли службу также и казаки д. Ингеняр[5].

Будучи довольно значительной по количеству служилых людей, по территории же сама Шишкеевская крепость была небольшой. Она занимала площадь в два раза меньшую, чем Саранская или Атемарская крепости.

В современном Шишкееве сохранились остатки земляных валов и подбашенных насыпей крепости. Судя по этим остаткам можно заключить, что территория Шишкеевской крепости имела форму параллелограмма, две стены крепости были длиной по 100 сажен каждая, две — по 40.

Шишкеевская крепость была расположена на левом берегу речки Шишкеевки, на холме, откуда хорошо просматривается безлесная степная полоса вверх по речке Шишкеевке. Крепость и запирала проход через безлесный промежуток вдоль этой речки. Вероятно, и название свое речка Шишкеевка получила потому, что она как бы делит этот безлесный промежуток пополам, что значит по мокша-мордовски «шечке» (разделенное пополам). От названия речки получила название и построенная на ней крепость, которая именовалась раньше Шечкеевская, а не Шишкеевская.

[1] Госархив Мордовской АССР, ф. 2, д. 18 лл. 230 — 231.

[2] Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского ин-та, д. 517, стр. 11—12.

[3] Там же.

[4] Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. XV, 1903 г. стр. 100—110.

[5] См. нашу статью «Саранский воевода Петр Лермант», альманах «Литературная Мордовия» № 2, 1941 г., Саранск, стр. 14—18.

В связи с некоторой утратой к концу XVII века военного значения Шишкеевской крепости из нее так же, как и из других крепостей Мордовии, некоторая часть служилых людей была переведена на юг. Так, например, в 1696 году из Шишкеева в Азов было переведено «на вечное жительство» 96 дворов[1] служилых людей, о чем напоминает сохранившееся до сих пор название одной из улиц Шишкеева «Перведенка».[2]

Возникший как военный пункт Шишкеев, хотя и утратил в XVIII веке военное значение, но получил некоторое экономическое развитие, находясь на хороших землях, имея луговые угодья и леса поблизости, а также добротные глины, на базе которых развился в Шишкееве гончарный промысел. В 1708 году Шишкеев был возведен в разряд пригородов. По первой переписи (в 1719—25 гг.) в нем было около 1000 человек населения, в т. ч. дворян 3, подьячих 11, солдат (казачьей службы) 457, пушкарей 8, бобылей 11, дворовых людей 4[3]. В 1780 году Шишкеев был возведен в степень уездного города Пензенского наместничества. Уездным городом Шишкеев был до 1797 года, т. е. до упразднения Пензенского наместничества. С 1797 года Шишкеев более 100 лет был заштатным городом.

О былом военном значении Шишкеева напоминают названия: «Шишкеевская казачья слобода», улица «Пушкарка», улица «Форташная». (построенная напротив одного из фортов сторожевой черты) в самом Шишкееве, соседнее село «Стрелецкая Слобода» и остатки земляных валов Шишкеевской крепости.

Все четыре описанные выше крепости Атемарская, Инзерская, Саранская и Шишкеевская были соединены между собой сплошной укрепленной линией, чертой: земляными валами в безлесных промежутках и засеками в лесной местности. При описании указанных крепостей в отдельности было отмечено стратегическое значение каждой из них. Теперь отметим

---

[1] А. Хвощев, Очерки по истории Пензенского края. Пенза 1922, стр. 113.

[2] Были «переведены из с. Богородского, из с. Дракина, из с. Архангельского семей со ста и поселены в Саранском уезде на Солдатской земле Шечкеевского острогу после переведенных солдат, которые переведены были в Азов, а селил их Иван Федоров сын Болтина». Госархив Мордов. АССР, ф. 2, д. 18, л. 224.

[3] Московский архив древних актов. Материалы первой переписки по Саранскому уезду. д. 3009, л. 520.

некоторые общие принципы, положенные в основу планирования постройки всей Атемарской черты.

Как это видно из остатков крепостных сооружений, при постройке черты предусматривалось: во-первых, необходимость расположить ее так, чтоб она контролировала и запирала от набегов кочевников важнейшие пункты больших дорог (из Крыма в Казань и из Прикаспийских степей на Нижний Новгород); во-вторых, чтобы максимально большая часть черты проходила лесами во избежании излишних, к тому же очень трудоемких работ по сооружению земляных валов и в целях лучшей обеспеченности постройки лесоматериалами; в-третьих, чтобы сами крепости-остроги, находясь в безлесных промежутках, стояли на возвышенных местах, откуда было бы возможным просматривать максимально большее пространство степи к югу; в-четвертых, постройка крепостных сооружений должна была по возможности производиться там, где были уже населенные пункты, обжитые места и поднятые (распаханные) земли.

Все эти условия были учтены при постройке Атемарской черты. Она была расположена так, что запирались и контролировались сразу обе указанные большие дороги и Крымская, и Сурская (из Прикаспия в Нижн. Новгород) вместе с тем в районе, почти сплошь безлесной Инсарской долины найдено было такое место, где эта долина перехватывалась поперек с запада на восток лесными языками, за исключением небольших степных промежутков (от Шишкеева лес доходил почти до Саранска, невдалеке от Инзерского острога начинался опять лес и доходил до Атемара, от Атемара лес шел до реки Суры). В каждом из четырех безлесных промежутков этого направления была поставлена крепость—острог, все крепости стояли на холмах с крутым южным склоном, откуда просматривается вся степная сторона на юг, на сравнительно большем расстоянии; наконец, две главные крепости черты—Атемарская и Саранская строились в местах, где были уже поселения, т. е. в местах обжитых[1].

Сама Атемарская сторожевая засечная черта строилась одновременно с крепостями — острогами данной черты, т. е. в

---

[1] О том, что в районе Атемарской, Инзерской и Саранской крепостей до их постройки были тогда распаханные поля, мы находим указания в Алатырской писцовой книге Дм. Пушечникова от 1624—26 гг.—здесь в описании бортных ухожаев посопных татар деревни Сары Бахтиной (что была на речке Саре—притоке Суры) указано: «...да через лес до Тавлинской вер-

1638—1642 годах. В Московском архиве древних актов сохраняется документ, в котором дано описание Саранской сторожевой черты, ранее именовавшей Атемарской[1]. Это описание датировано 1681—84 годами, но оно воспроизводит картину сторожевой линии с первых лет ее существования. Как видно из этого документа Атемарско-Саранская сторожевая черта имела протяженность 49 верст 520 сажен, что в переводе на меры нашего времени составляет 99 верст 40 сажен или около 100 километров. Начиналась черта у Суры, напротив современного Сурского острога и кончалась за Шишкеевом в 15 километрах на юго-восток от него, в направлении к современной железнодорожной станции Хаванщина, где начиналась построенная несколько позднее Инсарская сторожевая черта.

Атемарско-Саранская черта на протяжении 18 верст шла степью, где были сооружены валы, террасы, а в некоторых местах—стоячий острог, на протяжении 81 версты она шла лесом, где были устроены засеки[2].

От Саранской крепости, от того места, где теперь юго-западный угол здания Дома Советов, крепостной вал и другие сооружения шли в направлении к реке Инсаре, к тому месту, где теперь железобетонный мост. На месте бывшего вала теперь стоят здания Дома Советов и Областной партийной

шины... на низ речкою Тавлою до поля до инзеровского по правой стороне, а левая сторона дикое поле с яв (раздельною) помрою, а от яв помры с каменным городищем и с мелкими помрами до Сарской вершины» (до вершины речки Сары—притока Суры). Рукописный фонд Мордовского научно-исследов. ин-та, д. № 479, л. 14. Отсюда видно, что поле по правую сторону Тавлы до Инзеры, т. е. в районе современного Атемара, Посопа и Саранска в 1624 году уже местами было распахано, тогда, как по левую сторону р. Тавлы было «дикое поле», т. е. непаханное. По правую сторону р. Тавлы, в районе каменного городища, у речки Каменной, где теперь Макаровские поля, были во второй половине XVII века, а, вероятно, и в первой д. д. Дубровки, Полянки (Мордовская деревня) и сельцо Каспанда. Госархив Морд. АССР, ф. 2, д. 1, л .410. Что Инзерское поле, т. е. поле по правую сторону реки Инсары, у сторожевой черты доходило до Атемара, видно из Атемарских десятен XVII века. Русск. историч. б-ка, т. XVII, СПБ 1898 г. Атемарская десятня 1679—80 гг., стр. 355.

[1] Копия этого документа снята Н. П. Руткевичем и хранится в настоящее время в рукописном фонде Мордовского Н. И. И. Подл. Моск. арх. древних актов. Док. разрядного приказа г. Белогородского № 1167, лл. 66—95. Копия—рукоп. фонд. Морд. Н. И. И., док. по ист. Мордов. АССР., XVII—XIX вв., лл. 9—20.

[2] Эти засеки имели протяженность: Атемарская 33 версты, Инзерская 5,5 верст, Саранская 9 верст, Шишкеевская 33,5 версты.

школы. Далее к востоку остатки вала сохранились под мостовой шоссе от железнодорожного переезда к железобетонному мосту через реку Инсару. Следует заметить, что и сами устои моста лежат с обеих сторон реки на насыпях старинного сторожевого вала. От самой Саранской крепости в указанном направлении шел «через ров стоячий острог» на расстоянии «7 сажен», затем террасированный земляной вал («тарасы») на расстоянии 300 сажен «до проезжей башни наугольной» (остатки земляного основания этой башни видны рядом с шоссе, между железнодорожным переездом и железобетонным мостом с южной стороны) и «от башни—вал до реки Инсары 8 сажен, от реки Инсары» вал до Инзерского острогу 898 сажен. Между Инзерским острогом и Инзерской засекой было 8 башен. В Инзерской засеке (в лесу от инзерского вала к Атемару), как и в других засечных местах, были «надолбы двойные и валеж», на полянах в лесу — «стоячий острог и надолбы двойные», через овраги ставился «косой острог». На валу за лесом к Атемару было 9 башен, в том числе одна проезжая «Никольская». За Атемаром на валу до Атемарской лесной засеки было 5 башен. Далее шла Атемарская засека до Суры.

К западу от Саранской крепости, от того места, где теперь коммунальный каменный одноэтажный дом № 28 по Советской улице (в проезде между зданием Горсовета и двором Министерства финансов Мордовской АССР), крепостной вал и другие сооружения шли в направлении к современным памятнику А. И. Полежаеву, зданию кино «Октябрь», родильному дому, (уг. ул. Демократической и Советской), затем позади усадьбы Мордовского научно-исследовательского института и в направлении к усадьбе психобольницы у городского верхнего леса.

От стен самой крепости в этом направлении было через ров (теперешний проезд по «острожной горе») «тарасов и по валу 13 сажен», затем «косого острогу 20 сажен», затем опять «тарасов 9 сажен», потом «острогу 16 сажен», затем «валу до башни 275 сажен»[1] через 56 сажен на валу еще была башня, затем через «422 сажени валу»—следующая башня[2], затем «валу 234 сажени и острогу 18 сажен», а потом Саранская лесная засека, которая начиналась там, где теперь психобольни-

---

[1] Земляное основание этой башни видно в огороде позади усадьбы Мордовского научно-исследовательского института.

[2] Земляное основание этой башни также сохраняется на валу, напротив строящейся трахомной больницы.

ца и шла верхним, а затем нижним лесом к Шишкееву. От Саранска до Шишкеева на валу, на поляне между засеками, было две башни и за Шишкеевом на валу была одна башня[1].

Как видно из приведенного описания черты, наибольшее количество караульных башен по черте было в районе Атемара и Саранска и меньшее количество их в районе Шишкеева, что опять-таки было связано с необходимостью наиболее крепко заградить главным проходом кочевников по Сурской и Крымской дорогам.

До наших дней сохранились валы и рвы Атемарско-Саранской черты на запад от г. Саранска, на восток от с. Посопа, на запад и восток от с. Атемара и по обе стороны с. Шишкеева. В черте г. Саранска следы вала заметны в местах, начиная от Демократической улицы и до западной окраины города (до ул. Дмитрова). Вал на пойме реки Инсары между Саранском и Посопом, по правую сторону реки не сохранился, здесь он смыт водой во время разливов реки, о бывшем здесь вале напоминает теперь лишь ручей, идущий от южной окраины с. Посопа к железобетонному мосту (через р. Инсару), этот ручей как раз и образовался на месте старинного рва, шедшего вдоль вала, часть этого рва от с. Посопа теперь составляет новое русло р. Тавлы, которая во время постройки сторожевой черты впадала в Инсару значительно южнее, чем теперь, а именно—напротив современного поселка «Пушкарский выселок»[2].

Остатки валов в местах лучшей их сохранности напоминают о значительности крепостных сооружений XVII века в нашем крае, а также дают возможность определить, как они строились. Так, например, разрез вала в районе с. Атемара показывает, что земляная насыпь укладывалась слоями: на чернозем клали трепел, который для большей связи и крепости обжигался[3], в других местах вала обнаруживаются слои глины

[1] Напротив этой башни форта и расположена теперь ул. Форташная, с. Шишкеева.

[2] Отведенная в 1674 г. земля саранским пушкарям находилась тогда между земляным валом и р. Тавлой, т. е. русло реки Тавлы было тогда с южной стороны от Пушкарской земли см. статью «Первые поселенцы Саранска», Зап. Морд. Н. И. И. № 11, но в плане генерального межевания 1782—89 гг. русло речки Тавлы обозначено с восточной стороны пушкарского поля. Москов. Госарх. древних актов, материалы генер. меж. по Саранскому уезду. (Об изменении русла речки Тавлы сохранилось и предание, бытующее до сих пор в. с. Посопе). Предание мной записано со слов старожила с. Посопа С. М. Пескова в 1949 году).

[3] Дневник археологической экспедиции Центр. музея Морд. АССР, проведенной в 1940 году, возглавляемой С. Вернером, Записки Мордовского научно-исследовательского института № 6, г. Саранск, 1946 г., стр. 87.

рядом со слоями чернозема. Земляные основания башен на валу делались выступами на южную сторону от вала, диаметр земельного основания башен равняется у подошв их, примерно, 8—10 саженям.

Строительство четырех крепостей—острогов Атемарско-Саранской черты с земляными валами, рвами, башнями и стенами, а также насыпь валов между крепостями высотой до трех сажен и рвов до двух сажен глубиной на протяжении 18 верст (между крепостями, устройство засек на протяжении 81 версты, «шириной от сорока до ста сажен»[1], а также 29 башен по валу (кроме острожных) требовало больших усилий. Достаточно сказать, что на одну только башню требовалось «300 бревен да 100 тесин»[2], а на средний сторог требовалось «30 тыс. бревен и 700 тесин»[3].

Все эти «огромные» по тому времени работы производились «дельцами» крестьянами, которых высылали воеводы из Темниковского, Арзамасского, Алатырского, Курмышского уездов, «подымовных людей» «с пяти дворов по человеку»[4], «ясашных и оброчных людей с десяти дворов по человеку»[5]. Привлекались к строительству и служилые люди—казаки, стрельцы, пушкари и др. «Дельцы» работали в чрезвычайно трудных условиях, часто без жилья, вдали от своих семейств, выполняя большие урочные задания при примитивной технике «с топоры, и с кирками, и с заступами и с лопаты», которые «дельцы» должны были приносить с собой[6]. «Дельцов» собиралось «к городовому и засечному делу» большая по тому времени армия. Количество их по Атемарско-Саранской черте доходило до 4 тыс. человек. Все крестьяне ближайших уездов облагались кроме того большими налогами «на атемарское городовое и засечное дело»[7].

[1] И. Юркин, Материалы для истории г. Корсуна. Корсун, 1908 г., стр. 8—9.

[2] Г. Перетяткович, Поволжье в XVII и нач. XVIII вв. Одесса, 1882 г., стр. 269.

[3] Там же.

[4] А. Зерцалов, Материалы по истории Симбирского края XVII—XVIII вв. Симбирск, 1900, стр. 29.

[5] И. Юркин, Материалы для истории Корсуна, Корсун, 1908 г., стр. 8—9.

[6] А. Зерцалов, Материалы по истории Симбирского края XVII—XVIII вв. Симбирск, 1900, стр. 29.

[7] Там же.

Вскоре по окончании строительства Атемарско-Саранской сторожевой черты, с 1647 года было приступлено к сооружению новой сторожевой черты в Мордовии—Инсарской..[1], ибо район Инсара, где проходила дорога из Прикаспийских степей на Москву, а также Крымская дорога, оставался открытым для набегов кочевников, и они после постройки Атемарско-Саранской черты стали устремляться через этот открытый проход.

В 1643 году татары пришли в Темниковский уезд через речку Инсарку (приток Иссы) «тем проходом, большою табунною дорогой, где ездят из Астрахани и из Саратова к Москве станичные головы с табунами»[2].

В это время «татары повоевали русскую деревню Паеву, мордовские и татарские деревни: Паеву, Старую Челмодаеву, Старую Потьму, Адашеву, Тумолу, Козину, Полянки и Веркужи»[3]. Нападения татар через район Инсара не прекращались и в последующие годы.

Крепость Инсар и была построена в районе пересечения Крымской и большой Посольской (из Прикаспийских степей в Москву) дорог. При постройке Инсарской крепости—острога учтено было ее большое стратегическое значение. Поэтому в отличие от менее значительных военных пунктов того времени в Инсаре была создана довольно сложная система укреплений. Кроме крепостных стен со стороны юго-востока (т. е. от перекрестка указанных выше дорог) путь к крепости на расстоянии двух километров от нее преграждал земляной вал, укрепленный бойницами. Ближе к крепости путь к ней преграждало русло реки Инсарки, а затем, уже на западном берегу ее, были крепостные стены. Инсарская крепость была снабжена довольно значительно по тому времени вооружением.

Инсарский острог был завершен постройкой в 1648 году и Инсар с того же года был объявлен городом с приписанным к нему уездом.

Одновременно с постройкой Инсарской крепости—острога строилась и Инсарская сторожевая черта (валы, засеки, терасы и пр.), которая была завершена постройкой в 1653 го-

[1] Рукописный фонд Мордовского научно-исслед. ин-та. Материалы Темниковской приказной избы, лл. 14, 15.

[2] А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М. Л. 1948, стр. 318.

[3] Там же.

ду[1]. На черте, кроме Инсара были тогда же, т. е. в 1647—53 гг. построены остроги: Потижский, Кортляевский и Лухменский.

С постройкой Инсарской сторожевой черты завершалось создание сплошной линии укреплений в юго-восточной части Мордовии. Инсарская черта соединилась в районе современной железнодорожной станции Хаванщина с Саранской сторожевой чертой.

Одновременно с постройкой крепостей — острогов рядом с ними строились и слободы, в которых селились служилые люди этих крепостей.

Кроме земли на пашню в поле служилые люди (казаки, стрельцы, пушкари и др.) обычно получали «земли под двор, под огород и под гумно на 40 сажен длиннику, 10 поперечнику»[2], а также «для новой селитьбы» служилым людям давалось «жалованья по шти (шести) рублев да по пищали человеку»[3].

Выше было указано о слободах Атемарского, Шишкеевского и Инзерского острогов. Все они были построены «в валу», т. е. с северной стороны от сторожевой черты, которая загораживала их с юга от набегов кочевников. Обычно слободы примыкали непосредственно к крепости—острогу, но были и исключения, т. н. Шишкеевская Стрелецкая слобода была построена в трех верстах от крепости—острога, тогда как Казачья и Пушкарская слободы Шишкеева непосредственно примыкали к крепости острогу.

В Атемаре, Посопе и Шишкееве следы слободского устройства этих пунктов в XVII веке сохранились до наших дней. В Саранске этих следов уже не осталось в связи с более интенсивным ростом города.

Как видно из материалов генерального межевания 80 гг. XVIII века, тогда уже население Саранска жило не слободами, а улицами, хотя полевая земля и другие угодья потомков Саранских служилых людей XVII века межевалось по слободам, в улицах же проживали рядом с потомками казаков и потомки стрельцов, и ремесленники, и торговцы и др.

[1] Н. Калачев, «Заметки об Инсаре и его уезде». Архив историко-юридических сведений, относящихся к России. Книги второй, половина первая, Москва, 1855, стр. 55.

[2] Г. Перетяткович, Поволжье в XVII и нач. XVIII в. Одесса, 1882 г., стр. 144.

[3] И. Юркин, Материалы для истории города Корсуна и его слобод. Корсун, 1908 г., стр. 12

Слободское устройство в черте города Саранска стало нарушаться еще в начале XVIII века со времени относительно интенсивного развития ремесел и торговли в городе. Метрические книги Саранских церквей 50—60 гг. XVIII века показывают уже отсутствие слободского деления в черте города этого времени тогда, как в XVII веке население Саранска жило слободами.

На вопрос, как размещались слободы Саранска с начала его постройки и до первых десятилетий XVIII века, можно ответить только с учетом данных о земельных владениях служилых людей Саранской крепости и данных о церковных приходах города в XVII в.

При постройке Саранской крепости земля, прилегающая к реке Инсаре с левой стороны от Саранска на север, отведена была Саранским казакам. Грань земли Саранского острога шла «от земляного валу рекою Инзерою, вниз живым рубежом до устья речки Сухие Пензы»[1]. В плане генерального межевания от 1782—89 гг. указана и южная грань земли Саранских казаков. Этой гранью являлся Никитинский овраг, т. е. овраг, идущий позади современного пенькового комбината, под Никитинской горой, между теперешними комбикормовым заводом и квашзаводом, и к реке Инсаре вдоль полотна железной дороги[2]. В экономических примечаниях к плану генерального межевания указано, что «внутри оной (т. е. казачьей земли)—церковная земля г. Саранска церкви живоначальной троицы» и «соборной церкви рождества христова»[3].

Отсюда видно, что троицкая и рождественская церкви Саранска были построены в Казачьей слободе; казаки же были в приходах этих церквей, почему попы данных церквей и получили «пищевую землю» в казачьих полях.

Обе эти церкви были построены при основании Саранска[4],

[1] Пензенский облархив, ф. 132, оп. 2, д. 4, лл. 1—7.

[2] Московский арх. древн. актов, мат-лы по генеральному межеванию. 1782—89 г., план Саранского уезда.

[3] Там же. По приказу Пенз. губернатора от 1863 г. часть земли Саранск. казаков была «отдана во владение Саранс. мещ. и цехам». Морд. госарх., ф. 20, д. 354, л. 5, эта земля наход. между Никитинским и Гнилым оврагами.

[4] А. Масловский, Город Саранск (историко-статистическое описание). Пензенские епархиальные ведомости, 1880 г., л. 18, стр. 13, 14, 15.

Одна из указан. церквей—рождественская была до 1795 г. соборной. Учитывая, что новый (второй) собор спасский стал строиться в Саранске с 1651 г., можно заключить, что старый собор, т. е. рождественский был построен значительно раньше, т. е. во время основания самого Саранска.

причем о постройке новой троицкой церкви в 1690 году на месте старой того же наименования сохранился документ, где прямо указано, что она строилась «в Казачьей крайней слободе»[1]. Место расположения данных церквей нам известно: здание бывшей рождественской церкви переоборудовано в городской хлебозавод (ул. Гражданская), здание бывшей троицкой церкви переоборудовано в мастерскую лесопромсоюза (уг. ул. Володарского и Рабочего переулка). По этим ориентирам точно воспроизводится место расположения Саранской Казачьей слободы, построенной в 1641 году.

Месторасположение Саранской Стрелецкой слободы, начавшей строиться в 1641 году, также воспроизводится по месторасположению земельных владений людей этой слободы и по церковным приходам. Земли Саранских стрельцов граничили с землями Саранских казаков с западной стороны, соответственно этому и само поселение «Стрелецкая слобода» располагалась к западу от Казачьей слободы, что подтверждается и данными о церковных приходах стрельцов. В одном архивном документе от 1657 года говорится: «...вместо стрельцов города Саранска соборный спасский поп Елевферий Акимов, да воскресенский поп Афонасей Власьев, да богословский поп Иван Кузьмин прихожан своих руки приложили»[2].

Стало быть, служилые люди Саранской Стрелецкой слободы со дня ее основания, т. е. с 1641 года жили несколько западнее казаков и состояли в приходах богословской, соборно-спасской и воскресенской церквей. Богословская церковь сохранилась до наших дней (на ул. Демократической, около городской поликлиники), на месте воскресенской церкви в 1682 г. была выстроена вознесенская с приделом покрова церковь[3], эта вознесенская или покровская церковь до наших дней стояла на перекрестке ул. Ленинской и Коммунистического переулка, напротив современной городской бани № 1, спасский собор находился в самой Саранской крепости, ря-

[1] А. Масловский, Город Саранск (историко-статистическое описание). Пензенские епархиальные ведомости, 1880 г., л. 18, стр. 16.

[2] Пенз. госархив, ф. 132, оп. 2. лл. 13—15.

[3] А. Масловский, Город Саранск, (историко-статистическое описание) Пензенские епархиальные ведомости, 1880 г., № 18, стр. 17.

дом с теперешней школой № 6[1]. По этим ориентирам восстанавливается месторасположение и Саранской Стрелецкой слободы.

На основе приведенных данных можно сделать некоторые выводы о месторасположении Саранской крепости с примыкающими к ней слободами в середине XVII века. Южной гранью Саранска был крепостной вал, сменяющийся в некоторых местах террасами и стоячим острогом. Крепостной вал вместе с террасами и стоячим острогом имел вид как бы тупого угла с выступающей на юг четырехугольной крепостью. Этот угол образовывался между точками у современных железнодорожного посолного переезда, здания Министерства финансов и точкой, что метрах в 60 севернее здания научно-исследовательского института (Советская ул. д. № 69.)

Современная Советская улица напоминает и теперь еще линию расположения крепостного вала, правда, несколько спрямляя эту линию. Таким образом, юго-восточная грань Саранска была в районе теперешнего железнодорожного посолного переезда, где стояла проезжая наугольная башня. Крайней юго-западной гранью Саранска было место в районе 60 метров севернее здания научно-исследовательского института, где по обе стороны современной ул. Халтурина стояли две сторожевых башни.

Северо-западная грань Саранска была в районе перекрестка современных Пролетарской улицы и Коммунистического переулка; северо-восточная — в районе перекрестка современных Рабочей улицы и Рабочего переулка.

В указанных гранях размещались сначала застройки Саранска: крепость—острог со всеми крепостными и управленческими постройками, к которой примыкала с северной стороны небольшая базарная площадь (торжок) там, где теперь Советская площадь[2], от базарной площади к северу шла Большая (Московская, Сурская) дорога (там, где теперь ул. Ленина), делившая Саранск на две слободы. Казачья слобода размещалась к востоку от Большой дороги, т. е. к реке Инсаре, Стрелецкая слобода—к западу от этой дороги.

[1] Несколько позднее, вероятно, в конце XVII в., у северной грани Стрелецкой слободы была построена духо-сошественская церковь (там, где теперь трехэтажный дом, напротив центральной библиотеки, на Большевистской улице).

[2] Совр. Советская ул. до Октябрьской революции называлась Базарной ул., напоминая о старинном Саранском торжке-базаре.

В Казачьей слободе к концу 1642 г. было 200 дворов[1], в Стрелецкой около 30, а всего с домами приказных людей и попов было тогда в Саранске около 250 домов с населением до тысячи человек. Каждый двор имел усадьбу «земли под двор, огород и гумно по 40 сажен длиннику, 10 поперечнику»[2]. Слободы управлялись головами, пятидесятниками и десятниками, которые подчинялись воеводе.

Если в настоящее время город Саранск располагается своими главными магистралями с юга на север, что определилось стремлением строиться вдоль реки Инсары, а позднее вдоль железной дороги, то в начале образования, как и впоследствии вплоть до XVIII века, Саранск располагался с востока на запад, вдоль сторожевого вала, образуя как бы булкообразный вид. В длину, т. е. с востока на запад, постройки тянулись на километр с небольшим, в ширину, т. е. с юга на север, всего лишь на полкилометра. Улицы слобод были кривыми, напоминая в известной степени старинную радиальную систему застройки. Тенденции к расширению Саранска к югу и расположению города вдоль реки Инсары намечаются с 60 гг. XVII века, когда укрепленная пограничная линия стала выдвигаться на юг от Саранска, началось строительство Пензенской сторожевой черты, спрямление же улиц Саранска и расположение главных из них в направлении с юга на север было произведено значительно позднее по генеральному плану города, разработанному и утвержденному в 1785 году.

При основании Саранска укреплены были и слободы, хотя менее основательно, чем сама крепость — острог. Казачья

[1] При застройке Казачьей слободы, в нее, к р. Инсаре, очевидно, переселилось несколько дворов с. Богословского из р-на, примыкавшего к богословской церкви, ибо к этому времени прилегающая местность к р. Инсаре была расчищена от кустарниковых зарослей и в прошл. болот. местность стала вполне пригодн. к заселен., отличаясь больш. урожайностью и выгодностью расположения рядом с добротными заливными лугами, что хорошо понимали саранские казаки, как старожилы этих мест; стрельцы же, пришедшие сюда позднее поселились на землях более высоких и сравнительно менее урожайных. О том, что часть Саранских казаков были старожилами этих мест, есть указания в одном из архивных документов. Рукописн. ф. Морд. Н. И. И. д. 257, лл. 1—7.

В этом документе, относящимся к 1653 году, в качестве свидетелей по делу о земельных спорах выступают «старожилы Саранские Казачьи пятидесятники», тогда как стрельцы названы просто «Саранскими стрельцами».

[2] Г. Перетяткович, Поволжье в XVII и нач. XVIII в. Одесса, 1882 г., стр. 144.

и Стрелецкая слобода были обнесены лишь деревянной стеной без валов и рвов.

Историк Костомаров в своем историческом романе «Сын» сообщает: «на стенах, окружавших (Саранский) посад (т. е. то, что примыкало к крепости с севера—И. В.) стояли одна от другой в разных расстояниях башни; одна из них называлась Троицкою. Вся стена была покрыта высокою кровлею. На выступах башен были особые кровли... Здания... были деревянные, по местам белели полосы берестовой коры, которой тогда устилали крыши. Окружавшие посад надолбы из столбов, поставленные вертикально в два ряда с прекладинами наверху, образовали коридоры. Дворы вообще были малые, огораживались плетнем, с клетями и подклетками без окон...»[1].

К концу сороковых и в начале пятидесятых годов XVII века Саранск стал заметно расти за счет увеличения гарнизона служилых людей, возникающих промыслов и развития торговли. Так, около земляного крепостного вала, в районе прилегающем к теперешнему железнодорожному посопному переезду, появилась новая небольшая слободка — Пушкарская (около 15 дворов), здесь поселились пушкари Саранского гарнизона, значительно выросла Стрелецкая слобода, в которой в 50 гг. XVII века насчитывалось уже до 350 дворов.

Через десять лет по основании Саранска в начале 50 гг. XVII века, в нем уже насчитывалось около 600 дворов с населением более 2-х тыс. человек. Возникающие новые улицы размещались попрежнему «в валу», т. е. к северу от вала. Первые улицы «за валом», т. е. к югу от него, появляются лишь в 60-е годы XVII века, когда саранские стрельцы получили дополнительно землю «дикое поле» к югу от речки Саранки, по обе стороны реки Инсары.

В это время из Стрелецкой слободы часть стрельцов переселяется с горы вниз за Саранку и образует здесь «новую слободу—«Переведенную»[2]. «Переведенная слобода» разместилась по правую сторону речки Саранки, между теперешним детским парком и рекой Инсарой. Свое название

[1] Костомаров, «Сын», стр. 5.

[2] Название «Перевденная слобода» мы находим в материалах о постройке в этой слободе успенск. церкви. «Саранская успен. церковь постр. в Перевед. слободе в 1693 г., Пенз епарх, ведом. № 7—8, 1903 г. Статья «К истории упразднен. монастырей Пенз. епарх. Авт. А. Х. стр. 281. Здание успен. церкви переоборудовано под сапожн. маст. (ул. Красноармейская).

новая слобода получила потому, что в ней поселились стрельцы, переведенные из старой Стрелецкой слободы Саранска. В связи с этим старая Стрелецкая слобода в отличие от новой, поселенной внизу, под горой, получает название Нагорной слободы. Несколько позднее, когда в Переведенной слободе была построена трехсвятская церковь, (теперь здание музея на Московской улице) слобода стала называться Трехсвятской.

В 60-е же годы XVII века образовывается за речкой Саранкой, к западу от Переведенной слободы, еще одна слобода—Посадская, в которой поселяются преимущественно ремесленники и торговцы, «Посадская слободка, что поселилась на выгонной земле на речке Саранке»[1].

Об этой слободе напоминает существующая в настоящее время в Саранске Посадская улица.

Таким образом, во второй половине XVII века к Саранской крепости примыкало уже пять слобод: Казачья, Стрелецкая (Нагорная), Стрелецкая (Переведенная или Трехсвятская), Пушкарская, Посадская. К концу XVII века в Саранске было уже до 700 дворов, с населением более 4 тысяч человек. В 1719 году в Саранске только мужских душ было 2682 человека[2], а всего населения около 5500 человек[3].

Возникнув как крепость, небольшой острог, именовавшийся в некоторых документах даже «острожком», Саранск в течение полвека превратился в один из крупных по тому времени городских поселений.

Довольно интенсивный по тому времени рост Саранска, обогнавшего в течение 15—20 лет Атемар и начавшего еще в конце 40 гг. XVII века претендовать на звание главного центра атемарской черты объясняется преимуществами природных богатств и путей сообщений. Саранские черноземы и бога-

[1] Пенз. облархив., ф. 132, д. 2, лл. 15—21. Выпись из отказн. грамоты Ивана Неклюдова да подъячего Гаврилы Пичугина от 1665 года.

[2] Московский архив древних актов, ревизские сказки по Саранскому уезду, д. 3020, лл. 282—284.

[3] В начале XVIII века в Саранске образовалась еще одна слобода «Бутырки» в северо-западной части города (между теперешними ул. Полежаева и Рабочим переулком, к западу от современной Демократической улицы). Название слободы «Бутырки» произошло от слова бутырить—перемешивать. В Саранской Бутырской слободе было смешанное население, т. е. жители выходцы из разных слобод города. В середине XVIII в. в Саранске образовалась еще одна слобода—«Фортштат», это в районе теперешней Рабочей улицы. Мордов. госархив, ф. 99, д. 44, л. 137 и др.

тые луговые угодья по реке Инсаре оказались куда более доходными, чем атемарские менее урожайные земли и суходольные луга. К тому же с постройкой сторожевой черты Крымско-Казанская дорога, будучи закрытой в районе Атемара и спрямленной в связи с расчисткой лесов, передвинулась несколько севернее, и в самом Саранске образовался узел больших сухопутных дорог (Прикаспийско-Нижегородской и Крымско-Казанской).

Все это обусловило возведение Саранска на степень города и образование приписанного к нему нового уезда в юго-восточной части Мордовии.

В опубликованных ранее статьях о Саранске не имеется точных указаний, когда он стал городом и когда образовался Саранский уезд, однако, имеющиеся архивные данные позволяют ответить на этот вопрос положительно.

В Госархиве Мордовской АССР сохраняется документ, в котором указано, что «мордва деревни Коровякиной (д. Коровякина находилась в районе современного с. Говорова, Мельцанского района — И. В.) приписана к Саранску со всеми доходами из Темниковского уезда в 159 (1651) году при стольнике и воеводе... Федоре Ивановиче Леонтьеве»[1]. В другом документе того же архива есть указание, что «в 159 (1651) году дана земля атемарцу Аникееву в Саранском уезде на речке Пеле...»[2]. Указанный выше воевода Леонтьев в 159 (1651) году называет жителей Саранска «Городовыми людьми»[3]. В 1651 году в Саранск посылаются уже бумаги из Москвы по вопросам землевладений уезда[4].

Отсюда видно, что в 1651 году происходила приписка сел к вновь образованному тогда Саранскому уезду и земля, вновь отводимая в этом же году помещикам на речке Пеле (современный Ичалковский р-н, Мордовской АССР и Починковский р-н, Горьковской области — И. В.) значилась уже в Саранском уезде, а сам Саранск именуется уже городом, тогда как в том же 1651 году в других документах Саранск именовался еще острогом. Так, например, в «Дворцовых разрядах» за 1651 год есть следующее указание: «На Атемарской засеке в острожках — в Инзерском да в Саранском (воевода) алаторец Измайло Митюрин...»[1]. Следовательно, образование Саранского уезда и возведение Саранска в степень города произошло в конце 1651 года.

Косвенным доказательством правдоподобности данного вывода могут служить и материалы о постройке нового Спасского собора в Саранске (в крепости) в 1651 году. Об этом есть упоминания и в архивах и в печатной литературе[2].

В том же 1651 году в Саранске образуется и церковный центр (десятина) юго-восточной части Мордовии[3], существовавший ранее в Атемаре[4].

Постройка в Саранске нового собора и перенесение сюда центра церковного округа свидетельствует, с одной стороны, о возвышении Саранска, с другой, — о стремлении церковного начальства переехать из Атемара в Саранск и получить здесь наделы высокоурожайной земли, а также иметь большие доходы по другим статьям в связи с более интенсивным развитием экономической жизни в Саранске. Следует заметить в связи с этим, что еще в 1650 году рыбные ловли на реке Инзере отданы были Саранскому богородицкому муж-

---

[1] Госархив Морд. АССР, ф. 15, д. 25, л. 12.

[2] Там же, ф. 2, д. 49, лл. 179—182.

[3] Рукописный фонд Мордовского научно-исслед. ин-та, д. 257, стр. 1—7.

[4] «В именном Московском списке, который список прислан в Саранск, во 159-м году за дьячьею приписью Томила Перфильева, Семен Расстриги написан по выбору, а оклад ему поместной 40 четей... велено ему, Семену, служить по дворовому, в прежнем его поместном и денежном окладе...» Атемарская десятня 1669—70 гг. Рус. историч. б-ка, т. 17, СПБ, 1898, стр. 146.

[1] Дворцовые разряды, т. III, СПБ, 1852, стр. 278—279.

[2] Рукописн. фонд Мордовск. Н. И .И., д. 257, стр. 1—7. Здесь указано, что «Саранского города нового собору Спаса нерукотворенного образ попу Ив. Степанову и церковным причетникам... в 159 (1651) году по государеву указу велено отвести земли Инзерского острогу и сторожевой земли...» О существ. Саранского спасского собора в 1651 г. см. в кн. И. Кузьмина, «Пенз. губ.», Пенза, 1895 г., стр. 77, О постр. Сар. спас. собора до 1653 г. сообщ. Г. Петерсон в его очерке «Достоприм. г. Саранска». Сб. Пенз. губ. стат. комит., вып. IV, П. 1889 г., стр. 33—43.

[3] «Церкви г. Корсуна и припис. к нему слобод, первоначально находились в ведении Темниковской десятины (в Атемарском церковном округе), а потом причисляются к Саранской десятине». В. Красовский, Хронологический перечень Симбирской губ. 1372—1901 гг. Симбирск, 1901 г., запись 1651 г. В 1652 г. образуется Корсунская церковная десятина. Там же, запись под 1652 г. Стало быть, корсунские церкви были приписаны к Саранской церков. десятине в 1651 г. и отписаны от нее в 1652 году.

[4] В 1651 году из Атемара переносится в Саранск образ «Нерукотворного спаса». И. Кузьмин, Пенз. губ. Пенза, 1895 г. стр. 77, здесь указано, что в Саранске в соборе находится большая икона «Нерукотворного спаса», которая в 1651 г. была уже в Саранском соборе. В Атемаре существует предание, что икона «Нерукотворн. спаса» была в Атемаре, а потом перенесена в Саранск. Предание записано мной в 1949 г. со слов старожила с. Атемара 76-летнего И. И. Залогова.

скому монастырю, что «преж сего те рыбные ловли были атемарского воскресенского монастыря[1].

Сохранились данные о том, что другой Саранский монастырь—Ильино-Богоявленский имел «жалованную грамоту», по которой этому монастырю предоставлено было право брать пошлину с приезжих купцов за торговлю и за проезд по Нижегородскому тракту». И нынешнем в 174 (1666) году,— говорится в летописи данного монастыря, — как приезжали на Саранский торг персидские и иные купцы, собрал монастырь за постой деньгами 10 рублей 12 алтын и за торг по жалованной грамоте 20 рублев серебром персидским, 19 рублев 15 алтын 4 деньги медью и многие товары, и парчу, и ковры»[2]. Кроме двух указанных монастырей в Саранске существовал в XVII и XVIII вв. еще третий монастырь Петровский[3]. Все три монастыря были крупными эксплоататорами населения.

Как видно из приведенных данных, в 1651 году атемарский уезд был разделен на два уезда. В ведении атемарского уезда осталась территория, приписанная к нему в 1640 году от Алатырского уезда, во вновь образованный Саранский уезд вошла территория, приписанная в том же 1640 году к Атемару от Темниковского уезда.

Хотя Саранск и стал с 1651 года городом, административным центром нового уезда, куда переехали и власти церковного округа, но военным центром сторожевой черты некоторое время и после этого оставался еще город Атемар, и в этом отношении Саранск ему подчинялся. Управление сторожевой чертой и главный (большой) воевода находились в Атемаре.

Так еще в 1653 году в дворцовых разрядах упоминается,

[1] Пенз. облархив, ф. 132, д. 2, лл. 15—21. Саранский богородицкий казанский монастырь находился на берегу р. Саранки там, где теперь здание партшколы, несколько южнее главного корпуса. Упразднен данный монастырь в 1764 г. Позднее здесь была верхнеказанская церковь.

[2] Рукописный фонд Мордовского Н. И. И., д. № 803, Рукопись С. Вернера, «Крестьянская война 1670 года на территории МАССР», стр. 10. Саранский Ильинский монастырь позднее был переименован в Петропавловский, который стоял на месте, где теперь городская гостиница и 4-х этаж. жил. дом (уг. ул. Советской и Ленинской). Современная улица Большевистская ранее называлась Ильинской по монастырю. Данный монастырь упразднен в 1918 году.

[3] Петровский монастырь находился в Казачьей слободе там, где теперь северо-западный угол ул. Володарского и Коммунистич. переулка. См. план г. Саранска 1782—9 гг. Москв. арх. древн. актов, Мат. по генеральн. межев. Саранск. у. Данный монастырь упразднен в 1764 году.

что главный воевода черты Федор Иванович Леонтьев находится «на Атемаре»[1]. Но с этого же 1653 года бумаги из Москвы адресуются воеводе Леонтьеву уже в Саранск: «161 (1653) году марта в 27 день прислана государева ц. и в. к. Алексея Михайловича грамота из приказа Казанского дворца в Саранск, к стольнику и воеводе, к Федору Ивановичу Леонтьеву...»[2].

«1654 года грамота по указу царя Ал. Михайловича в Саранск воеводе Федору Ивановичу Леонтьеву»[3]. С 1655 по 1658 гг. в г. Саранске был воеводой предок великого русского поэта М. Ю. Лермонтова Петр Лермант. Петр Лермант ведал не только Саранском, но и «по черте иные городы с пригородами воевод и голов»[4] и т. д.

Таким образом, управление сторожевой черты переведено было из Атемара в Саранск в 1653 году, с этого времени и черта стала именоваться не Атемарской, а Саранской и Атемар в военном отношении стал подчиняться Саранску, хотя в административном отношении Атемар оставался до 80 гг. XVII века самостоятельным уездным центром[5]. Экономическое развитие Саранска, а также увеличение стратегического значения его крепости в связи с образованием в самом Саранске узла больших дорог, усиление торговых связей с Казанью, Нижним-Новгородом и Москвой обусловило и перенесение центра военного управления сторожевой чертой из Атемара в Саранск.

Саранский воевода с 1653 года управлял всей Саранской

[1] Дворцовые разряды, т. III, СПБ, 1852, стр. 364.

[2] Рукописный фонд Мордовского научно-исслед. ин-та, д. 257, лл. 1—7

[3] Московский арх. древн. актов. Материалы Саранской приказной избы XVII века. № док. 4/65.

[4] См. нашу статью «Саранский воевода Петр Лермант», альманах «Литературная Мордовия», № 2, 1941 г., стр. 14 — 18.

[5] Будучи уездным городом в административном отношении, Атемар в военном отношении с 1653 по 1680 годы числился острогом. В поданном в Саранскую приказную избу челобитье «Саранской черты города Атемара пешие стрельцы» в 180 (1672) году писали: «Да в Приказе Казанского дворца в Саранской при одной книге прошлого 180 (1672) года мая в 29 день написано: били челом... в Саранску, в приказной избе стольнику и воеводе Григорию Касагову да подьячему Василию Долгово подали челобитную атемарского острогу посацкие люди Кондрашка Цевиссенин с товарищи, а в челобитной их написано в прошлом де годе, как построен г. Атемар и к тому де Атемару отведена была земля грацким и жителям разн. людей, как бывали полки.... многие земли и после де того Атемар город построен острогом, а в то место построен город Саранск...» А. Любимов, г. Саранск, историческая справка, Пенз. губ. вед. за 1898 г. № 276, 25 дек.

чертой и крепостями — острогами по ней: Шишкеевским, Инзерским, Атемарским, а также крепостями, вновь построенной в конце 40 и начале 50 гг. XVII века, Корсунской черты.

«Первоначально,— сообщает историк Симбирского края В. Красовский,—город Корсун вместе со своим вновь образованным уездом и по Корсунской черте пригородами и острожками ведался стольниками и воеводами г. Саранска...»[1].

К концу 50-х и началу 60 гг. XVII века гарнизоны крепостей Саранской черты значительно выросли количественно. Состояние этих гарнизонов за 1661—63 гг. характеризуется следующими данными: «В Саранску дворян и детей боярских 332 ч., все служат с поместий. Казаков и стрельцов русских людей и татар и пушкарей 1299 ч., из них посланы на службу на Дон 550 ч., Царицын 76, а затем в остатке стрельцов 171 ч., казаков русских людей 211., пушкарей 21 ч., казаков же татар и мордвы 270 ч., а всего в остатке 673 ч., все служат с земель. В Атемарском остроге 281 ч., Инзерском остроге 352 ч., в Шишкеевском 241 ч. Всего в Саранску и по Саранской черте дворян и детей боярских и всяких служилых людей 3472 ч., и с того числа на службах на Дону 1389 ч., на Царицыне 243 ч., на Уфе 300 ч., а всего на службах 1932 ч., а за службами в остатке: стрельцов 401 ч., казаков русских людей 508, татар и мордвы 597 ч., пушкарей 41 чел. Всего в остатке 1547 ч. Все служат с земель»[2]. Таким образом, по Саранской черте служилых людей в начале 60 годов XVII века было около 3500 чел., да по Корсунской черте, которая ведалась в то время в Саранске, было также около 3500 ч., служилых людей, а всего под управлением Саранского воеводы было около 7000 стрельцов, казаков, пушкарей, и других категорий служилых людей по тому времени это большая армия[3].

[1] В. Красовский, Прошлое г. Корсуна, Симбирск, 1903., стр. 10 Корсунский уезд образовался, вероятно, в 1652 г. В. Холмогоров, в «Материалах для истор. Симб. края», (Симбирск, 1898 г., стр. 40) упоминает об отдельных книгах отемарца Богдана Берсенева 160 (1652) года по Корсуну (дер. Станичной), что свидетельствует об отписке некоторых селений в 1652 году от Атемарского у. и о приписке их к вновь образованному Корсунскому уезду.

[2] С. Веселовский, «Сметы военных сил Московского государства 1661—63 гг». чт. Моск. общ. истор. и древн., 1911 г., кн. 3, стр. 1—60.

[3] В 1666 году 25 ноября по указу царя Ал. Мих. «г. Корсун и по Корсунской черте пригородки отписаны были от Саранска и переданы в ведение Симбирского воеводы, а к Саранску Корсуна и Корсунские черты ведать не велено» В. Красовский, Трехсотпятидесятилетие г. Алатыря. Симбирск, 1902., стр. 10.

Кроме воеводы, управлявшего чертой и уездом и подчинявшегося непосредственно Московскому приказу Казанского дворца, в Саранске с 1653 года сосредоточены были и другие управленческие органы. Здесь был губной староста (второе лицо после воеводы), ведавший уголовными делами и выбиравшийся «всех чинов людьми», подъячие—сборщики окладных и неокладных сборов. На мирской службе главным лицом был головной староста с помощниками — земскими старостами, целовальниками и ларешниками. Они заведывали раскладкой податей по городу и уезду и другими мирскими делами. Они же заведывали починкой крепости, постройкой и ремонтом мостов. В крепости размещались такие учреждения, как воеводский двор, приказная изба, черная земляная изба (ведавшая работами по постройке земляных валов) и др.

Вначале Саранский уезд был сравнительно небольшим по территории: с восточной стороны он граничил с Атемарским уездом в районе современных сел Алтары, Большая Елховка, Макаровка, Куликовка; с севера он граничил с Алатырским и Темниковским уездами где-то в районе между устьем речки Ладки — притока Инсары и верховьями речки Пели — притока Алатыря; с запада — с Темниковским уездом линии между современных сел Мельцаны (районный центр) и Огарева (Рузаевский район), в южную сторону Саранский уезд до образования Пензенского уезда распространялся до степи.

К концу XVII века, особенно после упразднения Атемарского уезда Саранский уезд занимал уже довольно большую территорию на восток до реки Суры со включением с. Б-Березники, а южнее и за Суру, включая район современной Никольской-Пестровки и вверх по Суре до верховьев реки Терешки[1] (приволжские районы современной Саратовской области) и верховьев реки Хопра[2] (южные районы современной Пензенской области), а в первой половине XVIII века Саранский уезд расширялся еще и к северу и к западу. В Саранский уезд в это время входили такие населенные пункты, как Починки[3] (современный районный центр Горьковской области), Васильев Майдан, Пузская слобода, Дуброво (Дураково),

[1] Саранский уезд по реке Терешке до Волги 1686—87 гг. Док. и материалы по истор. Мордовской АССР, т. III, стр. 156.

[2] Саранский уезд на вершине реки Хопра, 1696 г. А. Гераклитов, Истор. Саратовского края в XVI—XVIII вв., стр. 303.

[3] К. Владимирский, Летопись соборной христорождественской церкви прихода заштатного города Починок, 1885 г., стр. 9.

Криуши, Никитино, Маресево (Починковского района), Кочкари (Ичалковский р-н), Камаево (Ладский р-н), Наборные Сыреси (Козловский р-н), Полое (Ардатовский р-н), Капасово (Атяшевский р-н), Турдаково (Дубенский р-н), Симкино (Березниковский р-н). Ирсеть, Темяшево (Мельцанский р-н.) Ст.-Шайгово, Теризморга (Ст-Шайговский р-н), Муравьевка (Болдовский р-н) и значительная территория на юг почти до современного с. Мокшана, Пензенской области.

Возникнув как военный пункт, а затем центр небольшого уезда с немногими приписанными к Саранской крепости поселениями служилых людей, Саранск менее чем за полвека вырос в значительный административный центр большого уезда, площадь которого доходила до 20 тыс. квадр. километров.

Постройка в XVII веке сторожевых черт на юго-восточной окраине Московского государства, и в частности Саранской сторожевой черты, имела положительное значение в общероссийском масштабе и в деле развития экономики и культуры мордовского края. Столь значительное укрепление пограничных районов способствовало прекращению опустошительных набегов крымских и ногайских орд кочевников. Под прикрытием сторожевой черты стало возможным как мордовскому, так и русскому населению края более уверенно и интенсивно развивать экономику и культуру. С этого времени начинается усиленное освоение посевных площадей и интенсификация сельского хозяйства края, в частности массовый переход от однопольной системы земледелия к трехпольной. В связи с постройкой черты в юго-восточной части Мордовии впервые возникают города, как военно-административные и культурные центры, замечается более интенсивное, чем ранее, развитие промыслов, зарождается промышленность, а взятие под контроль Московского государства проходивших через Мордовию старинных больших дорог и развитие экономики края способствует более интенсивному развитию торговли и связей местного населения с другими областями России и соседними народами и включению Мордовии в орбиту складывающегося всероссийского рынка. Поселение в нашем крае русских людей, выходцев из старейших культурных центров Новгорода, Москвы, Рязани, Суздаля и др.[1]

[1] Еще царем Иваном III в район теперешнего г. Арзамаса была выселена партия новгородцев, потомки которых впоследствии расселялись к югу от Арзамаса, часть их поселилась на территории Мордовии. Переведенцы из-под Москвы были первыми поселенцами с. Починок, ставшего в

еще крепче связало интересы и судьбы обоих народов и обогатило местное население большим хозяйственным и культурным опытом. Совместная служба мордвы и русских людей в гарнизонах, вновь построенных крепостей, способствовало также и более крепкому объединению их в борьбе с самодержавным и крепостническим произволом, что мы видим из материалов о крестьянских выступлениях в Мордовии во времена Степана Разина, где большое количество служилых людей из мордвы и русских приняли активное участие в этом движении.

Констатируя положительное значение строительства сторожевой черты в юго-восточной части Мордовии, необходимо отметить, что это строительство сопровождалось и отрицательными результатами: ростом помещичьих владений в Мордовском крае, увеличением налогового бремени и возникновением новых связанных со службой по черте тяжелых повинностей для крестьянского населения.

В целом же постройка оборонительных сооружений на юго-востоке России была обусловлена насущной необходимостью, вытекавшей из сложившейся тогда политической обстановки; «...интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока,—говорит товарищ Сталин,—требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»[1].

Сооружение сторожевых оборонительных черт в XVII веке является одним из важных мероприятий, способствовавших укреплению централизованного многонационального русского государства.

первой половине XVIII века центром поташного производства, куда было приписано большое количество сел и деревень Мордовии. Фамилия «Москвитины» является довольно распространенной в Мордовии.

О переселенцах из Рязани свидетельствует наличие в некоторых селах Мордовии улиц, концов с наименованием «Рязань», как, например, в с. Ладе, или целое село Рязановка, Ст.-Шайговского р-на, а также распространенность фамилии Рязановых среди служилых людей XVII и XVIII вв., так, например, в Саранске среди казаков и стрельцов было несколько человек Рязановых. В Саранске же среди казаков было несколько человек с фамилией «Тверитинов», что свидетельствует о выходе их предков из Твери. Из Суздаля было переведено также несколько семейств и послано в Саранск.

[1] И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г., стр. 73.

О. А. Яковлева,
кандидат исторических наук, доцент.

К ВОПРОСУ О СПИСКЕ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ 7081 (1573) г.

На страницах IV выпуска «Исторического Архива» (изд. Института Истории Академии Наук СССР, 1949 г.) опубликован список служилых людей, составленный 20 марта 7081 (1573) г. Документ этот издан в «Историческом Архиве» не по подлиннику его 7081 (1573) года, а по копии его XVIII века. Однако можно утверждать, что в последней четверти XVIII века существовал и подлинник 7081 (1573) г. этого списка, хранившийся в эту эпоху в московском архиве.

На пути моих изысканий, касающихся социальной политики Ивана Грозного, мне пришлось сталкиваться с архивными генеалогическими материалами, относящимися к роду Васильчиковых, к которому принадлежала пятая жена царя Ивана — Анна Григорьевна Васильчикова — дочь дворянина московского Григория Андреевича Васильчикова [1]). В Московском областном Историческом архиве в фонде Московского дворянского депутатского собрания в 1930-х годах хранилось дело, начатое в 1790 г. и касающееся вопроса о дворянстве служилого рода Васильчиковых. Из этого дела мы видим, что в 1790 г. представители служилого рода Васильчиковых — три брата: статский советник Иван Семёнович и действительные камергеры Александр (бывший фаворит Екатерины II) и Василий Семёнович Васильчиковы — решили утвердить свой род в «дворянском достоинстве». 11 марта 1790 г. они подали заявление в Московское дворянское депутатское собрание об этом утверждении. При этом заявлении они приложили ряд необходимых для утверждения документов, касающихся истории их рода, и в том числе справки о предках их, выданные им из московских архивов для утверждения рода их в «дворянском достоинстве». Одна из

этих справок гласила следующее [2]): «По справке в архиве фамилии Васильчиковых имяна написанными оказались по Москве. В боярской книге 7081 году написано: «Книга—царя и великого князя Иоанна Васильевича приговор, как давать жалованье бояром и князем, и детем боярским по государеву уложенью на их головы и на люди», без закрепы. А в заглавии оной написано: «Лета 7081 марта в 20 день государь царь и великий князь Иван Васильевич пометил бояром и окольничим, и диаком, и дворяном, и приказным людем свое жалованье по окладу» и по протчем значит: «по пятидесят рублев» и в числе других написаны; «Назарей да Григорей Борисовы дети Васильчикова», потом значит: «по сороку рублев» и в числе других написаны: «Илья да Григорей Андреевы дети Васильчикова».

Эта справка, выданная Васильчиковым 24 мая 1787 г., указывает нам на существование в 1787 г. в московском архиве (вероятно, Разрядном) подлинной рукописной книги XVI века, содержащей в себе тот самый список служилых людей 7081 (1573) года, который опубликован в IV выпуске «Исторического Архива». В настоящее время в Москве в Центральном Государственном Архиве Древних Актов этой книги не хранится. Книга эта, к сожалению, вероятно, погибла, — возможно, во время московского пожара 1812 г.[3])

При опубликовании в IV выпуске «Исторического Архива» этого списка служилых людей 7081 (1573) года указывалось, что этот список есть список опричников. Приведенный мною выше и не имеющийся в опубликованном списке заголовок книги, содержавшей в себе подлинник этого списка («Книга — царя и великого князя Иоанна Васильевича приговор, как давать жалованье бояром и князем, и детем боярским по государеву уложенью на их головы и на люди»), заставляет решительно опровергнуть представление об этом списке, как о списке опричников и ясно указывает на то, что опричнины (хотя бы не под названием «опричнины», а под названием «двора») в это время уже не существовало, служилые люди не делились больше на земских и опричных (или «дворовых»), и этот список 7081 (1573) года не есть список опричников, а просто список служилых людей, составлявших придворный штат Ивана Грозного, людей, занимавших определенные должности и несших определенные обязанности при царском дворе и получавших за это определенное жалованье [4]).

Фраза, находящаяся в этом опубликованном в «Историческом Архиве» списке на обороте листа 28-го: «Меншик Недюрев. Государева ему жалованья было в земском 50 рублев, а в опричнине ему оклад не бывал», также несомненно указывает на то, что опричнина была уже в прошлом. Возможно что этот список служилых людей был составлен в марте 7081 (1573) года именно в связи с уничтожением перед этим опричнины[5]).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]) То, что царица Анна из рода Васильчиковых, вступившая в брак с Иваном Грозным в 7083 году, была дочерью именно этого лица и то, что дядя её — Илья Андреевич Васильчиков — и родственники — Назарий и Григорий Борисовичи Васильчиковы — также были дворянами московскими — выяснено мною в моём специальном исследовании, посвященном истории брака Ивана Грозного с Анной Васильчиковой.

[2]) Васильчиковы получили справки из двух московских архивов: Разрядного и Коллегии Иностранных Дел — из которого архива была получена данная справка из дела не ясно, повидимому, из Разрядного.

[3]) Эту книгу, содержащую в себе список служилых людей 7081 (1573) года, знал и ею пользовался историк-архивист XVIII века Г. Ф. Миллер, что ясно видно из его портфеля, хранящегося в Москве в Центральном Государственном Архиве Древних Актов за № 285/1 (старый № 302). В этом портфеле на листе 160, посвященном служилому роду Бельских, сделаны выписки из этого списка, касающиеся пенсии, получаемой вдовой Малюты Бельского (Скуратова) (400 р.), и жалованья, получаемого членами рода Бельских.

[4]) Из этого списка 7081 (1573) года и из других источников XVI века видно, что лица, внесенные в этот список, окружали царя во время его военных походов, участвовали в праздновании царских свадеб, в приёмах царём послов, посылались в войска с царскими наградами, в монастыри с царскими вкладами; жены их часто также находились на службе при царском дворе.

[5]) При опубликовании в «Историческом Архиве» копии XVIII века этого списка служилых людей 7081 (1573) года на стр. 19 говорится о том, что эта копия XVIII века, видимо, сделана переписчиком с двух списков оригинала XVI века и «в тех редких случаях, когда его основной список оставлял пропуск, переписчик восполнял его по другому списку, аккуратно отмечая эти вставки прямыми скобками».

Такое мнение неосновательно. Переписчик XVIII века несомненно скопировал список с того его подлинника XVI века, хранившегося в XVIII веке в московском архиве, о котором я говорю выше. Слова, заключенные переписчиком XVIII века в прямые (обычные для XVIII в.) скобки, этот переписчик написал ошибочно, повторив слова, уже написанные им выше, или ошибочно написав слова, стоящие в подлиннике ниже (обычная ошибка переписчиков), и потому, заметив свою ошибку, заключил эти слова в скобки, т. е. аннулировал их. Вероятно, этот подлинный список XVI века, хранившийся в московском архиве, был скопирован и снабжен указателем в XVIII веке в связи со сбором в эту эпоху данных о прошлых службах отдельных русских служилых родов (в эпоху Екатерины II это делалось, например, для утверждения этих родов в «дворянском достоинстве»).

О. А. Яковлева,
кандидат исторических наук, доцент.

БОЕВЫЕ НАГРАДЫ ИВАНА ГРОЗНОГО И СЫНА ЕГО ЦАРЕВИЧА ИВАНА

(к истории ливонской войны 1577 года)

Блестящие военные подвиги Ивана Грозного хорошо известны каждому советскому человеку, но никто не уделял специального внимания вопросу о его боевых наградах. По этому вопросу до наших дней дошло мало сведений, но кое-какие сведения всё же дошли. Этому вопросу посвящена настоящая краткая статья.

* * *

Русские цари XVI—XVII веков награждали русских воинов, отличившихся в бою, боевыми наградами. Высшей боевой наградой была золотая шейная цепь [1]). Боевыми наградами, следующими за золотой шейной цепью, были золотые, серебряные золочёные и просто серебряные монеты различного размера. Монеты эти употреблялись в качестве медалей [2]), но носились эти медали не как теперь — на груди, а на рукавах или на шапке [3]). Цена металла, из которого была сделана такая монета (медаль), и размер этой монеты определяли степень боевой награды [4]).

В Московской Руси было очень принято жертвовать в церкви к чтимым иконам различные драгоценные вещи, которые привешивались к этим иконам: мелкие иконки, кресты, перстни, женские серьги и женские рясы (украшения, носимые на висках и висящие по обе стороны лица), ожерелья, цепи, монеты и пр. Чтимые иконы были буквально обвешаны такими пожертвованными вещами. Многие лица, получившие от царя боевые награды—золотые цепи и золотые и серебряные монеты — также жертвовали их в церковь к иконам, к которым они привешивались, и где они сохранялись столетиями [5]).

* * *

Ливонский поход Ивана Грозного 1577 (7085/7086) года был, как известно, блистательной победой русского оружия и был одним из основных моментов борьбы русских за обладание Прибалтикой. Царь Иван лично участвовал в этом походе, лично вёл победоносные войска [6]). За этот поход Грозному,—вероятно, приговором боярской думы или его саратников воевод — была дана высшая боевая награда — золотая шейная цепь. Старшему сыну и наследнику Грозного двадцатитрёхлетнему царевичу Ивану [7]), также участвовавшему в этом походе [8]), — по приговору самого Грозного, или же боярской думы, или воевод — дана была в качестве боевой награды за этот поход золотая медаль (монета).

Будучи во время этого похода, осенью 1577 (7086) года, в Великом Новгороде [9]), и Грозный, и царевич Иван пожертвовали свои боевые награды — золотую цепь и золотую монету — в Новгородскую церковь Знамения, к чтимой Новгородской иконе Знамения божией матери, где они и были привешаны.

Или сам царь и царевич, или же новгородцы, заказали приделать к золотой цепи и к золотой монете золотые пластинки с пояснительными надписями. Этой золотой цепи Грозного и золотой монеты царевича Ивана до нашего времени не сохранилось [10]), но пластинки с пояснительными надписями, приделанные к этой золотой цепи и к этой золотой монете («золотому»), в последней четверти XIX века ещё сохранялись в Новгородской церкви Знамения. Они имели форму ромбов. На той пластинке, которая была приделана к цепи, было написано: «Лета 7086-го октября сию чепь к Пречистой Богородице к Знаменью приложил Государь своего Ливонского походу» (в Московской Руси очень часто вместо «цепь» писали «чепь»), а на той пластинке, которая была приделана к золотой монете, было написано: «К Пречистой Знамению сей золотой приложил царевичь Иван своего Ливонского походу» [11]). Как мы видим, на пластинке, которая была приложена к золотой монете, не было написано даты, но, несомненно, монета эта была пожертвована к иконе Знамения одновременно с цепью Грозного—осенью 1577 г. Вероятно, на ней оттого и не было поставлено даты, что обе вещи — цепь и монета — были даны к иконе Знамения вместе и сочли достаточным датировать одну из этих вещей —

цепь самого Грозного. Октябрь 7086 года, которым датирован дар Грозного цепи и иконе Знамения, есть на наше летосчисление—октябрь 1577 года. Как свидетельствуют исторические документы, осенью 1577 года царь и царевич Иван действительно были во время Ливонского похода в Великом Новгороде [12]), где и пожертвовали свои боевые отличия к иконе Знамения. Грозный не один раз получал в качестве боевого отличия золотую цепь. Так, в «Записке для обозрения русских древностей», опубликованной в 1851 году Археологическим Обществом [13]), на стр. 44-й при описании привесок к различным иконам сказано: «В Троицкой Сергиевой лавре ещё в 1642 году у образа Живоначальныя Троицы находилась золотая цепь, вклад царя Иоанна Васильевича, приклад его Ливонского похода, да сто двадцать золотых на серебряной проволоке. В Псковском Печерском монастыре царь Иоанн Васильевич оставил золотую цепь в 9 золотых звеньев». За который из Ливонских походов получил Грозный в качестве боевой награды золотую цепь, пожертвованную им к иконе Троицы, мне не известно. По всей вероятности, та цепь, которую пожертвовал он в Псковский Печерский монастырь, также была одной из боевых наград его.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]) См. «Археологические Известия и Заметки, издаваемые Имп. Московским Археологическим Обществом», № 5 за 1893 г., стр. 153 — 164, статью А. В. Орешникова № 12 за 1893 г., стр. 453, поправку к этой статье, а также литературу, указанную в этой статье Орешникова. См. также Карамзин «История Государства Российского», по указателю («Ключу») П. Строева, по той части этого указателя, которая озаглавлена «Алфавитный указатель предметов», на слова: «цепи золотые и драгоценные». Из примеч. 465 к т. IX «Истории» Карамзина и из вышеуказанной статьи Орешникова видно, что во время Ливонского похода Грозного 1577 г. — царь дал золотую шейную цепь своему любимцу Богдану Бельскому за взятие Бельским у немцев города Володимерца (Вольмара).

[2]) См. об этом указанную в примеч. 1-м статью А. В. Орешникова— здесь собран большой материал по этому вопросу, а также см. литературу, указанную в этой статье Орешникова. На стр. 155 статьи Орешникова и в примеч. 465 к т. IX «Истории» Карамзина см. специально о наградах, розданных во время Ливонского похода 1577 г.

[3]. См. Флетчер, «О Государстве Русском», СПБ, 1906 г., стр. 70.

[4]) См. об этом указанную в примеч. 1-м статью А. В. Орешникова, а также литературу, указанную в этой статье Орешникова.

[5]) См. об этом, например: указанную в примеч. 1-м статью А. В. Орешникова, а также литературу, упоминающуюся в этой статье Орещникова; труд В. Георгиевского «Памятники старинного русского искусства Суздальского музея», Москва, 1927 г.; указанное в моём примеч. 13-м, стр. 43—44 и примечания к этим страницам; Карамзин «История Государства Российского», т. XII, примеч. 532 (заимствовано Карамзиным из «Слов. Геогр. Рос. Государства», II, 581); «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», под редакцией Семёнова, т. 2, СПБ, 1902 г., стр. 292; «Труды Ярославской Губернской Учёной Архивной Комиссии», вып. 2, Москва, 1892 г., стр. 45, 67, 69, 70, 76, 99 и др.; «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», под ред. проф. А. И. Яковлева, изд. Ак. Наук СССР, часть I, 1940 г., стр. 59 (здесь речь идёт о «золотом» — монете и слово «крест», которое вставлено в скобках, не нужно); описание церквей в издании Н. В. Калачёва «Писцовые книги XVI века», отделения: I (СПБ, 1872 г.) и II (СПБ, 1877 г.) (напр., отд. I, стр. 616—618). Различные древние церковные описи, помещённые в «Трудах Владимирской Губернской Учёной Архивной Комиссии».

[6]) См. Карамзин, «История Государства Российского», т. IX, глава 4-я; «Синбирский Сборник», изданный Языковыми, Хомяковым и Валуевым, Москва, 1844 г., стр. 59 — 62; «Полное Собрание Русских Летописей», т. 4, СПБ, 1848 г., стр. 319, под 7085 — 7086 гг.; И. Забелин «Домашний быт русских царей», ч. II, Москва, 1915 г., стр. 845 — 870.

[7]) Царевич Иван Иванович родился в ночь с 28-го на 29-е марта 1554 г. — см. об этом «Полное Собрание Русских Летописей», т. XIII, первая половина, СПБ, 1904 г., стр. 239.

[8]) См. то же, что указано в моём примеч. 6-м.

[9]) О пребывании царя осенью 1577 г. во время Ливонского похода в Новгороде см., например, «Синбирский Сборник», указанный в моём примеч. 6-м, стр. 61. Царевич Иван следовал в этом походе за отцом — см. указанное в моём примеч. 6-м.

[10]) Вероятно, они были взяты из Новгородской Знаменской церкви в Петербург в 1722 г., когда указом Петра I повелено было снять с икон привески и доставить их в Синод для разбора «что в них старое и курьозное». См. об этом стр. 159 — 160 статьи А. В. Орешникова, указанной в моём примеч. 1-м, и стр. 63 — 75 труда Георгиевского, указанного в моём примеч. 5-м.

[11]) Об этих золотых пластинках писал архимандрит Макарий (ошибочно называя их «медалями») в своём «Археологическом описании церковных древностей в Новгороде и его окрестностях», в части 1-й (Москва, 1860 г.), на стр. 242. Но, к сожалению, Макарий ошибочно прочёл цифру года на первой из этих пластинок, как «7080» — в то время, как

в действительности цифра эта «7086» и у Макария получилась несообразность: октябрь 7080 г. на наше летосчисление есть октябрь 1571 г., а в октябре 1571 г. царь и царевич Иван вовсе не были в Ливонском походе и не были в Новгороде — они были в слободе Александровской, где готовились к своим свадьбам (царь 28 октября женился в третий раз на Марфе Собакиной, а царевич Иван 4 ноября женился в первый раз на Евдокии Сабуровой). Добавлю, что Макарий ошибочно перевёл неверно прочитанную им дату «октябрь 7080 г.» на наше летосчисление, как «октябрь 1579 г.», вместо правильного «октябрь 1571 г.».

В «Историческом Вестнике» за 1886 г., в февральском номере, на стр. 494, в отделе «Смесь» сообщено, что А. А. Васильчиков пожертвовал в музей «Общества Любителей Древней Письменности» «фотографический снимок с двух фрагментов, хранящийся в ризнице Новгородского Знаменского собора золотой цепи, оставленной монастырю (так! вместо «собору» — О. Яковлева) царём Иваном Грозным и его сыном Иваном Ивановичем в 1572 году, в память Ливонского похода, как это значится в надписи, сделанной на сохранившихся фрагментах». Как мы видим, здесь эти золотые пластинки приняты за фрагменты цепи и также датированы неверно 1572 (7080) годом (вместо правильного 7086 года) (кроме того, здесь явно не учтено то, что в надписи на пластинке речь идёт об октябре — т. е. даже, если читать дату «7086» ошибочно, как «7080», то это не 1572 г., а 1571 г.). Быть может в архиве «Общества Любителей Древней Письменности» и ныне сохраняются эти ценные фотографии — но, к сожалению, об этом мне ничего не известно.

В № 5-м за 1893 г. «Археологических Известий и Заметок, издаваемых Имп. Моск. Археологическим Обществом», на стр. 153 — 164 археолог А. В. Орешников поместил статью об этих пластинках (мелкая поправка к этой статье помещена здесь же, в № 12, на стр. 453). В этой статье А. В. Орешников указал, что в Московском Историческом Музее хранятся серебряные копии этих золотых пластинок Новгородской церкви Знамения и на стр. 154 поместил изображения этих копий с надписями на них. А. В. Орешников в этой статье своей правильно понял, что золотые пластинки эти были пластинками с пояснительными надписями, прикрепленными одна к золотой цепи, а другая к золотой монете. Но А. В. Орешников опять-таки неправильно прочёл надпись на той пластинке, которая была прикреплена к цепи. Начало этой надписи он прочитал так: «Лата 7080 г. 6 Октебря». Между тем, это начало надписи правильно следует читать так: «Лета (написано через букву «ять», изображенную в виде треугольника) 7086-го (слог «го», как обычно в надписях XVI—XVII веков, вынесен над стройкой в виде буквы «г») октебря». А. В. Орешников не понял того, что между буквами «л» и «т» стоит буква «ять», низ которой написан в виде большого треугольника, как нередко писали в XVI веке, и не понял того, что цифра «6» не относится к месяцу октябрю, а есть последняя цифра года (в XVI веке не говорили «6 октября», а говорили «октября в 6-й день» или «октября в 6-е» и очень часто указывали в надписях, как в данной надписи, месяц, не указывая числа этого месяца). Он также не понял того, что на пластинке над цифрой года стоит не «г», а обычно ставившийся в XVI и XVII веках над цифрами года сокращённый слог «го» и правильно следует читать: «Лета 7086-го». В результате ошибки А. В. Орешникова, прочитавшего «7086», как «7080», получилась полная несообразность, так как победоносный Ливонский поход Ивана Грозного был не в 7080 году, а в 7086 году. Кроме того, А. В. Орешников, неправильно прочтя эту дату, как октябрь 7080 г., неправильно перевёл эту ошибочную дату на наше летосчисление, как октябрь 1572 г. в то время, как октябрь 7080 г. — есть октябрь 1571 г. Отмечу, что в этой статье Орешникова вообще встречается много ошибок. Так, например, на стр. 158 и 453 Орешников упорно (три раза) ошибочно называет Пискарёва — Писаревым; на стр. 154 Орешников не учитывает того, что 7080 г. начался 1 сентября 1571 г. и кончился 31 августа 1572 г. и того, что 7081 г. начался 1 сентября 1572 г. и кончился 31 августа 1573 г.; на стр. 154 внизу и на стр. 155 наверху Орешников везде ошибочно произвольно изменяет в цитате слово «фрагмент» на слово «обломок»; на стр. 162 Орешников ошибочно указывает год смерти царевича Ивана Ивановича как 1582 г., в то время как царевич был убит отцом в ноябре 1581 г.

[12]) См., напр., то, что указано в моём примеч. 9-м.

[13]) См. «Записки Отделения Русской и Славянской Археологии Имп. Археологического Общества», т. I, СПБ, 1851 г., стр. 44 в конце в «Записке для обозрения русских древностей» (СПБ, 1851 г.).

А. М. Силкин.

ОБЗОР ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ОТДЕЛА ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА МОРДОВСКОЙ АССР

В Центральном государственном архиве Мордовской АССР хранятся богатейшие документальные фонды дореволюционного периода, из которых исследователь может почерпнуть ценные сведения по истории нашей республики.

Архивные материалы Центрального государственного архива за последние пятнадцать лет широко использовались при написании ценных работ И. Д. Воронина. «Новые данные об А. И. Полежаеве, А. И. Полежаев—жизнь и творчество»; «Народное образование в Мордовии».—К. А. Коткова и А. В. Ососкова; «Очерки по истории мордовского народа—К. Коткова и С. Вернера; «Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовии»—Т. Купряшкина; «Промышленность на территории Мордовии»—Н. П. Руткевича и др.

Тем не менее, до сего времени в нашем архиве имеется ряд богатейших фондов, до которых по настоящему еще не коснулась рука исследователя.

К числу таких фондов необходимо отнести богатейший фонд Саровского мужского монастыря.

В настоящее время перед сотрудниками Центрального государственного архива и научными работниками нашей республики стоит серьезная задача наиболее эффективного использования архивных материалов в научно-исторических и народно-хозяйственных целях.

В настоящей статье мы даем краткое обозрение наиболее важных фондов нашего архива, с целью облегчить этим труд исследователя.

I. ФОНДЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

К фондам местного управления относятся документальные материалы, отложившиеся в результате деятельности государственных учреждений уездного масштаба.

К группе фондов местного управления относятся: Саранское, Краснослободское и Ардатовское уездные полицейские управления; Саранская воеводская канцелярия; Шишкеевская, Инсарская и Саранская дворянские опеки; Саранская и Шишкеевская управы благочиния; Саранский, Шишкеевский и Ардатовский нижние земские суды; Саранская городская полиция: Пензятское и Лямбирское волостные правления; Саранский, Краснослободский и Инсарский городовые магистраты и др.

Фонд Саранской воеводской канцелярии состоит из 113 архивных дел. Крайние даты 1700—1781 гг. Характерной особенностью этого фонда, как и ряда других фондов местного управления, является способ написания архивных материалов (скоропись). Это обстоятельство в некоторой степени затрудняет чтение документов.

Этот фонд включает такие материалы, как захват помещиками-дворянами земли у крестьян, крещение мордвы, взятничество местной администрации, бегство крепостных крестьян и дворовых людей от своих помещиков вследствие невыносимых условий существования: сбор налогов с мордвы, высылка работных людей для починки Азовской крепости, поташные заводы, данные о винокуренных заводах; о землевладениях мордовских мурз, челобитные всякого рода, о спорных вопросах землевладения, «паспорты» города Саранска и ряд других.

Уездные полицейские управления царской России и их предшественники нижние земские суды, так же как и воеводские канцелярии, являлись высшими административно-полицейскими органами государственной власти на территории провинций и уездов.

Несмотря на недостаточность этого фонда, материалы эти представляют большой интерес в изучении состояния промышленности, сельского хозяйства, культуры и революционного движения в Саранском уезде, медицинского обслуживания населения, торговли на ярмарках и базарах, стихийных бедствиях и т. д.

Как было поставлено дело медицинской помощи населению в уезде, рисует, например, рапорт уездному исправнику

врача Саранской земской больницы. «Честь имею доложить, писал врач,—что по роду болезни крестьянин села Покрышкино Дмитрий Щеглов, не подлежит больничному лечению т. к. болезнь—последний период чахотки не излечима, поэтому стационарное лечение только может ускорить его смерть вследствие недостатка воздуха» (ф. 21, д. 18, л. 304).

Фонды полицейских управлений имеют большую ценность для изучения революционного движения на территории Мордовии в период буржуазно-демократических революций 1905—1907 и 1917 гг.

Волостные и сельские административно-полицейские учреждения, возникшие в результате положения от 19 марта 1861 года, как органы крестьянского самоуправления, представлены делами Лямбирского, Пензятского и Жегаловского волостных правлений. Материалы эти охватывают промежуток времени 1907—1917 гг. Среди них, приговоры сельских сходов, данные о проверке торгово-промышленных предприятий по волостям, сведения о полевых работах и ценах на рабочие руки, ведомости о поступлении окладных сборов, страховых платежей, сведения о состоянии и движении продовольственных запасов по волостям (ф. № 59), о состоянии посевов на крестьянских землях (1915 г.) и др.

II. ФОНДЫ ГОРОДСКИХ САМОУПРАВЛЕНИЙ

Органы городского самоуправления в России после проведения реформы городского самоуправления в 1870 году были представлены городскими думами и городскими управами.

В государственном архиве МАССР хранятся архивные фонды Саранской и Темниковской городских дум (ф. 20, 73). Саранской, Темниковской и Краснослободской городских управ (ф. 75, 51, 50). Крайние даты этой группы фондов—1793—1918 гг.

В фонде Саранской городской думы имеются, например, материалы: о городских доходах, благоустройстве города, о сборе налогов, сведения о кирпичных заводах, о строительстве мостов в городе Саранске, о мельницах, тут же особые журналы с решениями Саранской городской думы о красильном производстве, о содержании городского училища. Дела о выборах на общественные должности. Материалы о пожаре в городе Саранске в 1852 году. Материалы по вопросам строительства железной дороги Саранск—Пенза, Батраки—Саранск,

Нижний Новгород—Саранск, об устройстве в городе Саранске электрического освещения, об открытии ремесленной школы и др.

В фонде Темниковской городской управы хранятся дела о проекте строительства железной дороги Арзамас—Темников—Кустаревка, о постройке городского водопровода, об отказе правительством в кредите на содержание учительниц приходских школ. Наиболее важную часть этого фонда составляют материалы, относящиеся к периоду между февральской буржуазно-демократической революцией и Октябрьской Социалистической революцией.

В фонде Саранской городской управы имеются материалы: о продаже городских усадебных мест, расквартировании в городе воинских частей, материалы по выборам в городскую думу, инвентарные описи земель, лесов, угодий и недвижимого имущества города Саранска и его окрестностей.

III. ФОНДЫ ЗЕМСТВА

Земские учреждения пореформенной России являлись плодами буржуазных реформ, которые царским правительством были проведены в 60-х годах прошлого столетия.

Земства возникли в 1864 году и были представлены губернскими и уездными земскими собраниями, земскими управами.

Основными функциями земств были: дорожное строительство, строительство зданий, продовольственные вопросы, народное просвещение и здравоохранение.

В государственном архиве Мордовской АССР хранятся документальные материалы пяти земских управ — Темниковской, Саранской, Инсарской, Краснослободской и Ардатовской (ф. ф. 46, 52, 44, 72).

Особо следует отметить в фонде Ардатовской земской управы дело с перепиской инспектора народных училищ И. Н. Ульянова о капитале генерала-майора Дурова, завещанном им на школу в селе Покровском, Ардатовского уезда; дело это свидетельствует о неустанной заботе отца В. И. Ленина о народном образовании в «инородческих» местностях.

Немалый интерес представляет дело из фонда той же земской управы (ф. 52) с описанием гор. Ардатова и Ардатовского уезда, где имеются данные о количественном и сословном

составе населения гор. Ардатова и уезда, о числе фабрик и заводов, сети учебных заведений и т. д.

IV. ФОНДЫ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Судебные учреждения дореформенной России разделялись на общие суды, в которых судились все сословия, и узко сословные.

В государственном архиве хранятся фонды судебных учреждений местного масштаба: Саранского, Шишкеевского, Краснослободского, Инсарского и Ардатовского уездных судов (ф. ф. 4, 15, 22, 64), Саранской нижней расправы и Саранского сиротского суда.

В материалах уездных судов отложились дела о спорном землевладении крупных помещиков того времени: Араповых, Струйских, Шереметьевых, Габбе, Голицыных и других; о промышленных предприятиях на территории Краснослободского, Инсарского уездов движение посессионных рабочих; о забастовочном движении Авгорского чугуно-плавильного завода (1858—1861 гг.); о сотруднике нелегальной газеты «Колокол» Н. П. Огареве; о декабристах; данные о родителях поэта А. И. Полежаева и ряд др.

В фонде Саранского городского сиротского суда (крайние даты 1782—1917 гг.) имеется большое количество материалов, связанных с вопросом наследования. В фонде имеются дела, относящиеся к биографии А. И. Полежаева.

V. ФОНДЫ ФИНАНСОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

К фондам финансовых учреждений относятся фонды: Краснослободского, Ардатовского, Саранского, Шишкеевского уездных казначейств (ф. ф. 26, 25, 13, 6); Саранской и Инсарской канцелярий податных инспекторов (ф. ф. 54, 48).

Уездные казначейства, созданные Екатериной II в 1775 г., ведали всеми доходами и расходами по уезду.

Большую ценность в фондах уездных казначейств представляют: ревизские сказки по Краснослободскому и Ардатовскому уездам, указы Пензенской и Симбирской казенных палат и губернских правлений о сборе подушного налога: приходо-расходные книги по различным сборам, указы о переводе мордвы в Уфимскую губернию и т. д. (ф. 25, д. 11, 1786 г.). Крайние даты материалов уездных казначейств—1762—1918 гг.

В фондах канцелярий Саранского и Инсарского податных инспекторов (крайние даты 1900—1918 гг.) имеются: списки торговых и промышленных предприятий по городу Саранску и Саранскому уезду, статистические сведения об экономическом положении крестьян Чуфаровской, Пушкинской, Кривозерьевской, Атемарской, Воеводской, Зыковской и других волостей Саранского уезда, циркуляры главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей и управляющего акцизными сборами по Пензенской губернии; материалы о недоимках и др.

VI. ФОНДЫ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Фонды учреждений просвещения в государственном архиве МАССР представлены сравнительно слабо. Сохранились лишь фонды Краснослободского уездного инспектора народных училищ Пензенской губернии и Саранской женской гимназии.

Из них более полно представлен фонд Саранской женской гимназии (ф. 55, крайние даты 1899—1920 гг.).

VII. ФОНДЫ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ

В государственном архиве МАССР сосредоточены документальные фонды Ардатовской, Краснослободской, Саранской землеустроительных комиссий (ф. ф. 51, 53, 62). Крайние даты 1747—1917 гг.

В фондах землеустроительных комиссий имеются межевые книги на владения крупных землевладельцев: Долгоруковых, Шереметьевых, Волконских, Языковых, Мусина-Пушкина, Нарышкиных, Голицыных, Шуваловых, Тучковых, Хвостовых, Бахметьевых и других.

Большой научный интерес представляют карты и планы земельных участков уездов, входящих в настоящее время в состав современной Мордовской АССР.

VIII. ФОНДЫ УЧРЕЖДЕНИЙ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА

Наиболее полно представлен Саровский мужской монастырь. Крайние даты 1613—1918 гг.

Это крупный феодал-эксплоататор, имевший в своем владении до 30.000 десятин земли.

Как и многие другие монастыри в России, Саровский мужской монастырь бережно хранил свой архив из-за политических и практических соображений. Это обусловило сравнительно полную сохранность документальных материалов Саровского монастыря.

Наиболее важными документами этого фонда являются выписки из отказных и писцовых книг о землевладении мордовских и татарских мурз, летопись Саровского мужского монастыря, материалы о выступлении крестьян против монастыря, о восстании Ем. Пугачева и восстании декабристов.

Необходимо отметить, что в составе архивного фонда Саровского мужского монастыря имеются «столбцы» XVII в., представляющие уникальную ценность.

К сожалению, до настоящего времени этот богатейший фонд имеющий общесоюзное значение, исследователями не разрабатывался. За последнее время государственный архив совместно с Мордовским научно-исследовательским институтом приступил к разработке этого фонда и составлению сборника документальных материалов в объеме 30 печатных листов.

Из личных фондов в государственном архиве хранится фонд первого мордовского ученого—М. Е. Евсевьева (крайние даты 1885—1931 гг.).

Материалы этого фонда всесторонне отражают педагогическую и научную деятельность первого мордовского ученого М. Е. Евсевьева в области мордовского языка, фольклора и этнографии.

М. И. Зевакин.

ДОКУМЕНТЫ О ВЕЛИКОМ РУССКОМ ФЛОТОВОДЦЕ Ф. Ф. УШАКОВЕ

Научно-исследовательским институтом Мордовской АССР собраны предания о нашем великом земляке Ф. Ф. Ушакове, а также подобраны документально-архивные материалы. В «Записках» № 11 напечатаны предания. В настоящем номере «Записок» печатаются документально-архивные материалы.

Эти материалы в некоторой мере пополняют и уточняют наши сведения о великом русском флотоводце. В обстоятельной работе Георгия Шторма «Флотоводец Ушаков» (Москва 1946 г.) на стр. 31, например, указывается, что Ф. Ф. Ушаков был произведен в капитаны 1-го ранга весной 1784 г., тогда как в найденном нами указе правительства об увольнении Ушакова в отставку и послужном формулярном списке говорится, что Ушаков был произведен в капитаны 1-го ранга 1 января 1784 года.

В другой печатной работе, в книге А. Зонина «Ф. Ф. Ушаков» автор временем возведения Ушакова в чин капитан-бригадира считает лето 1787 г., не указывая точной даты. Из публикуемых ниже документов следует, что он был произведен в это звание 16 мая 1787 года.

В публикуемом здесь же указе об увольнении, датированном 1807 г., и формулярном послужном списке точно и обстоятельно изложены все военные операции, совершенные под водительством Ушакова, и перечислены все полученные им награды в России и за границей.

Новым, нигде не опубликованным документом, проливающим свет на деяния Ушакова, является послужной список 1797 г. керенского уездного стряпчего Сергея Антонова, сослуживца Ушакова, выбывшего из флота из-за ранений в боях.

Последнее десятилетие жизни Ушакова, проведенное им в Мордовии, в печатных работах или совершенно не отражалось, или отражалось беглыми штрихами. По этому периоду жизни флотоводца в публикуемых документах дается наибольшее количество фактов. Из этих данных видно, что Ушаков, будучи уже престарелым и больным, следил за общественной жизнью России, сталкивался с передовыми людьми своего времени и помогал чем мог народу.

В дни тяжелых испытаний, постигших нашу Родину, когда Наполеон мечтал поработить наш народ и началась отечественная война 1812 года, Ушаков, как и ранее, показал себя страстным патриотом своей Родины. Он давал значительные средства на нужды обороны. Например, на формирование 1-го Темниковского пехотного полка он внес 19 июля 1812 года 2000 руб. Эта сумма была высшей суммой из внесенных другими жертвователями, среди которых были люди, обладавшие капиталами в несколько раз большими, чем Ушаков.

Своими взносами Ушаков стремился вызвать у населения подъем активности и сплоченности в деле борьбы с врагом. «До этого времени,—писал современник флотоводца Никифоров,—в здешнем Темниковском округе никаких пожертвований ни деньгами, ни хлебом не было, хотя подписка по селу и была открыта. После же было собрано для армии деньгами 1460 руб. 50 коп., на обмундировку—22610 руб. 70 коп., на покупку волов—23635 руб. 30 коп., собрано на службу людей — 243 чел., на их обмундировку и содержание — 7290 рублей...»

В 1812 году, когда было сформировано 12-тысячное ополчение Тамбовской губернии, темниковцы выдвинули в качестве начальника этого ополчения своего знаменитого земляка Фёдора Фёдоровича Ушакова, «известного всем по отличным деяниям храбрости и долговременной службе». О выдвижении кандидатуры Ушакова на пост начальника ополчения нашими земляками—темниковцами также было до сих пор почти ничего неизвестно. Имеющими важное значение являются и документы об организации Ф. Ф. Ушаковым в глухом тогда уездном городе Темникове госпиталя на 60 коек для раненых и тяжело больных воинов отечественной войны. Этот госпиталь функционировал в течение 4-х месяцев. «Исключительно на отпущенные Ф. Ф. Ушаковым деньги в Темникове был создан и содержался с 15 января по 11 апреля (1813—

М. З.) госпиталь, больные военнослужащие которого, — как доносил в течение этого времени 10 раз Темниковский предводитель дворянства губернатору, — в содержании и лечении не терпят ни малейшего недостатка».

Ушаков был человеком гуманным в обращении со своими крестьянами. Федор Федорович Ушаков, выходец из мелкого нетитулованного дворянства, прошедший тяжелую в то время школу матроса, он за свою отзывчивость, гуманность и демократизм в отношениях к трудовым слоям населения был нелюбим при дворе.

С завершением морских военных операций Ушакова перевели на низшую должность, ему не выдали даже обещанного за заслуги денежного единовременного пособия и дополнительной пенсии.

Только в наше советское время по достоинству оценены великие заслуги нашего славного флотоводца Ф. Ф. Ушакова.

1807 года, июля 4. Копия указа Адмиралтейства коллегии об увольнении в отставку адмирала Ф. Ф. Ушакова[1].

По указу его величества государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийского и прочая, и прочая, и прочая. Из государственной Адмиралтейской коллегии уволенному от должности флота господину адмиралу и разных орденов кавалеру Федору Федоровичу Ушакову, который находился начальником в Санктпетербурге флотских команд. От роду ему 62 года, из российских дворян. Крестьян за ним состоит мужского полу 40 душ. В службе с 1761 года—кадетом в морском корпусе, 1763 г.—гардемарином, 1764 г.—капралом, 1766 г. майя 1-го—мичманом, 1769 г. июля 30—лейтенантом, 1775-го—капитан-лейтенантом, 1782 генваря 1-го — капитаном 2-го ранга, 1784 генваря 1-го—капитаном 1-го ранга, 1787 г. майя 16-го—бригадиром ранга, 1789 г. апреля 14-го—контр-адмиралом, 1793 г. сентября 2-го—вице-адмиралом, 1799 г. марта 25—адмиралом.

В походах был в Балтийском, Северном, Черном, Азовском, Атлантическом и Средиземном морях. Кампаний регламентных сделал: до офицерства одну, офицером под командою—шесть, сам командовал—сорок шесть.

---

[1] Публикуемые ниже архивные документы о Ф. Ф. Ушакове извлечены М. И. Зевакиным из фондов Тамбовского облархива.

Деяния в течение службы господина адмирала следующие: 1772-го года усердием, искусством, снял припасы и материалы с утопленных на реке Доне транспортов, когда оные почитались пропавшими, доставя даже на места и самые суда, за что изъявлена ему благодарность от вышнего начальства.

1774-го года был при защищении от атаки Балаклавской гавани и крепости от турецкого десанта во время возмущения в Крыму.

1783-го—способствовал к превращению свирепствовавшей в Херсоне заразительной болезни.

1788-го—сражаясь с турецким флотом, обратил оный в бегство с важным поражением.

1789-го—к удовольствию начальства и в усиление разделенного флота, вышел из Севастополя с изготовленным самим им флотом, показался на водах Очакова для соединения с Лиманскою дивизиею и тем устранил неприятеля в открытое море.

1790-го—с 4-ю фрегатами и 11 крейсерскими судами обошел весь Анатолийский берег, истребил и сожег множество транспортов и иных неприятельских судов, а паче — при Синопе, Анапе и Самсоне, причиня крепостям... великий вред и распространяя всюду страх, пленил немало разнородных судов с 200 человек.

Потом, командуя всем Черноморским флотом, сражался июля 8-го числа против Еникальского пролива с турецким превосходным флотом, который совершенно разбит и гонимый скрылся ночною темнотою к стороне Константинополя; после чего, вторично сражаясь, августа 28-го и 29-го разбил совершенно неприятельский турецкий флот, взял командовавшего пашу с некоторыми чиновниками в плен, коего корабль взорвало на воздух. Один 14-пушечный корабль с разными мелкими судами и множеством людей достались победителю в плен; один такого же ранга корабль с многими судами потоплен, а остатки разбитого и поврежденного флота спаслись бегством. В довершение своей победы перехвачены еще два судна с чиновниками, бежавшими из устья Дуная с флотами из укрепления и из Варны.

1791-го—сражаясь с турецким флотом, превосходным в числе линейных кораблей и иных судов более 3-х часов, разбил оный, поврежденный загнан к Константинопольскому проливу.

1798-го—присоединился к своему флангу многожды побеждаемый им турецкий (тогда соединенный флот действовал

противу французов, показавшихся в Архипелоге) взял на острове Серию две крепости, поместил пленных французов на фрегат, и по желанию обителей острова дал им закон правления.

Приближаясь 13 октября к острову Занте, действием флота и десантом овладел береговыми укреплениями, прикрывшими город и крепость под оным. И с присоединением жителей город освобожден,—крепость взята на договор, по коему пленные французские воины отосланы в Константинополь. Потом взяты крепости острова—Цефалонии, Италии, Святые Мавры и остров Видо, на коем неприятельские войска разбиты и командующий генерал с 450 подчиненными взяты в плен, оставя более 200 убитых на месте, а бежавшие на гребных судах в крепость ядрами корабля «Богоявления» потоплены. В то же время на берегу острова Корфы десантом взята сильнейшая южная наружная пристройка Сальвадор. Французы на вылазках и против штурмовавших, потеряв более 1200 человек убитыми, из страха сдали крепость и город 1799 года февраля 22-го числа всю власть победителя, получившего в Корфе артиллерию, амуницию, арсенал, магазины с провиантом и иными припасами, знатное число мачтовых и карабельных лесов, один линейный корабль, фрегат и много мелких судов, а в другом порте Гуви взял два ветхие корабля, разные припасы, мачтовые и корабельные леса. Войска французские при четырех генералах числом более 800 (300) человек, безоруженные, по условию отправлены во Францию с обязательством до окончания войны ни против победителей, ни их союзников не служить. Во время же блокады сего знатного острова все окружающие оный малые острова освобождены от французов. После сего одним отрядом освободил от французов крепость и город Бриндизеи и весь берег до Манфредонии. Другим отрядом, совокупно с турецкими канонирскими лодками, освободил берег от Отрента[1] до Бриндизеи, а соединенные его десантные войска с обывателями страны прошли во внутрь провинции Пулии[2], гоня и рассеивая всюду французов и неаполитанских якобинцев, вошли в столичный город Неаполь, предшествуемые калабрийцами, тесня заседавших в укреплениях неприятелей и напоследок разбив оных, завладели замком де-ла Кармехло, через что став властелинами столицы, с присоединившимися жителями распространили покорение зам-

[1] Читай «Атранто».
[2] Читай «Апулич».

ков Л-Ово и Дель-Ово, сильно противившихся. Наконец обложена была сильнейшая в Неаполе крепость Св. Эльма, где гонимые французы заперлись, думая найти свою безопасность, но утесненные со всех сторон войсками, усиленными еще присоединением англичан и жестокостью обложенных батарей, сдались на капитуляцию, и тем столица совершенно стала освобождена. Те же подкомандные адмирала войска, соединялись с англичанами и взяв крепости Тасту и Капуа, даровали свободу Неаполитанскому королевству, поелику особым и содействующим сим доспехом отрядом вице-адмирала Пустошкина в то же время очищены от неприятелей берега от Манфредании к Анконеи, далее до крепости Фано и Сенигалии в Папской области. Самая Анкона держалась в тесной осаде Адриатического моря от крейсеров французских очищено, и коммерция стала свободною, и победитель—адмирал и по убеждению короля обеих Сицилий восстановил в его народе тишину, спокойствие и законный порядок, дав везде в покоренных им островах закон, принятый народами, благоговеющими к своему освободителю, который увенчал свои действия учреждением республики семи ионических островов управлении сенатом в городе Корфу пребыванием.

Отличия, награды его за службу.

За ревностное усердие к службе, искусство в делах и отличную деятельность в военных подвигах, храбрость и мужество, награжден он знаками отличия: Св. равноапостольного князя Владимира 4 степени—1785 сентября 29-го, 3-й степени—генваря 1-го 1788, Большого креста 2-й степени—июля 29—1790, великомученика победоносца Георгия 4-го класса—октября 22 — 1788, Большого креста второго класса сентября 16—1790 года и при оном пожалованы ему в Могилевской губернии 500 душ крестьян, св. Александра-Невского—ноября 21-го 1791 года, потом того же ордена бриллиантовыми знаками, декабря 21-го дня 1798 года, святого Иоанна Иерусалимского с привосокуплением к нему командорства в 2000 руб. ежегодного дохода, того же декабря 21-го дня 1798 года его величества короля обеих Сицилий—св. Януария от его султанского величества в 1798, 1799 и 1800 годах—двумя алмазными челенгами,—двумя табакерками—одного с бриллиантами, другого с алмазами, собольею шубою и пятью медными полевыми пушками со всеми принадлежащими к ним припасами и материалами (пушки те самые, которые с ним были в десанте против неприятелей). От сената

семи островов, в Корфу состоящего, в знак благодарности за их избавление и освобождение поднесен ему меч, украшенный алмазами, с приличною к тому надписью; от правительства острова Занте так же поднесен ему щит и меч в знак благодарности с приличною надписью за их освобождение, с изображением на щите действия флота. От правительства прочих островов, им освобожденных, поднесены ему золотые медали с приличною надписью.

В штрафах не бывал, аттестовался всегда достойным, а сего года генваря 17 дня по высочайшему повелению по прошению за болезньми уволен от службы с мундиром и полным жалованьем, во свидетельство чего ему сей его императорского величества указ и дан в Санктпетербурге июля 4-го дня 1807 года.

На подлинном подписано тако: адмирал и кавалер фон-Дезин, адмирал и кавалер Михайла Макаров, вице-адмирал и кавалер Карцов, тайный советник и кавалер граф господин Чернышев, контр-адмирал и кавалер Гаврила Сарычев, правитель канцелярии 5-го класса и кавалер Игнатьев, столоначальник Телепнев, помощник столоначальника Артемов. Дан сей об отставке указ господину адмиралу и разных орденов кавалеру Федору Федоровичу Ушакову.

У того подлинного указа Государственной Адмиралтейства. Коллегии приложена печать (Скрепил губернский секретарь Александр Куткин)[1].

1797 г. (без числа). Выписка из послужного списка керенского уездного стряпчего Сергея Антонова.

А со оного 789 года генваря первого числа под командою уже господина подполковника и кавалера Федора Федоровича Фонгевота и под предводительством господина генерал-поручика и кавалера Петра Абрамовича Декелдия следует в Таганрог, куда и прибыли. Я ж от многих моих ран и за болезнею отставленный в таганрогский гарнизон, в первый батальон под команду господина премьер-майора Ивана Ивановича Броуна, а по повелению его светлости князь Григория Александровича Потемкина—Таврического июля 1-го числа отослан в морские солдатские батальоны и определен был на корабль «Иоанн Богослов» под команду флота господи-

[1] Госархив Тамбовской области, ОДФ, ф. 161, от 37, лл. 17—36, с хранящейся в Госархиве Тамбовской обл. копии. В целом не публиковалось: выдержки см. «Тамбовская Правда» 1941, 19, V. Изд. Тамбов. обл. милиции «Советский часовой», 1944 г.

на капитана 2-го ранга и кавалера Петра Степановича Овсянникова. И по вооружению корабля на таганрогском рейде августа с 15 числа вояж имели через Азовское море до Еникальского пролива в эскадре господина бригадира флота капитана и кавалера Павла Васильевича Пустошкина; и прошед через Еникальский пролив 23 числа августа, отправились в Черное море, а 26-го прибыли в Севастополь; и октября 8-го соединились с флотом под флагом господина контр-адмирала и разных орденов кавалера графа Марка Ивановича Войновича в эскадре-авангард, под флагом господина адмирала и кавалера Федора Федоровича Ушакова; вояж имели в Черное море для поиску турецкого неприятельского флота до острова Феодоносия и в случившихся в штурме переломало у нас на деке шесть-стандеркниц и для того по повелению эскадренного командира октября 23 числа возвратились в Севастополь, а находились во оном по 1790 год.

А в 1790 году на оном же корабле под командою господина капитана и кавалера Николая Петровича Кумани июля с 1-го числа—вытянулись на Севастопольский рейд, а июля 3-го числа вояж имели с флотом под флагом господина контр-адмирала и разных орденов кавалера Федора Федоровича Ушакова в эскадре бригадира флота капитана и кавалера Гаврилы Кузмича Голенкина Еникальскому проливу, против которого у Кубани реки июля 8 числа имели сражение с неприятельским турецким флотом в жестоком огне с первого до пяти часов, который от нас по темноте ночи удалился бегством, а мы со флотом, дошед до Кединской бухты, остановились на якорь, а оттуда обратились в Севастопольскую гавань, где, исправя кораблей своих повреждения, вторительно августа 23 числа отправились с тем же флотом главнокомандующим к местечку Годжибею, против острова Тенуры вторительно 28-29 числа имели жестокое сражение с турецким флотом, где один неприятельский капитан—пашинский корабль сожжен, а другой-партикулярный, взят в плен невредим. А после оного сентября осьмого возвратились со флотом в Севастопольскую гавань, куда октября 16-го числа с тем же флотом рейс имели к Дунаю для прикрытия гребного флота, а ноября 15 числа возвратились к Севастопольскому порту, где находились по 1791 год.

А в 1791 году на оном же корабле под командою его ж, господина капитана и кавалера Кумани мая 20 числа вышли на Севастопольский рейд под флагом господина контр-адмирала и разных орденов кавалера Федора Федоровича Ушакова, а ескадре—алергардии господина бригадира флота капитана и кавалера Павла Васильевича Пустошкина.

А на место его, господина Кумани июня 30 дня вступил в командование кораблем и командою флота капитан второго ранга и кавалер Федор Васильевич Шишмарев. Июля 10 числа вышли из Севастопольской гавани в Черное море для поиску неприятеля. А второго на десять числа, проходя Балаклаву, оной флот увидели; крейсировали со оным до трех дней, а 17 числа возвратились в Севастополь; а 29 числа оного же месяца вторично отправились с тем же флотом и главнокомандующим в Черное море для поиску неприятеля. А 31 числа увидели неприятельский флот, стоящий на якорях, который, в скорости снявшись, устроил линию, какую мы спустя в жестокое сражение, которое продолжалось—с первого до 5 часов, и разбив неприятельскую линию, обратили в бег. Перемена ветра и темнота ночи воспрепятствовали крейсировать, а на другой день неприятельский флот скрылся, а мы остались при его берегах до 4-х суток и стояли на якорях. А потом, крейсируя со флотом к Варне, августа 8 числа на турецкой Кирлангиче получили перемирие, почему и вошли на Севастопольский рейд, а ноября 8 числа втянулись в гавань.

А с 1792 года отослан во второй Черноморский батальон под команду господина премьер-майора Ивана Петровича Говорова и находился во оном по 1794-й год.

А в 1794 году майя 13 числа командирован для кампании на корабль «Марию Магдалину» под команду флота господина капитана второго ранга и кавалера Шишмарева и на оном рейс имели из Севастополя Черным морем под предводительством господина вице-адмирала и разных орденов кавалера Федора Федоровича Ушакова в вояж крейсерства с тем флотом до Ноджибея[1] и Кеглена около севастопольских берегов, а сентября 7 числа обратно возвратились в Севастопольский рейд, где находились по 1795 год.

1795 года генваря 18-го числа по просьбе моей за имеющимися четырьмя ранами, полученными на сражениях с неприятелем в ноги, в правый и левый бок, за слабостию здоровья Государственным Черноморским адмиралтейским правлением от службы уволен.

Госархив Тамбовской области, ОДФ, ф. 161, оп. 37, д. 23, лл. 1—2.

[1] Читай «Годжибей».

ВЫПИСКА

Из ведомости о пожертвованиях и сборах в Тамбовской губернии на военные нужды в 1812 году.

По уездам Темниковскому на содержание почт 4826 р. 77 к., на дороги, мосты и перевозы 511 р. 28 к., на сдачу рекрут по 82 набору 17168 р. 16 к., по 83 набору 90033 р. 86 к.

На подвижной для армии магазин 14489 р. 47 к., на покупку волов для армии 23757 руб., на обмундирование 1-го Тамбовского пехотного полка 23889 р.

На разные по выпискам обстоятельствам надобности 4568 р.

Госархив Тамбовской обл. ОДФ, ф. 4, оп. 18, д. 4. лл. 449—452.

1812 г., июля 3.— 1813 г., июня 8. Выписка из книги приходной Темниковского уезда, Тамбовской губ. деньгам, собранным на покупку волов для армии.

Августа 2		Число душ	Руб.	Коп.
	Еремшинского чугуно-плавильного и железо-делательного завода крестьян	432	216	—
	Оного завода мастеровых	614	307	—
	Мердушинского чугуно-плавильного и железо-делательного завода крестьян . .	458	229	—
	Оного завода мастеровых	141	70	50
	Вознесенского завода крестьян	57	28	60
	Оного завода мастеровых	125	62	50

Госархив Тамбовской обл. ОДФ, ф. 161, оп. 38, д. 22, л. 24.

1812 г., июля 19. Страница из книги приходной поступающим на обмундирование 1-го Тамбовского пехотного полка деньгам.

Месяц и число	От кого именно поступило	Число душ	Рублей	Копейки
19 июля	Адмирала Федора Федоровича Ушакова	118	2000	

Госархив Тамбов обл., ОДФ, 161, оп. 38, д. 23, л. 11.

1812 г., июля 17. Письмо Тамбовского губернского предводителя дворянства Чубарова С. А. адмиралу Ф. Ф. Ушакову. С приглашением его на губернское собрание дворянства для обсуждения вопроса о решительных мерах для защиты отечества. (отпуск). Ваше превосходительство, милостивый государь Федор Федорович! Из высочайшего манифеста сего года от 6 июля известно каждому россиянину, что сколь необходимы ныне все возможные усилия и самые решительные меры к защите его отечества. Я по долгу обязанности моей, от дворянского сословия на меня возложенной, спешу известить о том особенно ваше высокопревосходительство и покорнейше прошу Вас, милостивый государь, прибыть в Тамбовское дворянское собрание к 23-му числу сего июля, к которому и все дворянство здешней губернии вызывается.

Долговременная опытность службы вашей и отличное усердие ваше перед престолом Российския державы, вами доказанные, да подадут в присутствии всего дворянства твердые способы к ревностным подвигам на пользу общую подвигнуть всех к благодетельным пожертвованиям, и да вдохнут они готовность в сердце каждого. Из дворян принять службу к спасению отечества и к охранению собственной своей безопасности... Тамбовский губернский предводитель дворянства Чубаров.

Госархив Тамбовской обл. ОДФ, ф. 161, оп. 38, д. 7, лл. 49 — 50.

1812 г., июля 25. Баллотировочный список кандидатов в начальники внутреннего ополчения Тамбовской губернии (копия).

СПИСОК

чиновников для избрания губернского начальника над новым ополчением

	Число баллов	
	Избират.	Неизбират.
Генерал от Инфантерии и кавалер Николай Петрович Архаров	76	236
Адмирал и кавалер Федор Федорович Ушаков .	291	21
Тайный советник Николай Семенович Лаптев отозвался слабостью здоровья	—	—
Генерал-майор Василий Александрович Недобров	172	140

	Число баллов	
	Избират.	Неизбират.
Обер-берг-Гауптман 4 класса Александр Маркович Полтарацкий отозвался болезнью	—	—
Генерал-майор Петр Семёнович Муравьёв .	141	171
Генерал-майор и кавалер Павел Васильевич Потулов	108	204
Действительный статский советник и кавалер Дмитрий Родионович Кошелев в Москве находится	—	—
Действительный статский советник и кавалер Илья Иванович Ознобишин	177	135
Действительный статский советник и кавалер Николай Степанович Тютчев	121	191
Действительный статский советник и кавалер Иван Николаевич Новосильцев числится по Москве	—	—
Бригадир Алексей Александрович Пашков . . .	220	92

По сему баллотировочному списку в губернские начальники внутреннего ополчения по большинству избран господин адмирал и кавалер Федор Федорович Ушаков, а по ним старшим кандидатом бригадир Алексей Александрович Пашков (подписи дворян Тамбовской губернии). Копия с подлинным верна.

Госархив Тамбовской обл. ОДФ, ф. 161, оп. 38, д. 2, л. 160.

1812 г., июля 25. Постановление собрания дворян Темниковского уезда о выдвижении кандидатом в начальники внутреннего ополчения Тамбовской губернии адмирала Ф. Ф. Ушакова.

Темниковской округи дворяне, выслушав высочайший манифест, в 6 день июля сего года состоящийся, о выборе из среды себя для распоряжения внутренним ополчением, по общему всех желанию и доверию представляем для избрания в губернские начальники внутреннего ополчения живущего в Темниковской округе, господина адмирала и разных орденов кавалера Федора Федоровича Ушакова, известного всем по отличным деяниям, храбрости и долговременной службе (подписи дворян Темниковского уезда).

Госархив Тамбовской обл. ОДФ, ф. 161, оп. 38, д. 2, л. 160.

1812 г., июля 26. Отношение Тамбовского губернского предводителя дворянства к адмиралу Ф. Ф. Ушакову об избрании его начальником внутреннего ополчения Тамбовской губернии (отпуск).

Сего июля 25 дня дворянское сословие Тамбовской губернии на основании высочайшего манифеста сего года июля от 6-го дня, в общем своем присутствии единодушно по баллам избрало вас губернским начальником над новым внутренним ополчением. По вас кандидатом состоит г. бригадир Алексей Александрович Пашков. Труды и подвиги ваши, доказанные вами ко благу отечества, веры и престола, удостоверяют ожидание благородного дворянства, что вы и среди преклонности лет ваших не отречетесь ныне руководить духом усердия и храбрости соотчичей ваших, из которых каждый во имя блага (отечества) готов по первому воззванию вселюбезнейшего своего монарха поднять оружие на низложение злобствующих врагов его. Сословие дворянства Тамбовской губернии, в надежде получить на сие удовлетворительный отзыв ваш, ожидает с вящим удовольствием прибытия вашего в Тамбовское дворянское собрание. Губернский предводитель дворянства Чубаров.

1812 г., июля 26. Постановление Тамбовского собрания дворян об избрании адмирала Ф. Ф. Ушакова начальником внутреннего ополчения Тамбовской губернии.

Собрание дворянства Тамбовской губернии по избрании в губернские начальники над внутренним ополчением по Тамбовской губернии по заочности господина адмирала и кавалера Федора Федоровича Ушакова, известного по отличным деяниям храбрости и долговременной службе, которому избирательных баллов двести девяносто один, а не избирательных двадцать один; и по нем старшим кандидатом господин бригадир Алексей Александрович Пашков, которому избирательных баллов двести двадцать, а не избирательных девяносто два, и для того, собрание положило: как господин адмирал и кавалер Федор Федорович Ушаков жительствует в Темниковском уезде, почему для уведомления его о сей отличной доверенности дворянства Тамбовской губернии отправить к нему объявивших желание господ надворного советника Ивана Ивановича Сумарокова и коллежского регистратора князя Павла Колунчако-

Госархив Тамбовской обл. ОДФ, ф. 161, оп. 38, д. 7, лл. 60—61.

ва и городового секретаря Ивана Попова, о чем отнестись к господину Тамбовскому гражданскому губернатору и представить при том копию с баллотировочного списка об избрании губернского начальника над внутренним ополчением. (Подписи дворян Тамбовской губернии).

Госархив Тамбовской обл. ОДФ, ф. 161, оп. 38, д. 2 л. 159.

1812 г., июля 29. Письмо адмирала Ф. Ф. Ушакова в Тамбовское губернское дворянское депутатское собрание с ответом на избрание его начальником внутреннего ополчения Тамбовской губернии. Почтеннейшему дворянскому собранию донесть честь имею: За избрание меня губернским начальником над новым внутренним ополчением по Тамбовской губернии, за благосклонное, доброе обо мне мнение и за честь сделанную приношу всепокорнейшую мою благодарность. С отличным усердием и ревностью желал бы я принять на себя сию должность и служить отечеству, но с крайним сожалением, за болезнью и великой слабостью здоровья, принять ее на себя и исполнить никак не в состоянии и не могу. Посему и прошу почтеннейшее дворянское собрание меня от оной уволить и избрать, кого за благо рассуждено будет, другого. Прошу также верить, что я действительно, будучи ныне при совершенной старости лет, находясь в болезни и всегдашней, по летам моим, великой слабости здоровья, должности понесеть и в Тамбовское сословие дворянства явиться не могу.

Адмирал и кавалер Федор Ушаков.

Госархив Тамбовской обл. ОДФ, д. 4, Напечатано в Извест. Тамб. Г. У. К. в. 56, стр. 13.

1813 г., генваря 15. Доношение Темниковского уездного предводителя дворянства Тамбовскому губернатору о взносе адмиралом Ф. Ф. Ушаковым 540 рублей на содержание и излечение больных военнослужащих.

Имея честь вашему превосходительству донести, что по получении мною от здешнего господина городничего исчисления, от уездного лекаря к нему доставленного, о продовольствии больных военнослужащих, проходившими командами в городе Темникове оставленных, в коем значится, что на 60 человек трудноболных требуется в сложности по 18 рублей на день, а на месяц 540 рублей; относился я по изъявленному

благодетельному расположению к таковым пособиям (к) его высокопревосходительству господину адмиралу и кавалеру Федору Федоровичу Ушакову, вследствие чего его высокопревосходительство и представил вышеписанную сумму для продовольствия больных военнослужащих на один месяц 540 р. в мое распоряжение. Сию сумму препроводил и из оной половинное количество на двухнедельное содержание с сего числа с расходною книгою к здешнему уездному лекарю для взноса издержек для больных в оную с надлежащей потребностью под надзором господина городничего и по добровольно изъявленному желанию здешним протоиереем не только присматривать за больными, но и поместить их в его дом. Темниковский предводитель дворянства Александр Никифоров.

Госархив Тамбов. обл. ОДФ, ф. 4, оп. доп. д. 93, л. 18.

И Д. Воронин,
кандидат филологических наук.

К ВОПРОСУ О МОРДОВСКОЙ ТОПОНИМИКЕ

(о названиях рек Суры и Инсары)[1]

Один из видных дореволюционных историков Поволжья, профессор Казанского университета И. Н. Смирнов в своей работе «Мордва» писал: «...ни одна более или менее крупная река в пределах губерний Нижегородской, Симбирской, Пензенской... не носит типичного мордовского названия...»[2]. И далее, перечислив несколько рек мордовского края, в том числе упомянув Суру и Мокшу, Смирнов утверждал, что названия их «чужды мордовскому языку по своему составу, а главным образом по окончаниям...»[3]. И, наконец, резюмируя свои суждения о водной топонимике мордовского края, Смирнов заключает: «...были ли мордва первыми насельниками всего этого края или они заняли земли какой-нибудь другой народности, на основании местных названий решить нельзя»[4].

Такое заключение старого историка, поставившего под сомнение аборигенность мордвы в бассейнах реки Суры и Мокши, не нашло научно обоснованного опровержения и со стороны позднейших авторов по истории Мордовии. Наоборот, некоторые из них пытаются и поныне объяснять названия таких рек, как Сура и Инсара при помощи татарского и даже иранского языков.

Естественно, что объяснить происхождение и значение названий этих рек только при помощи одной филологии невозможно.

---

[1] Печатается в порядке обсуждения.— Ред.

[2] И. Н. Смирнов, «Мордва». Историко-этнограф. очерк. Известия об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1892 г., т. X, вып. 1, стр. 71.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 79.

Для решения этой задачи необходимо привлечение и архивных материалов, и данных археологии, и топонимики, и сохранившихся в народе преданий.

В течение длительного времени мной собирались и подвергались анализу эти данные. Полученные при этой работе наблюдения и выводы и положены в основу настоящей статьи.

Вначале мы выскажем свои предположения относительно происхождения и значения слова «Инсара», а потом — слова «Сура».

Обращение к лексике татарского языка и беседы с живыми представителями татарской национальности не дали возможности получить ответ на вопрос о происхождении и значении слова «Инсара». «Кин»— широкий, «сары»—жёлтый— по-татарски не объясняют, конечно, значения слова «Инсара», получается бессмыслица (широкий, жёлтый или большая, жёлтая).

Вслед за работой над татарской лексикой нами было произведено обследование самой реки Инсары, начиная от её истоков у деревни Александровки, Болдовского района, до впадения в реку Алатырь в Ичалковском районе. При этом зафиксированы были дошедшие до нас и сохранившиеся в живом языке как русских, так и мордвы, и татар местные названия самой реки и её притоков.

Это обследование дало большой вспомогательный материал, однако попытка найти предание, которое бы прямо объясняло происхождение названия реки, не увенчалась успехом, что, кстати сказать, является одним из доказательств большой древности происхождения самого названия реки.

Разгадку данного вопроса возможно получить только при комплексном изучении и топонимики, т. е. географических названий района, и его древнейшей экономики, природных условий, в совокупности с архивными данными и данными археологии.

Характерным для реки Инсары (правый и самый большой приток Алатыря) является то, что она протекает по черноземной, искони безлесной местности, и не случайно поэтому по долине данной реки, как и по правую сторону другой Инсары, или как её теперь называют Инсарки — притока Иссы (обе реки с названием Инсара в направлении течения как бы продолжают одна другую, разделённые лишь незначительным водоразделом)— в древнейшие времена проходила старинная

большая (по некоторым архивным документам, Крымская, Казанская, Буртасская) дорога из Причерноморья в Булгарское (позднее Казанское) царство. Вполне естественно, жители южных степей, как не привыкшие к лесам, искали себе пути в нашем, преимущественно лесном тогда, крае по безлесным промежуткам.

Второе, что характерно для реки Инсары, — это явное преобладание её притоков с ярко выраженными мордовскими названиями (Пишля, Пелелейка, Пенза, Латка и др.), за исключением Чернейки (русское название).

Установленное таким образом явное преобладание мордовских названий притоков натолкнуло автора этих строк на мысль, что разгадку названия и самой реки следует искать в мордовском языке, ибо трудно предположить возможность такого контраста: названия притоков мордовские, а самой реки — не мордовское.

Архивные документы, позволяющие нам углубиться до середины XV века, свидетельствуют о том, что в те отдалённые времена (XV, XVI и XVII века) река именовалась, как правило, не Инсарой, как теперь, а Инзерой или Инзорой, или Инсерой.

Отсюда и различные производные названия — Инзерский острог (совр. село Посоп, центр Саранского района), с одной стороны, и село Инсар-Акшино (Рузаевский район), именовавшееся в документах до конца XVIII в. Инзорой [1],—с другой.

Этот разнобой древнего письма свидетельствует о том, что русские писцы XVI и XVII веков при написании названия реки Инсары не могли точно зафиксировать гласный звук второго слога, стало быть, они слышали звук средний между «е» и «о». Звук же «а» вместо этого среднего гласного появился позднее, под влиянием русских акающих диалектов, отсюда город Инсар в отличие от Инзерского острога, основанного раньше и стоящего ближе к окающим диалектам.

Из приведённых данных следует, что современное слово «Инсара» когда-то произносилось как «Инсёра», что значит по-мокшански—большой (великий) хлеб (хлеб—зерно), а если учесть, что название реки в древние времена часто отражало характер и всей той местности, где она протекала, что особенно ярко отразилось в мордовской топонимике: Пичелейка (пиче—сосна), т. е. речка, протекающая по сосновому лесу; Левжа (левож—мочало)—речка, идущая через липовый лес, который разрабатывался на мочало; Пинксоур (пинкс—обруч) — речка, протекающая по местам, занятым лесом, пригодным для бондарного промысла, и др., то становится возможным судить и о более конкретном значении слова «Инсёра», т. е. местность хлебных злаков, наихлебные места, район хороших урожаев хлебов.

[1] Метрическая книга Саранского уезда за 1761 г. Госархив Мордовской АССР, ф. 57, д. № 4, л. 192.

Этот вывод подтверждается не только географией древнейших времён, но и позднейшими данными.

Высокое качество чернозёмов в долине Инсары отмечалось ещё первыми русскими писцами и мерщиками (конец XVI, начало XVII веков), всегда подчёркивавшими «добротность» этих земель, отмечалось оно и царскими боярами и князьями. Так, например, в 1667 году князь И. Дашков доносил царю, что «... в Саранском уезде земли самые добрые...»[1].

Эти добрые земли ещё в начале XVII века привлекали внимание крепостников и помещиков, которые отбирали их у мордвы, вынуждая её уходить из родных мест. В первые же годы сооружения сторожевой черты, прошедшей через Саранск (середина XVII в.) не раз возникала борьба за эти плодородные земли и между первыми поселенцами города (сторожевыми казаками и стрельцами), с одной стороны, и нахлынувшими сюда помещиками, с другой[2].

Добротность этих земель отмечалась и при генеральном межевании (конец XVIII века), отмечена она и Львом Николаевичем Толстым при посещении им Саранска в 1869 году.

Об этом же говорят и статистические данные. В 50 гг. XIX века средняя продажная цена одной десятины земли в Саранском уезде равнялась 71 руб. 38 коп., тогда как в Краснослободском — 48 руб. 06 коп.[3].

Сделанный выше вывод подтверждается и современной почвенной картой Мордовии, показывающей, что долина реки Инсары является самым большим районом лучших чернозёмов республики.

Естественно, что в древнейшие времена по сравнению с северо-западной частью Мордовии (районы совр. Краснослo-

[1] И. Я. Гурлянд, Приказ великого государя тайных дел, Ярославль, 1902 г.

[2] См. мою статью «Первые поселенцы Саранска». Записки № 11. Мордовский научно-исследовательский институт, Саранск, 1949 г.

[3] Пензенский облархив, ф. 198, д. 1145, форма № 1.

бодска и Темникова, занятые тогда почти сплошь лесами), долина реки Инсары, как местность безлесная и черноземная, выделялась ещё более рельефно, чем в настоящее время.

Наличие слов, позволяющих объяснить происхождение и значение названия реки Инсары именно в мокшанском языке, а не в эрзянском (хлеб—зерно по-эрзянски «сюро») является также подтверждением сделанного выше вывода, ибо долина реки Инсары, так же как и долина другой реки этого же названия (Инсарки, на которой стоит районный центр Инсар), искони была мокшанской территорией, что подтверждается и архивными материалами (архив Саровского монастыря[1], Книга письма и меры бортным ухожаем Алатырского уезда Дмитрия Пушечникова[2] и др.), где часто отмечаются владения темниковских мокшан, идущих далеко за Инсару к реке Суре.

Это подтверждается и археологическими данными — наличием по Инсаре найденных нами при обследовании долины этой реки остатков городищ и селищ (в районе с. Кривозерья и Малой Елховки), которые местным татарским населением Лямбирского района и в настоящее время называются мокшанскими. Подтверждается это и преданиями татар о жившей здесь когда-то мокше и тем, что татары Лямбирского района, живущие по Инсаре (а их предки начали здесь жить ещё в первой половине XVII века, т. е. тогда, когда в долине реки Инсары обитали преимущественно мордва), и поныне называют мордву только мокшей, хотя в этом районе в настоящее время уже нет ни одного мордовского населённого пункта. В лексиконе стариков-татар Лямбирского района нет ни слова «мордва», ни слова «эрзя».

Стало быть, татары, поселившиеся по реке Инсаре, имели непосредственное общение именно с мокшей, как старожилами этих мест, что, кстати сказать, подтверждается и архивными документами[3].

В настоящее время в инсарских долинах (долины обеих рек с названием «Инсара») находятся старейшие мокшанские селения, что также подтверждает сделанный выше вывод. В Инсарском районе — В. Лухма, Кочетовка и др., в Болдовском — само Болдово, Муравьёвка (Мортлей, Мураёвка, по документам XVII в.) и др., в Рузаевском—Перхляй, Пишля

[1] Госархив Мордовской АССР, ф. 1.
[2] Рукописный фонд Мордовского научно-исслед. ин-та, д. 479.
[3] Там же.

и др., в Лямбирском, Саранском и Ромодановском районах, хотя сейчас и нет мокшанских селений, но здесь есть остатки их в виде городищ, селищ, названий урочищ, полей и пр.: «Пустошь Костяшева» вблизи села Салмы, Ромодановского района (здесь была до последней четверти XVII века мокшанская деревня, из которой вышел герой мордовского народа Мурзакайка), места древних поселений мокши в районе Лямбирь, посёлка Смоленский, Малой Елховки, Кривозерья, Лямбирского района, названия речек, оврагов и урочищ в Саранском районе—Пелелейка, Атемарка, Вирхляйка и др., и только в самых низовьях Инсары, в Ичалковском районе, есть эрзянские сёла Лобаски, Ичалки и др., первые поселенцы которых пришли сюда в XVI и XVII вв. из эрзянских районов, из-под Арзамаса.

Характерно, что старое русло реки Инсары, теперь озеро, в самых её низовьях, в Ичалковском районе, где живёт мордва-эрзя, до сих пор обозначается на картах под названием «Сюрь», в произношении же местных жителей это слово звучит как «сюря». Наличие остатков старого русла реки Инсары с названием, означающим тоже «хлеб», но только по-эрзянски («сюро»), является также подтверждением нашего вывода о правильности раскрытия происхождения и значения слова «Инсара». Стало быть, не только мокша, но и эрзя связывали название реки Инсары со словом «хлеб».

Положительное, как нам кажется, раскрытие происхождения и значения слова «Инсара» является новым свидетельством аборигенности мордвы в нашем крае и веским аргументом для опровержения неправильной концепции И. Смирнова и его последователей, а также даёт в руки советского исследователя новые материалы к изучению древнейшей истории мордвы и в частности истории земледелия у этого народа.

Не вдаваясь в подробности второго вопроса, т. е. истории земледелия у мордвы, мы здесь выскажем только некоторые соображения, опять-таки основанные на анализе архивных материалов, данных археологии и топонимики.

В дошедших до нас данных из писцовых книг или выписей из них первой четверти XVII века, восходящих часто к XVI и даже XV векам, зафиксирован в Инсарской долине ряд отдельных обрабатываемых тогда мордвой полей: «Инзеровское поле по правой стороне речки Тавлы»[1], т. е. поле по Инсаре,

[1] Писцовая книга письма и меры бортным ухожаем Алатырского уезда Дмитрия Пушечникова 1624 г. Рукописн. фонд Мордовского Н. И. И., д. 479, стр. 14.

начиная от современного села Посопа, и на север, кстати сказать, не восходит ли и это название «Инзеровское поле» к мордовскому «Инсёра», поле по Инсаре ниже устья Аморды[1], на границе современных Ромодановского и Ладского районов, «польцо нижняя» по обе стороны Инсары, между современными Левжей и Голицыным, Рузаевского р-на[2] и др.

В этих же документах отмечается и наличие в то время дикого (непаханного) поля в Инсарской долине, например, по левую сторону той же речки Тавлы, т. е. на юго-восток от современного Саранска и в других местах.

На основе сохранившихся архивных материалов можно сделать вывод, что под обработкой в то время в нашем крае были далеко не все земельные угодья, а выбирались только лучшие, преимущественно низкие, прилегающие к рекам места, а ещё ранее, повидимому, земледелие мордвы сосредоточивалось, главным образом, на пойменных землях, наносах ила.

Летописные источники свидетельствуют о наличии земледелия в земле мордовской в XIII веке (1228 г.)[3].

Привлекаемые в настоящей статье материалы позволяют судить о более раннем земледелии у мордвы. Свидетельствующая о земледельческих занятиях мордвы топонимика (две реки с названием Инсара, приток одной из них Исёра (Ладский р-н), овраги с названием Атсёра (Лямбирский р-н) и др. сложилась в нашем крае ещё до татаро-монгольского нашествия. Об этом свидетельствуют документальные источники.

В архиве Саровского монастыря и других фондах Центрархива Мордовской АССР сохраняется немало документов о продаже татарскими князьями и мурзами земельных угодий и бортных ухожаев, откуда видно, что во время сделок продавцы и покупатели-татары оперировали, как правило, мордовской топонимикой. Приведём одну из характерных на этот счёт записей из архива Саровского монастыря.

«... в Темниковских книгах Степана Хрущева с товарищи 129 (1621) и 130(1622) годов, каковы они отдали в приказ Казанского дворца вотчинном бортным ухожьем, написано: за темниковскими за служилыми за Тляшем да за Кузякаем мурзами Кутыевыми вотчина за ними в Темниковском уезде

[1] Писцовая книга письма и меры бортным ухожаем Алатырского уезда Дмитрия Пушечникова 1624 г. Рукописн. фонд Мордовского Н. И. И., д. 479, стр. 67.

[2] Выписка из писцовой книги Темниковск. писца Степана Хрущева от 1621 года, данные об этом поле восходят к 1553 году. Госархив Морд. АССР, ф. 1, д. 7, л.л. 13—26.

[3] Полное собр. русск. летописей, т. 1, в. II, Л. 1927 г., стр. 451.

по купчей, что купил пращур их Теребердей Хозалеев у Ширазмята Амингозина Лета 6993 (1485) года бортной ухожей на речке на Инзере (Темниковский уезд до постройки гг. Саранска, Атемара и Инсара простирался на восток за Инсару.— И. В.) Липяг Полелей да Мотфелей с липягами и с дубровою возле вишет помры балташлам (в другом варианте Палташлам.—И. В.) дарвезерамки да тут же потиж померка...»[1].

Несмотря на древность мордовских названий перечисленных урочищ, в силу чего эти названия, естественно, могли значительно видоизмениться, и то, что этими урочищами долгие годы владели татары, что в свою очередь ещё больше увеличивало эти видоизменения, а затем при переписях уже русскими писцами да к тому же со слов татар были внесены новые видоизменения, усугублённые затем последующими часто малограмотными переписчиками (о чём свидетельствует значительная искажённость процитированных выше татарских фамилий и варианты слова «палташлам»), однако мордовская основа этих названий выглядит вполне явственно.

Липяг (т. е. липовая роща) «Полелей» — по речке Пелелейке (приток Инсары, Саранский район), сохранившей и до сих пор старое мокшанское название, означает в переводе на русский — половина, часть (пеле) (реки) (лей), т. е. приток, рукав, часть от целого, часть реки.

В названии другого липяга «Мотфолей» можно усмотреть корень от мокшанского слова «матф» — полегший, в другом значении — яма. Возможно, роща по речке (ручью) с полегшей травой или же роща с ямой, лощиной, с крутыми берегами.

«Вишет помра палташлам» — помра, т. е. роща с многими (ламо) погарями (палфт), по которым производились посевы полбы (вишт).

«Да рвезерамки» — первый слог этого слова надо читать как союз «да». Следующая за союзом часть слова «рвезерамки» есть несколько искажённое мордовское выражение «рвезьарамка», что означает в переводе на русский — лисья стоянка («рвезь» — лиса, «арамка» — стоянка). Этот вывод подтверждается и тем, что одна из рощ описываемого района и в настоящее время имеет в народе название «Лисьи норы»[2].

[1] Госархив Мордовской АССР, ф. 1, д. 7, лл. 13—26. Другой вариант слова «Балташлам» см. там же, ф. 1, д. 1, л. 38 и д. 15, л. 35.

[2] Роща между с. Берсеневкой и Ключерёвом, Саранского района. О современном названии этой рощи («Лисьи норы») мне сообщили жители д. Берсеневки в 1947 году.

В этом же районе сохранилось до настоящего времени название одной из полян — «Лисья поляна»[1].

Название рощицы (померки) «Потиж», вероятно, происходит от мордовского слова «потямс» — сосать, т. е. маленькая роща формы соска.

При всей относительной трудности расшифровки старинных названий данных урочищ при помощи современного мордовского языка факт принадлежности их к мордовскому языку остаётся, однако, неоспоримым не только потому, что большинство корней этих слов находят и сейчас прямые аналогии в живом мордовском языке, и потому также, что эти слова невозможно объяснить при помощи языка татар, как позднейших владельцев урочищ с перечисленными названиями.

Следует заметить также, что отражение в топонимике данного района названий, связанных с подсечным способом земледелия у мордвы, т. е. с посевами хлеба на местах сжигаемого леса, является также свидетельством наличия раннего земледелия у этого народа.

Наличие вблизи реки Инсары поименованных выше небольших рощиц нисколько не колеблет, разумеется, характеристики долины этой реки как безлесной местности, ибо площадь, занятая этими рощами, имеет совершенно незначительный удельный вес по отношению ко всей площади данной долины.

Приведённое выше мордовское название притока Инсары «Пелелей» (половина, часть реки)—широко распространённый термин в мордовской топонимике и является дополнительным доказательством того, что наш край был уже довольно хорошо освоен мордвой ещё до татаро-монгольского нашествия. Подобные названия притоков есть и у Суры — Пелетьма, и у Кши — Пелелейка, и у Алатыря — Пеля и др.

Из приведённых выше данных явствует, что мордва ещё до татаро-монгольского нашествия знала уже в известной мере, где, в каком районе своего края хорошие и плохие земли, умела их отбирать применительно к тем или иным культурам сельскохозяйственных растений и применять, наряду с обычными посевами, по поймам рек и подсечный способ земледелия. Таким образом, мы можем смело утверждать, что до татаро-монгольского нашествия был довольно продолжительный период времени, когда складывалась связанная с земледелием мордовская топонимика в Инсарской долине, и что к периоду татаро-монгольского нашествия мордва в этой долине имела уже значительный опыт в области земледелия, а стало быть, начало его в этом районе восходит ко времени гораздо более раннему, чем XIII век.

[1] Поляна несколько севернее с. Ключерёва, Саранского района. О современном названии данной поляны мне сообщили жители с. Ключерёва в 1949 году.

Говоря о древности земледелия у мордвы и подчёркивая её самобытность, отражённую и в мордовских названиях многих культур сельскохозяйственных растений: «пинеме» — овёс, «вишт» — полба, «каньф» — конопля, кстати сказать, одна из древнейших культур, возделываемых в Мордовии, вероятно, ещё с тех пор, когда посевы хлебов производились преимущественно на пойменных землях, наносах ила и др. и в названиях орудий обработки земли: «изамс» — боронить, «видемс» — сеять, «нуемс» — жать и др., мы должны подчеркнуть и огромное влияние на развитие сельского хозяйства у мордвы со стороны великого русского народа, столь же обильно отразившееся в мордовском языке.

Само мокшанское слово «сёра», хлеб в зерне, заимствовано, вероятно, у славян и воспроизведено от слова «зёрна», известно, что мокша с древнейших времён соседствует со славянскими племенами, объединившимися затем в Рязанское княжество.

Об этом заимствовании может свидетельствовать и характерная особенность языка мокши—оглушение звонкого «з» в русских словах и превращение его в «с».

Сравните также такие мордовские слова, как «розь» с русским «рожь», мордовское «сока» с русским «соха» и т. п.

Эти аналогии свидетельствуют также об осуществлявшемся издревле благотворном влиянии передовой русской культуры на развитие земледелия у мордвы.

В свете изложенных данных и методологических приёмов, применённых здесь, нам представляется, что возможно решить положительно и вопрос о происхождении и значении слова «Сура».

В долине реки Суры, начиная от её верховьев и до устья, с древнейших времён обитала мордва-эрзя, о чём свидетельствует и археология: Сергачский и Иваньковский могильники в её низовьях, городище «Ош пандо» в среднем течении и Армиевский могильник в верховьях и сохранившееся до наших дней наличие мордовской топонимики в бас-

сейне Суры с явным преобладанием в среднем течении данной реки (мордовские названия притоков Суры —Инза, Киша, две речки—Кши, Алатырь с притоком Нуя и др.), и архивные документы, и свидетельства древних историков и путешественников.

В настоящее время в среднем и верхнем течении реки Суры живёт мордва-эрзя, считая себя старожилами этих мест. В нижнем течении Суры хотя теперь процент мордвы и незначительный, но история Нижегородского княжества свидетельствует о том, что и там, в нижнем течении Суры, мордва когда-то обитала в значительном количестве.

Наличие обильно представленной мордовской топонимики в бассейне реки Суры натолкнуло автора данных строк на мысль, как и при работе над Инсарой, что разгадку происхождения и значения названия самой реки Суры нужно искать также в мордовском языке, но только не в языке мордвы-мокши, а в языке мордвы-эрзи, как древнейших обитателей присурских районов, наличие же в топонимике этих районов названий, связанных с названием хлебных злаков или земледельческих занятий, напр. Нуя (нуемс — жать, нуема — жнитво), указывало на то, что родственные названию данной реки слова возможно искать в сфере земледельческой лексики мордвы-эрзи, где мы и находим однокоренные с названием данной реки слова — «суро», что означает в переводе на русский язык просо, и «сюро» — хлеб в зерне вообще.

Вероятно, что первой культурой, которую возделывала мордва в присурских местах, было просо, ибо слово «суро» ближе к слову «сура», чем слово «сюро» (хлеб в зерне вообще), а в некоторых мордовских диалектах просо прямо обозначается словом «сура». Название же реки скорее всего могло быть связано с появлением в этом районе первой культуры земледелия, т. е. с началом его, значительно изменившим растительный мир района и обусловившим появление в связи с этим характерного для данной местности названия.

О старшинстве проса у присурской мордвы можно судить также и по сохранившимся у этой мордвы преданиям, и по древнемордовским верованиям, и по древним печатным источникам. Об этом можно судить и по современной структуре почвы присурских районов.

В старинном мордовском селе Сабаеве, по-мордовски Сур веле, т. е. Сурском селе, до сих пор бытует предание, что «туда в давнишние времена пришли три брата-мордвина: большой—Сабан, другой—Налит, третий—Давыд, они ис-

ходили весь свет и таких мест, как на Суре, не нашли, здесь им очень понравилось. Сабану понравилась земля, Налиту — лес, Давыду — речка. И поселились они здесь. От них и пошли старые мордовские сёла Сабаево, Налитово, Давыдово. Сабан — пахарь, вначале сеял просо на полянах, потом стал раскорчёвывать лес и тоже сеял просо, очень уж хорошо оно родилось у него: земля с песочком, самая просяная»[1].

О преобладании проса в древнейшие времена з Восточной Европе и, в частности, в местах, прилегающих к реке Суре, свидетельствуют и арабские писатели. Так, например, ещё в начале X века Ибн-Фаланд отмечал, что «пища булгар это просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень (у них) в большом количестве»[2].

Как видно из цитаты, просо стоит на первом месте из продуктов, употребляемых в Булгарском государстве, которое примыкало к мордве в районе бассейна реки Суры. О просе, как главном продукте питания обитателей Поволжья, ещё в IX веке свидетельствуют и данные по истории печенегов[3].

О старшинстве проса у мордвы свидетельствует и весь ритуал празднеств этого народа в дохристианский период, а также многочисленные поверья, сохранившиеся вплоть до Октябрьской революции.

Богиня древней мордвы Анге-патяй (мать богиня), источник жизни, деторождения и плодородия земли, особенно любила просо[4]. Просо — её любимое растение. В старинные времена больных детей мордва кормили пшонной кашей, чтобы они скорее поправлялись, пшонной кашей кормили молодых на свадьбе, чтобы у них была счастливая жизнь и родились дети. При рождении ребёнка бабушка-повитуха пшонной кашей кормила всю семью, в которой родился ребёнок, и гостей, чтобы новорождённый рос хорошо, пшонную кашу старухи-мордовки приносили в жертву и самой богине Анге-патяй на так называемом «Бабань-моляне», и даже сам этот праздник во многих мордовских сёлах назывался «Бабань-каша». На этом праздновании варили пшонную кашу, бросали в воду просо, во время моления подвешивали горшок с ка-

[1] Предание записано мной со слов старожилов с. Сабаева Степаниды Ивановны Вешняковой и её сына Михаила Давыдовича Вешнякова в августе месяце 1948 года.

[2] Цитирую по книге «Материалы по истории Татарии», вып. 1, Казань, 1948 г., стр. 114.

[3] Ф. Чекалин, Саратовское Поволжье. Саратов, 1892, стр. 13.

[4] П. Мельников (А. Печерский), т. VII, 1909, «Очерки мордвы».

шей на так называемое священное дерево в знак того, чтобы просо росло высоким. Пшонной кашей женщины-мордовки, призывая имя богини Анге-патяй, кормили кур, чтобы лучше неслись. Без пшонной каши не обходился ни один праздник мордвы не только в честь богини Анге-патяй, но и другие. Пшонная каша считалась необходимым кушаньем при поминании предков у мордвы, старинные лекари-знахарки мордовки при лечении всяких болезней применяли просо. Просо мордовские женщины бросали в воду и просяной водой обмывали детские люльки («лавось») накануне нового года. Просяной водой спрыскивали во время родов женщин. Просом осыпали снег в день самого нового года и т. д. и т. п.

На основе изложенных данных, свидетельствующих о большом значении культуры проса в хозяйственной жизни древней мордвы, а также анализа приведённой выше топонимики, руководствуясь исторической документацией об аборигенности мордвы в присурских районах, мы и высказываем предположение, что древняя мордва-эрзя имя этой важнейшей в её жизни сельскохозяйственной культуры связала с названием крупнейшей водной магистрали, протекающей по её пределам, по местам, связанным с первыми ощутительными удачами этого народа в области земледелия и, в частности, посевов проса.

В этом свете понятными станут и многочисленные упоминания и воспевания Суры в старинном мордовском фольклоре[1], ибо не только река сама по себе вызвала к жизни эти многочисленные фольклорные мотивы, но возникновение их было обусловлено, несомненно, и другими более значительными факторами жизни, связанными с именем этой реки.

Среди некоторых филологов существует мнение, что заключительный слог «ра» в названиях рек представляет собою остаток древнего названия самой реки. Для мордовской топонимики это нехарактерно: река по-мордовски называется «лей», а не «ра»; из 80 названий мелких и средних рек Мордовской АССР с исходом на «ра» имеется всего лишь четыре реки — Сура, Инсара, Иссера и Авгура, причём первые три восходят со всей очевидностью к одному общему названию, по нашему предположению, к «сера» — «сура», а последняя легко распадается на «ав» и «гура», встречающиеся во мно-

[1] «Поэзия мордвы», Саранск, 1949 г., отд. «Устная поэзия». Сборник М. Евсевьева «Эрзянь морот», 1929, Москва и др. изд.

жестве названий мордовской топонимики с собирательным значением, но отнюдь не на «авгу» и «ра».

Вслед за просом, естественно, стали внедряться в хозяйство мордвы-эрзи и другие земледельческие культуры. Название старейшей культуры проса «суро», «сура» было перенесено потом ею и на новые виды хлебных растений, и это название стало общим названием для хлеба в зерне—«сюро», с незначительным лишь изменением во втором слоге этого слова.

Археологические раскопки мордовского городища в среднем течении реки Суры «Ош пандо», произведённые под руководством кандидата исторических наук П. Д. Степанова, со всей очевидностью подтверждают также наличие раннего земледелия у мордвы. При раскопках этого городища, датируемого временем не позднее, чем IX в. нашей эры, обнаружено значительное количество сохранившегося обожжённого зерна разных культур (гороха, ячменя и др.), а также сельскохозяйственные орудия (серпы, сошники-черкуши).

Учитывая то, что просо у мордвы по сравнению с ячменём и горохом является старейшей культурой, мы можем судить о наличии земледелия у мордвы ещё в период времени до IX века н. э.

Изложенные здесь данные и сделанные выводы приводят к тому, что ряд географических названий нашего края, доселе бывших непонятными, и в силу получившихся на протяжении многих веков некоторых видоизменений и напластований, звучащих как бы чуждо для современного мордовского языка, как и для языков других народов, теперь становятся понятными не только по звучанию, но и по смыслу.

Отмечая наличие образовавшихся на протяжении веков значительных видоизменений многих географических названий мордовского края, необходимо подчеркнуть при этом и то, что топонимика народа, создателя её, живущего и поныне на своих исконных землях, представляет огромную ценность для исследователя и при правильном подходе к её изучению, когда в основу при её раскрытии берётся хозяйственная деятельность народа, она становится незаменимым источником для уяснения исторических событий далёкого прошлого, относящихся ко времени более раннему, чем отражённое в архивных документах и печатных источниках.

С раскрытием исторических значений терминов «Сура», «Инсара» и др. мы получаем новые данные и дальнейшие возможности к пополнению и уточнению наших знаний по исто-

рии мордвы, не только подтверждающие её аборигенность в долинах этих рек, но и к опровержению нелепых суждений о её якобы бродячем образе жизни.

Не отрицая вполне справедливых выводов многих историков о большом удельном весе в хозяйственной жизни древней мордвы бортного промысла (пчеловодства) и охоты, мы должны, однако, подчеркнуть, что с древнейших времён мордва занималась и земледелием, стало быть, этот народ ещё до татаро-монгольского нашествия являлся оседлым народом.

Само собой оказываются несостоятельными и высказывания некоторых историков о начале развития земледелия в нашем крае якобы со времени «колонизации», т. е. с XVII века.

Приведённые здесь данные помогут сделать некоторые выводы и в деле изучения татаро-мордовских отношений и, в частности, решить казавшийся недоуменным вопрос, почему мордва в XV и даже XVI веках располагалась, главным образом, в северо-западных районах своей исконной территории, т. е. в более лесных местах вокруг Кадома, Темникова и Арзамаса.

Естественно, что под ударами татаро-монголов с юго-востока мордва, будучи на пути их движения к центру России, вынуждена была, начиная с XIII века, отходить на северо-запад в лесные места, покидая свои сёла и пашни, в менее лесистой юго-восточной стороне, как в местах более уязвимых, удерживая, однако, за собой, поскольку это было возможным, свои бортные ухожаи в отдельных рощах и перелесках юго-востока, отрываясь от них на десятки, а иногда и на сотни километров. И только после присоединения Казани к Московскому государству и разгрома татаро-монгольских ханов, в котором мордва приняла активное участие, как сильно пострадавшая от трёхсотлетнего ига татаро-монголов, мордва при защите со стороны великого русского народа стала со второй половины XVI века вновь продвигаться на юго-восток, на свои исконные земли, приняв также участие в сооружении засечных сторожевых черт Московского государства, сначала Алатырской, а затем Саранской и Инсарской, а несколько позднее и Пензенской.

В этом свете представляются совершенно несостоятельными также и суждения старых историков о том, что мордва якобы искони жила только в лесах, что это якобы народ неземледельческий, а лесной и т. д. и т. п. Не добрая охота заставляла мордву в XIII, XIV и XV веках прижиматься к лесам и укрываться в них, а неволя, страшные опустошительные набеги кочевников. До этого же страшного времени, как и после него, мы видим мордву живущей не только на лесных полянах, но также и в открытых степных просторах.

Учитывая особенности долины реки Инсары, богатой чернозёмами, нетрудным становится объяснить и то, почему в этой долине выросли после свержения татаро-монгольского ига в последующие века крупные населённые пункты нашей республики, такие, как Болдово, Рузаевка, Инзерский острог (ныне село Посоп), Саранск, Ромоданово, Лада, Ичалки и др. Этим преимуществом объясняется и то, что город Атемар, будучи в первые годы сооружения засечной черты в нашем крае (40-е годы XVII в.) главным центром её восточной части, скоро уступил это первенство Саранску, основанному в более выгодных условиях—на сильных чернозёмах и имеющему богатые луговые угодья по реке Инсаре.

ПРИЛОЖЕНИЕ[1]

Выпись из Атемарских писцовых книг $\frac{7151}{1642}$ и $\frac{7152}{1643}$ годов на казачью землю Саранского города полковых конных казаков, прибранных на службу и устроенных пашнею в Саранском уезде.

Лета 7160 (1652) июня в 3 день били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Русии Саранского города полковые конные казаки Янка Зиновьев сын Курмышенин Васка Васильев сын Еремин с товарищи а сказали по государеву указу как на Атемаре были писцы Иван Бобрищев-Пушкин с товарищи и отвели де им Янке Зиновьеву с товарищи двухсотчеловеком дикого поля на пашню и на сенные покосы вдоль Инзеры реки пашни на четыре тысячи на двесте на сорок чети в поле а в дву потомуж и той их земле межи и грани и всякие признаки в атемарских в писцовых книгах написаны а выписи де им с тех писцовых книг на тое их землю не дано а которое де полковые конные казаки прибраны вновь после их Васки с товарищи и те де казаки пашнею устроены ж в Саранском уезде ис порожжих земель из диких поль и живут они от города от Саранска верст по десяти и больши и государь бы пожаловал их казаков прежнего прибору Васку Еремина с товарищи велел им на тое землю что им отвели писцы Иван Бобрищев-Пушкин да подъячей Анисим Ильин дати с писцовых книг выпись а в атемарских в писцовых книгах письма и меры Семена Вельяминова да подъячего Анисима Ильина 150 (1642) году написано в Саранском острожке селятца новополковые казаки Янка Зиновьев сын Курмышенин Васка Васильев сын Еремин Васка Ермолаив сын Ядринец Карпунка Федоров сын Ядринец Володимерко Васильев сын Ядринец Федка Сидоров Медописцов

[1] Приложение к статье Саранская сторожевая черта и город Саранск в первые годы его существования. (Публикация И. Д. Воронина — *Ред.*)

Микулка Лукянов сын Лысковец Микифорко Яковлев сын Ядринец Ивашка Ермолаев сын Ядринец Ивашко Денисов сын Курмышенин Оска Онанин Васка Ортемив Любимко Мосеив Олешка Клементьев Ивашка Матвеев Федка Артемив сын Холопов Сенка Олексеев Федка Елизаров Сенька Архипов сын Мордяков Митрошка Семенов сын Казанец Федка Гаврилов сын Лодыгин Сергейко Иванов сын Бахматов Евсейко Федоров сын Захватов Сенка Кирилов сын Хаботов Ондрюшка Микифоров сын Юрьченин Петрушка Окиньев сын Ерехов Гришка Семенов сын Бряхов Стенка Родивонов сын Питехов Васка Олексеев сын Олферко Яковлев сын Арзамасец Федка Васильев сын Пермитин Микитка Федоров сын Алаторец Митка Микитин сын Арзамасец Ондрюшка Микитин сын Курмышенин Афонка Китаев сын Малявин Сенка Микитин сын Моматов Васка Максимов сын Володимерец Ортюшка Васильев сын Касимовец Назарко Иванов сын Темниковец Федка Петров сын Темниковец Ивашка Гаврилов сын Коновал Елизарко Левонтьев сын Горшешник Карпунка Федоров сын Кузнец Ромашко Левонтьев сын Малцов Офонка Федоров Кондрашко Петров Спирка Логинов сын Темниковец Янка Петров сын Темниковец Васка Григорив Васка Парфеньев Стенка Степанов Янка Офонасив Федка Марков сын Темниковец Олешко Марков сын Темниковец Терешка Агапитов Самойлка Трофимов сын Темниковец Нестерко Иванов сын Темниковец Мишка Ильин Васка Степанов сын Темниковец Лукянко Степанов сын Темниковец Ерофейко Кондратьев Лукянко Андреев Ивашко Семенов и тем казаком и с теми которых впредь приберут двусотчеловеком дикого поля на пашню добрые земли четыре тысячи двесте сорок чети в поле а в дву потомуж сена восмь тысяч четыреста восемьдесят копен пятидесятником по сороку чети человеку сена по осмидесят копен десятником по тригцати чети человеку сена по штидесят копен рядовым казакам по двадцати чети человеку сена по сороку копен да в Отемарских же в писцовых межевых книгах Ивана Бобрищева-Пушкина да подячего Анисима Ильина 150 (1642) и 151 (1643) году написано межа Саранчинского острожку полковых казаков земле с выгонною землею почен от реки Инзеры в болоте стоит вяз на нем гран а от того вязу прямо на березу на ней две грани а от тое березы прямо на столб дубов на нем три грани на праве земля полковых казаков а налеве выгонная земля а от того столба направо прямо через вражек полем на столб дубов на нем две грани а от того столба прямо через крутой враг к редкодубу на дуб з делью на нем две грани а

от того дуба прямо через редодуб на нем две грани да вал а от того дуба прямо полем на столб дубов на нем две грани а оттого столба прямо на другой столб дубов на нем две грани а от того столба прямо на третей столб дубов на нем две грани а от того столба прямо через речку Мокрую Пензу в редодубе на дуб з делью на нем две грани а от того дуба прямо через редодуб на дуб з дельюжна нем две грани а от того дуба прямо х Кучуганпомре на вершине Кочуганского врага стоит дуб на нем грань а от того дуба Кучуганским врагом вниз до реки Инзеры живым рубежом на праве земля Саранских казаков а на леве земля голов и сотников

Справил Елисейко Самойлов

30516.

БИБЛИОТЕКА
№ _____
научно-иссл. ин-т яз. лит-ры

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

М. В. Дорожкин. Мордовия от февраля к октябрю 1917 г. . . . 3
Г. Я. Меркушкин. Народное образование в Мордовской АССР . 56
М. Г. Сафаргалиев. К вопросу об общественном строе древней мордвы 73
М. Г. Сафаргалиев. Заметка о буртасах 88
Н. П Руткевич. Положение промышленных рабочих на территории Мордовии в XVIII и первой половине XIX вв. 97
И. М. Корсаков. К вопросу о помещичьем закрепощении мордвы 126
П. Д Степанов. Взаимоотношения мордвы и восточнославянских племён по данным археологии 140
И. Д. Воронин. Саранская сторожевая черта и город Саранск в первые годы его существования 165
О. А. Яковлева. К вопросу о списке служилых людей 7081 (1573) г. 234
О. А. Яковлева. Боевые награды Ивана Грозного и сына его царевича Ивана (к истории Ливонской войны 1577 г.) 238
А. М. Силкин. Обзор документальных материалов дореволюционных фондов центрального государственного архива Мордовской . . АССР 244
М. И. Зевакин. Документы о великом русском флотоводце *Ф. Ф. Ушакове* 251
И. Д. Воронин. К вопросу о мордовской топонимике 266
Приложение 282

Редколлегия: *И. Д. Воронин. В. В. Горбунов, К. А. Котков.*

Выпускающий редактор *Е. А. Макейчева.*

Техредактор *М. Д. Попова.* Корректор *Н. М. Зорькина.*

Сдано в набор 26/I—1951 г. Подписано к печати 6/VI—1951 г.
Ю03902. Бумага 60×92¼16 Печатн. лист. 18. Авторск. лист. 16,48.
Тираж 2000 экз. Цена 10 руб. 70 коп. Заказ № 3034.

Типография „Красный Октябрь" Полиграфиздата при Совете Министров Мордовской АССР, г. Саранск, Московская, 115.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка		Напечатано	Следует читать
	сверху	снизу		
61	20	—	учебном	учебному
83	—	5	Буртасы	Пургасы
164	11	—	род	фонд
169	7	—	Терка	Терека
172	—	2	дорогах, проходивших	дороге, проходившей
—	—	3	дорог	дороги
178	8	—	Мещерского	Мещерские
182	23	—	Мокши, в направлении	Мокши выдвинуты караулы в направлении
188	2	—	(Комлогоровы)	(Колмогоровы)
189	сноска	2	1619-1680 гг.	1679-1680 гг.
190	14, 15	—	погребища	погребица
194	10	—	Сущинский. На	Сущинский, на
—	13	—	„Крымкой“	„Крымской“
199	4	—	„Саразымкшртом“	„Саразымкуртом“
202	сноска	3	вып XIV	вып. 45
211	сноска	4	вып. XV, 1903	вып. 45, 1901
220	сноска	4	л. 18	№ 18
221	сноска	1	л. 18	№ 18
242	—	4	стройкой	строкой
—	—	7	Лата	Лта
254	10	—	превращению	прекращению
255	сноска	2	Апулич	Апулии

Заказ 3045.